

УЖИЗНЬ

1996

11—12

Редакционный совет:

Г.И. Абелев, М.Е. Вольпин,
В.И. Гольданский, Ю.А. Золотов,
В.А. Коптюг
Н.Н. Моисеев, Л.М. Мухин,
О.М. Нефедов, Р.В. Петров,
Н.А. Платэ, П.Д. Саркисов,
А.С. Спирин, Г.А. Ягодин

Редколлегия:

И.В. Петрянов-Соколов
(главный редактор), А.В. Астрин
(главный художник),
Кир Булычев, Г.С. Воронов,
А.А. Дулов, В.И. Иванов,
А.Д. Иорданский (зам. главного
редактора), С.Н. Катасонов,
В.И. Рабинович, М.И. Рохлин
(зам. главного редактора),
Н.Д. Соколов (ответственный
секретарь), С.Ф. Старикович,
Л.Н. Стрельникова (зам. главного
редактора), Ю.А. Устынюк,
М.Б. Черненко, В.К. Черникова,
Ю.А. Шрейдер

Редакция:

В.М. Адамова, Б.А. Альшулер,
В.В. Благутина, Л.И. Верховский,
Е.А. Горина, В.Е. Жвирблис,
Ю.И. Зварич, М.Б. Литвинов,
Т.М. Макарова, А.Е. Насонова,
С.А. Петухов

Набор и верстка – Издательство
“Наука” РАН

Отпечатано с оригинал-макета
в Московской типографии «Наука».
Тир. 4311 экз. Заказ 2258.

Издательство “Наука” РАН

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 117049 Москва,
ГСП-1, Мароновский пер., 26.
Телефоны для справок: 238-23-56,
230-79-45.

При перепечатке материалов ссылка
на “Химию и жизнь” обязательна

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ МИРЫ “ХИМИИ И ЖИЗНИ”

Очень серьезная фантастика

<i>С. Гансовский. Пробуждение</i>	4
<i>М. Кривич. Синтез ПСА</i>	17
<i>В. Штерн. Сумасшедший король</i>	26
<i>Р. Гасан-Заде. Старик и старуха</i>	35
<i>Г. Николаев. Восприимчивый</i>	37
<i>Г. Николаев. Встречный и поперечный</i>	40
<i>А. Молчанов. Планета № 386</i>	41
<i>Ю. Брайдер, Н. Чадович. Рукопись, затерявшаяся в архиве</i>	43
<i>Г. Прашкевич. Виртуальный герой, или Закон всемирного тяготения</i>	44

Крайне серьезная фантастика

<i>В. Бабенко. Встреча</i>	49
<i>А. Азимов. Некролог</i>	81
<i>М. Пухов. Цейтнот</i>	93
<i>М. Кривич. О. Ольгин. Не может быть</i>	97
<i>А. Гланц. Вы еще о нас пожалеете!</i>	98
<i>С. Логинов. Капкан на гения</i>	100
<i>А. Спирин. Капитан и корабль</i>	101
<i>Г. Аллен Смит. Закон Фетриджа</i>	103
<i>В. Коть. К нам едет ревизор!</i>	105

Не слишком серьезная фантастика

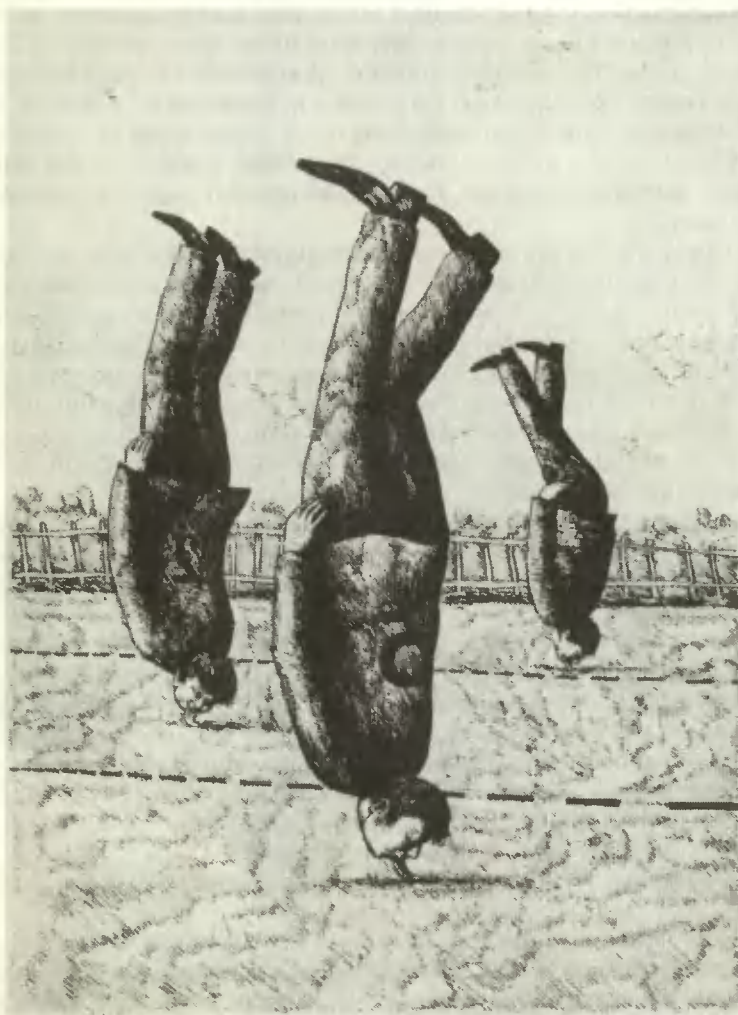
<i>К. Булычев. Любимый ученик факира</i>	109
<i>В. Ручинский. Не ищите кролика Кузю</i>	121
<i>Б. Руденко. Экзотический вариант</i>	127
<i>Н. Блохин. Настоящим направляю заявку</i>	133
<i>А. Гланц. Рыба-часы</i>	135
<i>В. Матизен. Берегите рыбу-часы!</i>	136
<i>Ю. Пригорницкий. Вариации на темы Шарля Перро</i> ..	137

И совсем не фантастика

<i>К. Пичев. Похвала глине</i>	142
<i>Я. Бабушкин. О незыблемом</i>	144

<i>В. Зеленков.</i> О сверхтонком взаимодействии теоретической физики и правил дорожного движения	145
<i>И. Гончаров.</i> Гидродинамика толпы	146
<i>В. Третьяков.</i> Пятипальцевая теория темпераментов	148
<i>В. Коть.</i> Ненаучные истории	151
<i>Э. Куссуль, В. Ольшанников.</i> А телефон еще не изобрели	153
<i>К.П. Гурьев.</i> О мнимой единице и дырке от бублика .	154
<i>И. Леенсон.</i> Когда добавлять молоко?	155
<i>В. Пушкарев.</i> Как писать статью по биохимии	157
<i>С.Н. Шевченко.</i> Зачем нужен авторский указатель	159
<i>А. Кессених.</i> Как придумать термин	160

ОЧЕНЬ СЕРЬЕЗНАЯ
ФАНТАСТИКА

Пробуждение

Север ГАНСОВСКИЙ

С тех пор прошел год, главный герой истории, Федор Васильевич Пряничков, уже пережил все связанное со своим внезапным величием и падением, успокоился, отключился. Случай можно не держать в тайне.

Познакомим прежде всего читателей с личностью самого Федора Васильевича (или Феди, как он рекомендует себя при знакомстве). Работает Пряничков в журнале «Знания и жизнь», заведует отделом антирелигиозной пропаганды. Издание это, как известно, бойкое – в конце концов за что ни возьмись, все имеет отношение либо к знаниям, либо уж наверняка к жизни. Поэтому народ в редакции и отделе толчется разнообразный – от академиков и школьников даже до каких-то вовсе диких странников, из которых один утверждает, что своими глазами зрил на Таймыре дыру, доходящую до центра Земли, а второй веером рассыпает на столе лично им сделанные фотографии Господа Бога. Со всеми – независимо от возраста, званий и заслуг – Федя держится одинаково, к любому посетителю сразу начинает адресоваться на «ты». Но не оттого, что испытывает симпатию, а просто давая понять, что не придает этому человеку значения. Он вообще придает значение только тем, кого никогда не видел.

Честно говоря, в редакции давно подумывали, что Пряничкову не худо было бы перейти в другой журнал. Вероятно, работнику печати должна быть свойственна способность зажигаться, а у Феди вид всегда сонный, даже не совсем сонный, а какой-то скучный и разочарованный. Хотя ему всего немного за тридцать, такое впечатление, будто он давно всем перегорел и понял, что из всего ничего не выйдет. А если даже и выйдет, то тех, кто против, не переубедишь. О чем с ним ни заговорить, Пряничков все знает, сразу подхватывает вашу тему и тут же на месте ее приканчивает. Орудует он двумя постулатами: во-первых, «все это уже было», а во-вторых, «из этого ничего не получится».

С авторами Федя разговаривает неохотно, вынужденно, глядя при этом в сторону и перебирая что-нибудь на столе. Никогда он не похвалит даже принятую им самим статью, поэтому, даже напечатавшись в его отделе, человек не получает удовольствия.

Неизвестно, что именно сделало Федю Пряничкова таким, но похоже, что он вообще никаких чувств не испытывает. Обрати его внимание на девушку-красавицу, угости рюмкой старейшего армянского коньяка, дай побывать на концерте Рихтера или на первенстве Москвы по боксу, где новичок срубает олимпийского чемпиона – на все в ответ только унылое: «Ничего-о...». Будто стенка между ним и миром.

Роста он среднего, внешности тоже средней. На летучках и разных собраниях либо помалкивает, либо присоединяется к большинству выступавших. Живет, в общем, наполовину или на треть. Вроде не проснувшись.

И надо же, чтоб именно на Федю попал в редакции тот приезжий с вещмешком.

Случилось это в четверг 15 июля в прошлом году. Жарища тогда, как все помнят, стояла в Москве сатанинская. В квартирах на солнечную сторону жизнь была вообще невозможна, в квартирах на теневую – возможна лишь на ограниченном пространстве между вентилятором и бутылкой пива из холодильника. Каждый, кто мог,

бежал, естественно, из столицы на озеро Селигер, на Рижское взморье или на Алтай – рассказывают, что несколько журналистов-международников укрылись от жары аж в Сахаре. Опустела и редакция «Знаний и жизни». В большой комнате, где, кроме Феदिного, помещались еще отделы быта и не совсем точных знаний, остался один только Пряничков за своим антирелигиозным столом.

Хотя утром в тот четверг прошла коротенькая гроза, никакого облегчения не случилось, и в полдень, окончательно замороченный духотой и письмами читателей, Федя вынул из кармана ядовито-желтую пилюльку поливитамина – он летом тоже их употреблял, – лег грудью на стол и уныло посмотрел в окно, за которым раскинулся широкий вид на залитую беспощадным светом Гостиничную улицу.

От метро, вдоль фасадной стороны Химического музея, в полуподвале коего жила в прошлом году редакция, размашистой свободной поступью шагал дородный мужчина с яркой каштановой бородой. Кроме бороды при нем был здоровущий вещмешок, толстый геологический изыскательский пиджак, добела выгоревшие брюки и тяжелые русские сапоги. Прямые солнечные лучи били сразу наповал, но бородатый выступал, явно наслаждаясь собой и всем вокруг.

Увидев вещмешок и особенно сапоги, на которых даже издали ощущалась пыль дальних странствий, Федя затосковал. Он понял, что путешественник направляется к нему.

А мужчина с вещмешком не торопился уйти с солнцепека. Налетела на него слепа окончательно раскисшая, киселеобразная дамочка с продуктовой сумкой в руке – бородатый отскочил, извиняясь, а затем сказал дамочке нечто, видимо, до такой степени галантное, что она тотчас подобралась, оформилась во всех своих частях, гордо закинула голову, заулыбалась и дальше двинула такой ладной походочкой, что поглядеть любо-дорого. Еще мужчина коротко пообщался с хозяйкой ларька «Мороженое». Она некоторое время смотрела ему вслед, потом, повинувшись неясному инстинкту, порывисто встала и протерла тряпочкой переднюю стенку своего прозрачного убежища.

Энергия исходила от незнакомца, ею заряжалось все окружающее. Чудилось, будто в результате его жестов возникают новые структуры магнитных полей и гравитационные завихрения.

Он прошел мимо окна, и через минуту Федя услышал в коридоре редакции тяжкий грохот сапожищ. Запахло кожей, вещмешком, солью, пылью, солнцем, перцем, сосновой смолой и еще всяким таким, чего Пряничков и определить не мог. В комнате стало тесно, паркетные половицы пригибались, жиденькие редакционные стулья разлетались в стороны. Мужчина поздоровался, представился – Федя тотчас забыл и названную фамилию, и профессию. Пришелец снял вещмешок со спины, развязал горловину и достал снизу, из-под связок книг и всякого другого имущества, порядочно замусоленную нетолстую тетрадку в дерматиновом переплете. С нею он подошел к Феде и сказал, что хотел бы представить для опубликования результаты некоторых опытов по сну и бодрствованию, вкупе с теоретическим истолкованием экспериментов.

Федя, само собой разумеется, тетрадку оттолкнул.

– Не пройдет, – сказал он. – Через редколлегию не пройдет, прямо тебе скажу. Не та тема и имя не то. Кроме того, не ново. Про сон уже печатали. И про бодрствование.

– Так значит, мы уже на «ты», – задумчиво произнес мужчина раскатистым интеллигентным басом. – Польщен, конечно...

Тут он внимательно оглядел Федю Пряничкова, как если б только теперь по-настоящему увидел: немощную ручку, которую тот оборонительно выставил, серый галстучек на серой рубашке.

Физиономия бородача потеряла благодущие, что-то раздерганное, отрывистое

появилось в глазах за стеклами очков. На миг в комнате сделалось напряженно, как в ожидании взрыва. Затем все покатилося обратно, мужчина усмехнулся, стал опять похожим на большого доброго медведя.

– Ладно, – согласился он. – Не понравится, не станете печатать. На сохранении рукописи тоже не настаиваю. К этой проблеме я уже не вернусь, ждут другие дела.

Он отодвинул Федину ладонь, положил тетрадку на край стола. Полез к себе во внутранный карман пиджака, извлек белую таблетку.

– Вот. Если найдется доброволец, можно попробовать... А засим, – он выпрямился и выкатил грудь колесом, – разрешите откланяться.

Официальность этой позы заставила Федю встать, что было, в общем-то, против его правил.

Бородатый еще раз улыбнулся – теперь он окончательно стал тем галантным бонвиваном, каким был на улице. Он приятельски хлопнул Пряничкова по спине, горячо встряхнул Федину руку, вывихнув ее при этом, извинился, тут же вправил, поделился в своей вещмешок и ушел – может быть, открывать нефтяное месторождение под Байкалом, может быть, строить аппарат для прямого преобразования времени в пространство.

Пряничков стоял у стола всклокоченный и расшатанный. Он взял тетрадь, брезгливо перелистнул несколько страниц. Почерк был адский, бегущий, текст уродовали зачеркивания, исправления, стрелки. Федя с трудом понял фразу: «Множество людей, как правило, спит». Он хмыкнул. Потом речь пошла о пиковых состояниях, и с великой мукой Пряничкову удалось разобрать:

«...Видим, что большинство пиковых состояний являются феноменами притятия, приема. Вопрос в том, чтобы личность умела впустить их, отдаться, снять тормоза, позволить... Природа Существования предстает тогда в обнаженном виде, а вечные ценности кажутся атрибутами самой Реальности...»

Далее на десяти листах с обеих сторон следовали уравнения, таблицы, графики, параболы, гиперболы, чуть ли не метафоры. Все заканчивалось длиннющей химической формулой, в которой Пряничков разобрал только начало – « $C_xH_yO...$ » – и почему-то в квадратных скобочках. Дальше было « $CH_3N-CO-OS...$ » и еще много таких же символов, построенных то в ромбики, то в трапеции – в их журнале один Гурович из отдела совершенно точных знаний мог разобраться во всем этом. Еще мелькнуло что-то вроде «...ингибирование C_xH_y -радикалами приводит к изменению конформации клеточных нуклеаз по β -типу в нашей классификации...»

Федя вздохнул, воровато огляделся, проследовал в угол комнаты и уронил тетрадку в корзину для мусора. Затем, обессиленный решительностью этого деяния, вернулся на свое рабочее место, сел, нервно взял витаминную таблетку и проглотил ее, глядя в окно. Посмотрел на стол перед собой и понял... что он не ее проглотил.

Желтая пилюлька лежала возле баночки со скрепками, но не было той белой таблетки, что мужчина с вещмешком положил тут же.

Следовало испугаться, но по вялости характера, а также из-за жары Федя не смог.

Вторая половина дня укатилась в прошлое и стала историей без происшествий. Пряничков спокойно досидел положенное ему время. Но когда он вышел из метро на станции «ВДНХ», уже позабыв о белой таблетке, и проследовал к себе на улицу Кондратюка, он вдруг заметил, что асфальт мостовой приятно лиловет под лучом вечернего солнца. Это немножко насторожило Федю, поскольку внимания на цвет асфальта он никогда не обращал, считая его просто серым.

А дома после ужина началось по-настоящему странное. Поднявшись из-за стола, Федя не устроился в кресле, чтоб подремать у голубого экрана, а принялся ходить по квартире. Вид у него был обеспокоенный. Он то вытаскивал из застекленного

парадного книжного шкафа тяжелый фолиант «Детской энциклопедии», тревожа незапятнанную белизну страниц, то недоуменно разглядывал фаянсового жирафа за стеклом царственного серванта. Посидел на диване, потирая руки и явно мучаясь, встал и вдруг сказал своей жене Шуре, что ему хотелось бы порисовать. Такого желанья в доме никто никогда не выражал, никаких рисовальных принадлежностей не оказалось. Но Пряничков не успокоился, стал спрашивать, нельзя ли что собрать по соседям. Дочка вспомнила, что живущий наверху тринадцатилетний Юрка Воронин занимается в Московской художественной школе. От щедрого Юрки Пряничков вернулся с листом полуватмана и чешским механическим карандашом. Он разрезал лист на куски и попросил дочь позировать ему. Наташа натурщицей была плохой, она все время вертелась. Тем не менее Федя сделал рисунок, рассмотрел его и тут же, разорвав, выбросил. Второй рисунок, для которого позировала жена, постигла такая же судьба, но третий, изображающий Шуру, и сейчас можно увидеть в коллекции доктора Крайковского из секции биоинформации. Перед тем как взяться за него, Пряничков, несмотря на поздний час, еще раз поднялся к Ворониным и попросил у Юры какое-нибудь пособие по рисованию. Оно нашлось, и весьма солидное – «Школа изобразительного искусства» в 10 томах.

Уже настала ночь, жена и дочка легли. Несколько раз, просыпаясь, Шура видела мужа то сидящим с карандашом в руке напротив их общей постели, то слоняющимся из комнаты в комнату. Ей спалось тревожно, она спрашивала себя, не повредил ли супруг в уме.

Пряничков заснул около четырех, встал в девять. Быстро позавтракал и тут же, на кухне, не вставая из-за стола, сказал, что им нужно продать сервант.

Померкни внезапно белый свет и высыпи на небе звезды, это не произвело бы на Шуру большего впечатления. Как раз главную-то часть гарнитура за 1600, на которой долго и самоотверженно копили, и составлял именно сервант. Роскошный и властный, он в течение нескольких лет был предметом мечтаний и теперь, можно сказать, доминировал в жилище Пряничковых, как собор в средневековом городе. Сервант намеревались со временем заполнить сервизами и хрусталем, без него дом делался не домом, семья – не семьей.

Слезы из Шуриных глаз прожгли мыльную пену в раковине водопровода. Но Федя погладил жену по плечу и объяснил, что дома много вещей решительно никому не нужных при том, что не хватает необходимого. Шура в смысл его слов не вникала, ибо все происходящее могло для нее означать только, что Пряничков собрался подать на развод. Однако тут ее взгляд упал на последний рисунок мужа, почему-то оставшийся с ночи на подоконнике. Она безотчетно взяла лист и стала его рассматривать, всхлипывая. Незнакомая гордость вдруг затеплилась в ее сердце. Спящая молодая женщина на рисунке была и похожа и непохожа на настоящую Шуру. Плечи, шея вроде были те же, но все обволакивали теплота и поэзия, каких Федина жена за собой и не подозревала.

Пряничков воспользовался заминкой, быстро вызвал по телефону мебельный коммиссионный. Через сорок минут оттуда прибыл самоуверенный красавец – заместитель директора, а за ним трое молодцов-грузчиков, которые тяжело, словно ломовые лошади, вздыхали и топтались на лестнице, заранее показывая своим поведением, сколь нечеловечески велик предстоящий им подвиг.

Квартира к этому моменту уже выглядела, как после землетрясения. Из книжного шкафа Федя успел выгрести первый внешний ряд книг, за ним во втором слое обнаружили подписные Томас и Генрих Манн, трехтомная «История кино» и еще много разного. Все вещи были стронуты с привычных мест, стопа досок громоздилась на кухне, и стену большой проходной комнаты обмерял дядя Ваня – водопроводчик, по совместительству столяр, электромонтер, натирщик полов и в целом всеобщий домовый работник.

Эlegantному замдиректора Пряничков предложил не только сервант, но и столь же драгоценный журнальный столик, могучий книжный шкаф, торшер с двумя рожками и трюмо. За это последнее Шура стала грудью, как тигрица, охраняющая дитя. Однако в Феде теперь возникла какая-то мягкая настойчивая убедительность. Он сначала согласился с доводами жены, но потом развил их дальше, в результате оказалось, что трюмо действительно без всякой пользы стоит в маленькой комнате, занимая место и бесцельно отвлекая на себя умственную энергию. И в конце концов Шура махнула рукой.

Пока замдиректора выписывал квитанции, бросая кокетливые зазывные взгляды на Пряничкову-старшую и даже, по инерции, безотчетно, на Пряничкову-младшую, двенадцатилетнюю Наташу, трое богатырей со стенаниями и бранью взялись за сервант. Они так ожесточенно спорили и так громко жаловались, что могло показаться, будто еще ни разу в жизни им не приходилось выносить из квартиры что-нибудь большее, чем табуретку. Поэтому удивительной была легкость, с которой сервант под аккомпанемент непрерывных воплей вдруг выплыл на лестницу.

Тут же в раскрытых дверях возник скромного вида работник из букинистического – Шура потом вспомнить не смогла, когда муж успел вызвать и этого. Специалисту по книгам Федя отдал «Детскую энциклопедию», «Историю кино» и целый десяток толстых подарочных изданий вроде «Молодежь в искусстве» или «Балет Большого театра». Хотел было отдать и Томаса Манна, но, раскрыв один томик на случайной странице, задумался, отложил.

Шура чувствовала себя среди этого разгрома, как на вокзале во время посадки, когда сам не едешь. Она не знала, куда сесть или куда встать. Со всех сторон на нее что-то двигали, предупреждаяще гикали. Но когда была вынесена мебель, когда у стены воздвиглись наскоро сработанные книжные полки, в квартире вдруг стало не только просторно, но молодо и по-странному освобожденно.

Реформы, однако, на этом не кончились. Пряничков продажей занимался невнимательно, квитанции подписывал не глядя, деньги за книги принял не считая. Он все к чему-то стремился, внутренне был уже не здесь и, рассчитавшись с дядей Ваней, вручив трем рыдающим атлетам десятку, которая их тотчас успокоила и сделала безразлично грубыми, отправился в центр. Но не в редакцию, поскольку у него был личный выходной взамен отработанной прошлой субботы, а по магазинам. Домой он привез мольберт, этюдник, коробку с масляными красками, холсты на подрамниках и еще несколько пакетов.

Было еще только два – полносветный, ослепительно солнечный день. Федя быстро пристроил у затененного шторой окна мольберт, этюдник на ножках и, ежеминутно консультируясь со «Школой изобразительного искусства», принялся писать – то чашку, то спичечный коробок. Мольберт вдруг показался ему неудобным – он переделал его с помощью нескольких столярных и слесарных инструментов, приобретенных на улице Кирова. Быстрота, с которой он начал и кончил переделку, поразила жену.

Потом Шура поехала на вечернюю смену в Центральный телеграф, а к Феде присоединилась Наташа. Успехи дочери были невелики, Федя же прогрессировал в удивительном темпе. Написанный им карандаш хотелось приподнять пальцами, а чашка столь выпукло лезла с холста, что казалось: вот сейчас упадет и – в скорлупки.

Однако не схождение было для Феде конечной целью.

Когда жена приехала в полночь, Пряничков, пользуясь все той же «Школой», учился рисовать глубокое синее небо, как на картинах итальянского Возрождения, и отчетливые части зданий в манере Каналетто. Он откровенно списывал с репродукций, и Шура видела, что получается.

На следующий день – то была суббота – Федя встал в шесть и чрезвычайно устремлено за три часа написал в старинном стиле воображаемый пейзаж с путниками, которых он почему-то одел в трико красного цвета. Пряничков был так поглощен ра-

ботой, что как бы проснулся и осознал, где находится, только закончив вещь. Прошелся по комнатам, насвистывая, обнял жену, поцеловал дочь в белокурую макушку, позавтракал, похвалив свежий орловский хлеб, – домашние никогда не видели его таким оживленным.

Затем, действуя с прежней энергией, Федя поехал на Преображенский рынок, где за овощными рядами помещался комиссионный магазин, принимающий все – от ношенных ботинок до произведений искусства. Пейзаж оценщику понравился, он предложил за него пятнадцать рублей. Пряничков протянул было свой паспорт, но тут выяснилось, что он же является автором вещи. Оценщик возвратил ему пейзаж и посоветовал обратиться в закупочный фонд Министерства культуры РСФСР. Федя на площадь Ногина не поехал, а вместо этого дома в течение пол часа тербил свое произведение, прогрел и коптил его над газовой плитой. Когда произведение приняло достаточно затертый вид, Пряничков вызвал такси и отправился на Гостиничную улицу в антиквариат. Сидевшая там в подвале очень современная девица в четырехугольных очках и клетчатой короткой юбке пейзаж в руки не взяла, велела поставить его к стенке, издали, закинув ногу на ногу, рассматривала минуты две, а затем решительно отнесла ко второй трети XVIII века. Ее несколько смутили странные путники в красном, она позвала еще одного специалиста, вдвоем они спорили некоторое время, переходя порой с русского на французский, немецкий и английский, презрительно игнорируя Федю, который помалкивал. В конце концов «Пейзаж с замком и путниками» был оценен в двести шестьдесят рублей и выставлен с табличкой «Ин. школа», каковая надпись означает, что неизвестны ни автор, ни страна, ни эпоха. Федя еще отирался в магазинном зале, разглядывая старинные подсвечники и всякие другие интересные штуки, как турист в замшевых штанишках ткнул пальцем в «Путников». Тут же все было оприходовано, снято, сбалансировано. Пряничков получил деньги и пошел в авиакасы на Черкасском переулке.

На улицу Кондратюка он приехал к трем часам и сказал домашним, чтобы приготовили купальные костюмы, так как все они отправляются на воскресенье в Ялту – билеты на самолет уже при нем.

Аэродром, белоснежный «Ту», улыбающаяся стюардесса, Симферополь, автомобиль и – море, которое возле Алушты синей стеной встало до горизонта. Ночевали в частном саду на топчанах, виноград спелыми гроздьями висел на лозах – рубль кило, – и волны до утра шуршали галькой, подмывая берег.

Днем на пляже Шура стала робко допытываться, зачем они приехали. Муж ответил: затем, чтоб доставить ей удовольствие. Шура сказала, что поездка стоит слишком дорого, а Федя возразил, что нет в мире ничего слишком дорогого для такой женщины, как она.

Вечером шуршали шины автомобиля, в обратном направлении проносились Гурзуф, Артек, Бахчисарай. Шура сидела впереди рядом с шофером, ветер струил ей волосы. Она думала о том, какая же она женщина. На лице у нее было загадочное выражение, как у Ларисы Огудаловой в фильме режиссера Протазанова «Бесприданница». Федя смотрел по сторонам, стараясь запомнить проносящиеся пейзажи, чтобы потом нарисовать их. Он уже понимал, что своими вдруг родившимися художественными талантами обязан белой таблетке, овеществленным формулам бородача. Мысль о выкинутой тетрадке мелькнула в его сознании, но он успокоился, сказав себе, что до понедельника ее не успеют унести – журнальная уборщица работала на полставки и по пятницам в редакции обычно не появлялась.

...Снова юг Советского Союза повис под ними на восьмикилометровой глубине. Начало темнеть. Млечным Путем разбежались по горизонту огни Москвы. На улице Кондратюка приехали ночью. Квартира без гарнитура, разоренная, пустая, напоминала жилище гения.

В понедельник в девять Федя вышел из дому, и мир ударил цветом, звуком, запахом. Асфальт был уже не просто фиолетовым, в нем играли, лоснились красные, желтые, коричневые оттенки, он каменел в местах, где только что подсохли лужицы ночного дождика, а на солнце ласково уступал подошве. Облачные замки воздвигались в небе, раскинувшись над просторным предполем Всесоюзной Выставки. Сияли кресты древней церкви возле гостиницы «Золотой колос», ракета рвалась в космос с обелиска, а позади на дальнем плане тонула в сизости и голубизне синяя игла телевизионной башни. Лирической поэмой шла к автобусной остановке длинноногая девушка, короткими стишками гонялись друг за другом на газонах завтрашние перwokлассники. Праздновался замечательный юбилей – ровно сто миллионов дней прошло с того момента, который прокатился над задымленными пещерами сто миллионов дней назад. И в то же время все только начиналось, как раз до этого мига доехало длинное прошлое, отсюда распространилось будущее.

В редакции еще никого не было. Пряничков ключом отворил свою комнату, испугался ее чистоты и сразу шагнул к корзинке, куда трое суток назад опустил тетрадку в дерматиновом переплете. Но корзинка была пуста, и суровые железные ящики во внутреннем дворе Химического музея тоже стояли чистые и даже продезинфицированные, – дворник доверительно сообщил, что заполненные вывезли четверть часа назад. Федя проконсультировался относительно места расположения свалки и поехал в Хворостино. Он все же надеялся. Но когда такси остановилось на краю гигантского поля, сердце у него заныло. Вдаль, куда хватал глаз, раскинулись монбланы и казбеки мусора. Сразу стало понятно, что игра не стоит свеч – тетрадка, принесенная в четверг мужчиной с вещмешком, практически перестала существовать.

Федю ждала работа. Вернувшись в журнал, он поставил на стол машинку, снял пиджак и, не разгибаясь, ответил на все читательские письма, что накопились с последнего крупного разговора в кабинете ответственного секретаря. Это был каскад, водопад. Потрепанная немецкая «Оптим» стрекотала и лязгала час за часом. Готовые листы, мелькнув белизной в воздухе, вспархивали с каретки с интервалом в шестьдесят секунд. Такого плотного симбиоза человека с пишущей машинкой еще не видывали в редакции – застыл с отвалившейся челюстью завитотделом, заглянувший было выкурить сигаретку, и только покачал головой и прикрыл за собой дверь бывалый заместитель редактора.

Однако главное состояло не в скорости печатанья, а в избытке мыслей. Каждый из нас прочитывает за жизнь бесконечно много, каждый не помнит из прочитанного почти ничего. А Федя вдруг вспомнил. Вся бездна концентрированной, отредактированной премудрости, заключенной в печатном слове, – лавина строк, которая по большей части бесследно, будто намыленная, проскальзывает по нашему сознанию, – явилась теперь к нему и раскинулась ожидая. Пряничкову оставалось только отбрасывать лишнее. Сам себе энциклопедия и даже целая библиотека, он мог цитировать любого классика с любого места и не забыл даже того, что значилось на обрывке «Вечерней Москвы», в который мама завернула ему бутерброд еще в шестом классе.

За двести минут, регулируя напор собственных и чужих мыслей, Федя ответил на сто двадцать писем – несколько ответов были затем опубликованы статьями в разных газетах, пятнадцать наиболее пространных вышли отдельной брошюрой под названием «Боги живут на земле».

Кроме того, в этот день Пряничков сделал свое первое изобретение, написал новую картину и выучился играть на рояле.

С изобретением было так. Когда Федя отпечатал последнее письмо, выколотил опустевший ящик и потянулся, к нему вошел посетитель.

Пряничков тотчас встал, поздоровался, отрекомендовался, спросил имя и отчество вошедшего, поставил ему стул и сам уселся напротив. Посетитель оказался подо-

ком от сектантской общины в городе Заштатске, он принес для рассмотрения кусочек лат Георгия Победоносца. Федя повертел в руках темный ноздреватый осколок, подумал и предложил сходить в Институт металлов, чтобы приближенно установить время выплавки. Тут же он созвонился с кем надо было и вместе с ходоком поехал в институт, где священный обломок был бесспорно определен как часть казахского котла для варки бешбармака. Обстановка научно-исследовательского учреждения со сложной аппаратурой, но еще более Фебина доброжелательность так ошарашили ходока, что он на месте отрезал от своих ошибочных верований и сейчас является лучшим пропагандистом-антирелигиозником заштатского районного отделения Всесоюзного общества «Знание».

Пряничков же познакомился в институте с сотрудником лаборатории усталости металлов и, разговаривая, вошел с ним в большую комнату.

– Вот здесь и работаем, – объяснил сотрудник. – Подвергаем образцы металлов знакопеременным нагрузкам, потом изучаем структуру излома... Но это все ерунда. Понимаете, пружинка может гнуться в одну и другую стороны сто тысяч раз, а потом ломается. Причем неожиданно.

Пряничков между тем жадно оглядывал лабораторию.

– А как вы испытываете образцы, трясете? – спросил он.

– Трясем. Ультразвуком.

Рядом стоял черный ящик генератора. Отдельно в масляной ванне купался вибратор.

Федя посмотрел в дальний угол.

– А это что?

– Это для рентгеноструктурного анализа. Рассматриваем место излома.

Пряничков нервно покрутился по комнате, потом спросил:

– Есть у вас триод на высокое напряжение?

...Короче говоря, он предложил синхронизировать импульсы рентгеновского излучения с ультразвуковыми колебаниями вибратора так, чтоб лучи подхватывали пружинку только в момент наибольшего отклонения; тогда она казалась неподвижной и можно было наблюдать постепенное изменение структуры. Патент на «Способ получения лауэграмм упруго деформированного кристалла» был выдан впоследствии под № 700505 и явился первым из четырех, врученных Пряничкову в тот памятный год.

Но понедельник на этом не кончился – было только пять.

Противившись с воодушевленными сотрудниками лаборатории, проведив на Казанский преображенного сектанта, Федя приехал домой и сел к мольберту. Поскольку написанная картина была им продана, он счел предварительный период оконченным и взялся за свое личное. Станным образом он ничего не использовал из того, чему обучался, – то есть классического синего неба и даже освоенной им иллюзии сходства. Перед Наташей и Шурой постепенно возникал кусочек столицы ранней весенней порой, когда еще не вполне стаял снег, а перспективу улицы заволакивает мутный воздух и единственным ярким пятнышком светит огонек светофора. На полотне было утро, рабочая и служащая Москва катила к местам работы, Шура узнала проспект Мира возле Новоалексеевской. Особых примет времени не было, но ощущалось, что это как раз наш год, эпоха спокойного труда, семейных и бытовых радостей, некоего размеренного существования, накопления сил перед новым скачком.

Пряничков назвал свою вещь «Пассажиры метро», и хотя никакого метро там не было, название очень подходит. «Пассажиры» находятся сейчас в зале № 49 Третьяковской галереи, где читатель и может полюбоваться ими, если, конечно, его визит не совпадет с открытием какой-нибудь очередной выставки – в этих последних залах экспозиция то и дело меняется, одно убирают, другое вешают, и ни в чем нельзя быть уверенным.

Федя писал до восьми, а в восемь к Наташе пришла учительница музыки. В большой комнате у Пряничковых стояло пианино «Рёниш», на котором Фебина дочка уже третий год подряд одолевала «Старинную французскую песенку» Чайковского. Эти занятия в семье рассматривались как выполнение некоего общественного долга: супруги даже не слышали звуков во время урока.

Теперь Федя услышал и начал кивать за своим мольбертом в такт исполнению, нахмуривая брови при Наташиных промахах. Когда положенный час подошел к концу, Пряничков поднялся, перенес стул к пианино и спросил, с чего, собственно, начинают обучение. Преподавательница, Иветта Митрофановна, была молода, перед родителями своих учеников робела. Она неуверенно показала запись нот на нотном стане и их расположение на клавиатуре.

– Дальше, – сказал Федя, придвигаясь поближе к инструменту.

– Что «дальше»? – спросила Иветта Митрофановна.

– Как потом?

– Потом я добиваюсь, чтобы ученица запомнила.

– Я запомнил, – кивнул Пряничков.

Учительница посмотрела на него недоверчиво, сыграла несколько гамм, и Пряничков на малой октаве тотчас повторил их – первую так же бойко, как преподавательница, вторую еще ловчей.

Иветта Митрофановна повернулась к нему.

– Послушайте, вы учились.

– Нет! Честное слово, нет, – Пряничков был ужасно взволнован и весь дрожал. – Но давайте пойдем вперед, прошу вас.

И в голосе его и на лице было такое чистосердечие, что Иветта Митрофановна поверила. Она перебрала жиденькую пачку нот у себя в портфеле.

– Хорошо. Попробуем разобрать что-нибудь простенькое.

Наташа, которая из вежливости стояла тут же рядом, отступила потихоньку и отправилась к подруге. Шура вышла на кухню. До нее доносились голоса мужа и учительницы. «В фа-диез-мажор будет уже шесть знаков», – говорила Иветта Митрофановна. «Понятно-понятно», – соглашался Пряничков. Потом послышались словечки вроде «стаккато», «пианиссимо», какое-то еще там «сфорцандо». Пианино дышало все шире, глубже, полной грудью.

Без пяти одиннадцать, глянув на ручные часики, Иветта Митрофановна откинулась на спинку стула и в испуге уставилась на Пряничкова.

– Знаете, за два часа мы прошли пятилетний курс!

Федя кивнул, трепетно взял сборник «Избранных фортепьянных пьес», раскрыл на штраусовском вальсе. Пошептал, глядя в ноты, подался вперед, поднял руки... И сама беззаботная старая Вена явилась в комнату – танцевали кокетливые барышни в длинных платьях и веселые кавалеры. Изысканную учтивость неожиданно сменяло дерзкое легкомыслие, загадочная робкая мечтательность плела свой напев, снова уступая место неукротимому озорству. Длился бал, летели зажигательные взгляды. Потом танцоры устали, свечи начали гаснуть и погасли совсем.

Пораженный, Федя осторожно снял руки с клавишей, огляделся; казалось, пианино вовсе и не принимало участия в том, что только что произошло. Хрипло кашлянула в тишине учительница, вздохнула остановившаяся в дверях Шура.

Какие-то двое негромко переговаривались во дворе, параллельной улицей шел ночной троллейбус, негромко скрипя кузовом и свистя проволокой, прогрохотал переулком уставшая грузовая машина, торопясь в дальний гараж, и отзвуком чуть слышно шуршали в комнате платья разошедшихся танцоров. Прошрое связывалось с настоящим, плоский мир стал объемным.

На следующий вечер Пряничкова слушал муж Иветты Митрофановны, молодой, бледный музыкант-исполнитель с растрепанной шевелюрой. В среду Федя дважды

играл перед почтенными преподавателями Консерватории, и его там таскали по методкабинетам. В четверг раздался телефонный звонок из Филармонии, и сам Чернокостельский предложил открытые концерты с поездкой по Советскому Союзу.

Но Пряничков занимался уже не только музыкой. Во вторник он притащил домой купленный по случаю за 350 рублей миниатюрный токарный станок, в среду — пишущую машинку. В этот же вечер он что-то вытаскивал, в четверг утром ни с того, ни с сего написал этюд о Бальзаке.

В редакции, на работе, в его манере общаться с авторами появилось что-то напоминающее князя Мышкина из Достоевского. Пряничков стремился как бы слиться с собеседником, полностью стать на его точку зрения и лишь отсюда начинал рассуждать, поминутно сверяясь с оппонентом, радуясь, даже если в конце концов приходил к выводу, отрицающему то, с чего он сам начинал. Плохие статьи вдруг перестали существовать, в каждой Пряничков находил интересное, вытаскивал это интересное вместе с автором, и если материал не подходил для журнала, советовал, куда с ним пойти. Народ повалил в антирелигиозный отдел, за неделю Пряничковым было обеспечено целое полугодие. В ходе производственного совещания замредактора потребовал внести в резолюцию, что именно Федиными усилиями «Знания и жизнь» подняты на новую высоту.

Выполнял свою должность Федя легко. Утром, кончая завтрак, уже всей душой стремился в журнал, а к пяти тридцати начинал радостно предвкушать, что же сулит ему и семье вечер.

Дом Пряничковых, между тем, неудержимо менялся. Квартира стала чем-то средним между студией художника и ремонтной мастерской. Рядом с первым мольбертом возник еще один для Наташи, эскизы перемещались со слесарными инструментами, на столе расположились акварельные и масляные краски, на пианино раскрытые ноты. Пол — в прошлом предмет неустанных забот Шуры — был затерт, железные опилки въелись в щели между паркетинами. Часам к восьми приходили спецы из Института металлов, музыканты, которых навел муж Иветты Митрофановны, художники, журналисты. Повадились сильно ученый математик из университета, который, толкуя, всегда смотрел вверх, вывернув шею, будто на потолке или на небе видел свои и чужие соображения уже отраженными и абстрагированными. Из Заштатска ехали родственники того сектанта, потом пошли знакомые этих родственников и родственники знакомых. Отличные это были вечера. Звучал рояль, составлялись конкурсы на лучший эскиз или карикатуру, вспыхивали дискуссии о судьбах человечества, читались стихи, порой тут же сочиненные. В час выговаривалось столько умного, сколько у прежних Пряничковых не набралось бы за пятилетку. Художники учили Федину дочку рисовать, пианисты показывали ей современные песенки. И Шура тоже постепенно делалась раскованной. Во время споров глаза ее сочувственно перебегали от одного говорящего к другому, иногда она уже готова была что-нибудь сказать, но всегда кто-то в комнате опережал ее, остроумно и живо. Она переводила взгляд на этого нового и, в общем, всем очень нравилась.

В двенадцать, проведив гостей до метро, Пряничков помогал жене переменить посуду. Вдвоем они стояли минуту-другую над заснувшей дочкой. Шура стелила постель, Федя, еще не исчерпавшись, бродил по комнатам. Пространство и время были бесконечно содержательны. Сутки стали емкими. Пряничков спал часа по три.

Всего с 25 до 29 июля он оформил четыре патентных заявки в Госкомитет по изобретениям, сделал три картины маслом, около сорока рисунков и линогравюру. Он дал два фортепианных концерта в Малом зале Консерватории, написал восемь статей, сценарий для мультфильма, текст для номера с удавом в цирке и помирил подавших на развод соседей по лестничной площадке. Он принялся за роман, почти доказал теорему Ферма, стал учить жену английскому и выкапывать во дворе плеска-

тельный бассейн. Человек Федор Пряничков шел по небесам, его сопровождали зарницы.

А потом все кончилось.

...То есть оно кончилось не совсем сразу. В среду 28-го Пряничков сидел в редакционной комнате один и, пользуясь обеденным перерывом, составлял тезисы к докладу на Московском прогностическом обществе: «Нравственность – производительная сила». Он написал фразу «Будущее нельзя предсказать, его можно только сделать», и вдруг ему стало скучно.

Это было как волна. Гостиничная улица за окном потускнела, по тротуарам шли не люди, а болезни и недомогания. Все выцвело, сделалось двумерным. Пряничков частично оглох и попал в какой-то вакуум.

Так длилось минуту, затем волна схлынула. Мир вокруг ожил и снова стал местом деяния и побед.

Но Федя предупреждение принял. Он мгновенно убрал тезисы в стол, не теряя ни секунды побежал к редактору, отпросился с работы, объехал несколько книжных магазинов и метнулся в «Реактивы» на улице 25 Октября. Домой он привез оборудование маленькой химической лаборатории, полтора десятка книг по органике, биологии, медицине. За вечер и ночь он перевернул несколько тысяч страниц, заставил себя вспомнить те строчки и абзацы, которые успел увидеть тогда в дерматиновой тетради, а утром приступил к опытам. Понимая грозящую опасность, он взвешивал, смешивал, возгонял, перегонял, выпаривал, поджаривал и к трем часам утра увидел, что успех близок. Длиннющая формула была собственноручно им выведена на листке из блокнота – $C_xH_yO...$, заключенные в квадратные скобочки, а далее в полном порядке все эти CH_2 , OS и CO , выстроенные ромбиками и трапециями, в которых прежде из всей редакции мог разобраться только Гурович, ведавший совершенно точными знаниями, да и то без энтузиазма. И в пробирочке на дне хлопьями выпало в осадок некое белое вещество.

Федя вздохнул счастливо и утомленно. Играли невидимые оркестры, сверхзвезды ощутимо взрывались в дальних краях нашей Галактики.

Он поднял руку, но в этот миг оркестры умолкли, мир стал сужаться все стремительней и в конце концов весь ограничился низкой, душной комнатой на улице Кондратьюка.

Федино лицо переменялось, он брюзгливо вытянул губы, с неудовольствием глядя на пробирку. Протянутая рука опустилась.

...Шура пришла в шесть, молодая, оживленная, с новой прической. В прохладной комнате мужа не было, стол загромождали колбы, реторты, змеевики, пахло химией. Шура прошла в маленькую.

Пряничков сидел у заросшего за последние недели пылью телевизора и тупо смотрел на экран. В стекле передвигались безликие фигурки, бегало светлое пятнышко. Раздавался монотонный голос комментатора. «Парамонов... Петров... Пас к Макарову... Опять Парамонов... Петров...»

И это был конец.

Услышав дыхание за спиной, Федя поднял на супругу унылый взгляд, не здороваясь, сказал:

– Ты... это... Убери там.

Шура сразу все поняла, шагнула назад, тихонько переделалась у шкафа... Зазвене-ла химическая посуда, ссыпаемая в ведро. Листок с формулой привлек внимание Шуры, она заглянула с ним к мужу.

– Тоже выбросить?

Пряничков не повернулся и не ответил.

В последующие дни сами собой рассасывались, исчезали инструменты и ноты, один мольберт, другой. Понемногу реэмигрировала мебель – торшер с двумя рожками, трюмо. В конце августа торжественно въехал и воцарился сервант.

Еще около месяца, правда, по инерции, приходили верстки, сверки статей и рассказов, раздирался в прихожей телефон, призывая Пряничкова на обсужденья. Несколько вечеров еще заглядывали было новые знакомые, но Федя смотрел на гостей с такой угрюмой подозрительностью, что вскоре все визиты прекратились.

Сейчас в доме Пряничковых девочка со своими уроками теснится где-нибудь на уголке полированного стола, откинув край скатерти. Шура употребляет субботу и воскресенье на уход за многочисленными лакированными поверхностями. Лоснится навощенный пол, и родственники, приезжающие по обязанности раз в два месяца, в передней снимают ботинки и туфли, как перед входом в мечеть, сидят смиренно, помалкивают.

В редакции «Знаний и жизни» опять думают, отчего бы это Пряничкову не перейти в какой-нибудь другой журнал. Авторы он не ставит ни во что, а когда ему пытаются возражать на «все уже было» и «ничего не выйдет», все сказанное падает в яму его сознания мягко, без отклика, как ветошь, и копится там неподвижной кучей, неразобранной, стылой.

Эпоху своего короткого взлета Федя вспоминать не любит. И только редко-редко, когда он один в квартире, а по радио передают настоящую прекрасную музыку, им овладевает беспокойство, маленькие глазки расширяются, в них возникают жалобы и тоска, как у собаки, которая хотела бы принадлежать к миру людей, но понимает свою безгласность и мучается этим пониманием. Что-то заперто в его душе, забито, отгорожено сплошными железными обручами от того ряда, где могло бы стать чувством, мыслью, действием.

Такова история, приключившаяся с Федей Пряничковым. И она наводит на некоторые размышления.

Интересно было бы, например, припомнить в этой связи опыты доктора Крайковского, которые тот начал еще задолго до появления в Москве бородатого незнакомца. Крайковский гипнотизировал добровольцев, в этом состоянии предлагал им рисовать, и за несколько сеансов испытуемые достигали уровня выпускников средней художественной школы. Если с кем-нибудь ничего не получалось, Крайковский брался за обучение такого человека музыке, либо чему-нибудь еще и в результате пришел к выводу, что людей следует делить на группы не по способностям – одни талантливы, а другие нет, – а по тому, как, в какой форме тому или иному лицу удобнее свои таланты материализовать.

Не исключено, что доктор как раз и прорывался сквозь те железные обручи, которые таблетка на время разрушила у Феде.

Крайковскому же принадлежит мнение, высказанное, естественно, без всякой абсолютизации, что гипноз не есть сон, а скорее пробуждение. Тут он опять-таки предвосхитил бородача, написавшего в своей тетрадке, что, мол, множество людей, как правило, спит.

Ну а что если это так на самом деле?

Если многие из нас частично спят не только в смысле нормальных ежесуточных семи-восьми часов, а в более широком плане? Ведь, вероятно, есть даже такие бедняги, что всю жизнь до последней минуты проводят, проживают в какой-то дреме, запертыми, хотя и выполняют вроде бы все, что человеку положено, кончая школу и вуз, заводя детей, где-то работая и получая порой поощрения, но так и не просыпаясь.

Вместе с тем невольно задаешься еще одним вопросом. Раз такой вот Федя смог радужно расцветиться, приняв таблетку, отчего это недоступно всем, в том числе и просто рядовым гражданам, как, например, мы с вами, многоуважаемый товарищ читатель?

А с другой стороны, обязательна ли химия, нельзя ли как-нибудь без нее обой-

тись?* Проснулась же Наташа – вот именно, Наташа, Федина дочка. Что-то соскочило в ней, она пробудилась, сдвинулась со своей «Старинной французской», пошла вперед и с каждым днем идет все быстрее. Тоненькая такая, а как сядет за инструмент... И это при том, что Пряничниковы от уроков отказались, ибо уроки напомнили Феде о недавнем прошлом. Однако Наташа сама встречается с Иветтой Митрофановной, а недавно муж этой учительницы – встрепанный музыкант – водил девочку в училище имени Гнесиных, там послушали и сказали, что примут.

Другими словами, нет ли чего-нибудь такого в современной атмосфере, что само по себе начинает нас открывать и пробуждать? Может быть, и не надо обвинять в предательстве того бородатого здоровяка, который позволил своему изобретению погибнуть, – бородача этого, кстати, долго искали потом, искали по четвергам и не четвергам, до ливней и после, но так и не нашли. Возможно, что он даже сознательно пошел на некую демонстрацию, а там предоставил процессу развиваться самостоятельно – рассудил, что получить способности от таблетки кой-кому показалось бы унизительным.

Дело, видимо, в том, что в течение сотен тысячелетий человека давила природа, да и его собственные собратья тоже не слезали с шеи, – приходится ли удивляться, что некоторое хорошее в нем приторможено и частично спит? Но теперь это позади, родилось новое, и не пора ли всем окончательно пробудиться...

В чем, собственно, вопрос-то?

1969, № 11, 12

* Означенное безответственное суждение редакция журнала «Химия и жизнь» полностью оставляет на совести автора рассказа. – Ред.

Синтез пса

М. КРИВИЧ

– Простите, у вас мальчик или девочка? – спрашивает полная блондинка с застиранной болонкой на поводке.

– Кобель, – сухо роняю я. И мы не оглядываясь проходим мимо.

Дело в том, что у меня есть собака, и я гуляю с нею три раза в день.

Стоп. В этой безукоризненной с фактографической точки зрения посылке есть три неточности, если не сказать – три вопиющие неправды. Первая из них – совершенно неожиданно – кроется в слове «собака».

«Ах, бедная собака!» – говорим мы. «Какая славная собачка!» И не замечаем, что существительное женского рода стыдливо маскирует очевидное обстоятельство: все животные бывают двух полов. Но если лошадей мы спокойно подразделяем на кобыл и жеребцов, людей – на мужчин и женщин, то с собаками обращаемся куда менее уважительно: простые слова – кобель и сука, придуманные нами же, чтобы различать собачьи особи разного пола, почему-то попали в разряд не очень приличных. Нелепость. Ведь это же идет вовсе не от моральных качеств умнейших и порядочнейших животных, а от ваших, человеческих пороков. Так при чем же, скажите на милость, собаки?

Так вот, тот, с кем я последние восемь лет делю кров и кусок хлеба, ни под каким видом не может быть назван словом женского рода. Дело даже не в окладистой его бороде и пышных усах, не в боевых шрамах на ушах и лбу. У него суровый, немного сумрачный взгляд бывалого бойца-аскета, он величав, спокоен, вежлив, уравновешен, равнодушен к мелочам жизни. Не надо слышать его голос – уверенный хрипловатый бас, достаточно одного взгляда, чтобы понять: это кобель божьей милостью.

Я зову его... Впрочем, как я его зову, не имеет ни малейшего значения; это наши с ним дела, это слишком интимно. Я буду называть его здесь Псом, и вы, если встретите нас на прогулке, обращайтесь к нему так же.

Вторая неточность, вторая неправда заключена в построении «у меня есть». Ох, совсем не очевидно, кто у кого есть...

Существует расхожее мнение, будто собака перенимает черты своего хозяина. Я сам не раз замечал, что у длинноносого собаководладельца даже курносый боксер кажется каким-то носатым. Все это так. Безусловно, Пес многое перенял у меня – застенчивость, некоторую неуверенность в незнакомом обществе, походку вразвалочку, даже близорукость. Но и я, в свою очередь, кое-что у него позаимствовал. Я ношу бороду и усы такого же ржавого цвета, как и у моего Пса. Когда родственники и друзья уговаривают меня обриться, я ссылаюсь на слабую кожу. В этом есть резон, но ведь я худо-бедно лет двадцать все же брился, а перестал лишь после того, как ценячий пух на морде Пса превратился в усы и бороду.

Однако растительность на лице, как и походка, – всего лишь внешние приметы. Я часто ловлю себя на том, что подражаю повадкам Пса. Когда он хочет переменить положение во сне, то, не открывая глаз, приподымается в полный рост и с размаху плюхается на другой бок. И хоть спит он на роскошном ватном одеяле, которое должно смягчать удар от падения его чуть не трехпудового тела, вздрагивает пол и позвякивают на стене медали, завоеванные Псом в молодости на собачьих выставках. Хотите верьте, хотите нет, но я переворачиваюсь с боку на бок таким же странным способом – с грохотом, одним рывком. Или еще одна моя сравнительно недавно приобретенная повадка, несомненно, заимствованная у Пса. Когда я в длинном нашем институтском коридоре, или в кабинете директора, или в библиотеке вдруг вижу незнакомого человека, я замираю и, раздувая ноздри, близоруко всматриваюсь. И лишь несколько мгновений спусти иду навстречу. Друзья шутят, что я делаю стойку на женщин. Чепуха. Любой незнакомый человек вызывает у нас – и у Пса, и у меня – такую реакцию.

Наконец, последняя неправда, своеобразное следствие неправды второй: поди разберись, кто с кем гуляет – я с ним или он со мной.

Вот теперь, введя необходимые, с моей точки зрения, поправки, можно вернуться к исходной посылке. После уточнений она будет звучать так:

уже несколько лет мы – я и Пес – принадлежим друг другу и вместе гуляем три раза в день.

И по правде говоря, никто нам больше не нужен.

По утрам я просыпаюсь от звона будильника. Наверное, Пес подымается со своего одеяла чуть раньше: раскрыв глаза, я всякий раз вижу перед собой его немного заспанную, но неизменно доброжелательную бородатую морду. Он подходит к моей кровати и тянется, тянется, прогибая могучую спину. Он никогда не приносит мне домашние туфли, не подает поводок или ошейник, хотя понимает меня с полуслова и выполняет любую просьбу. Я не люблю подобные штуки; когда собака приносит хозяину тапочки, в этом есть что-то лакейское. А мы с Псом ровня.

Не могу сказать, что я в восторге от утренних прогулок. Мы оба охочи поспать, и рассветная свежесть нас вовсе не бодрит, а вызывает лишь озноб и зевоту. Мы

оба здоровы поест, и нас ждет завтрак. Кроме того, мне надо спешить на работу. Так что первая прогулка для нас – всего лишь необходимая гигиеническая процедура.

Днем я непременно вырываюсь с работы хотя бы на полчаса, благо живу в трех троллейбусных остановках от института. Он встречает меня на пороге, дает несколько неуклюжих прыжков, упирается мне лапами в грудь. Мы выходим на пустырь около дома, и Пес делает вид, что перепутал время. Он деловито устремляется к лесу, время от времени с улыбкой поглядывая на меня. Он прекрасно знает, что мы никуда сейчас не пойдём, что я должен возвращаться на службу. Он просто шутит. Я стою посреди пустыря, что-нибудь жую, просматриваю газету, которую не успел прочитать с утра, или листаю реферативный журнал. Пес возвращается и начинает носиться вокруг меня, низко опустив лохматую голову; его кожаный глянцево-черный нос работает подобно пылесосу. Пора возвращаться: ему – домой, мне – на работу. Морда у Пса становится надменно-обиженной, он хмурит брови, отворачивается от меня, всячески давая понять, что это была не прогулка, а издевательство, что с собакой, наделенной такими достоинствами, подобным образом не обращаются. И только легкое подрагивание короткого хвоста выдает, что это тоже всего лишь шутка. Мы прощаемся до вечера.

А вот вечером, когда все дела переделаны, все телефонные разговоры переговорены, тогда и начинается настоящее. Мы не спеша, обстоятельно собираемся в дорогу. Пес подставляет голову, я застегиваю ошейник и проверяю, не слишком ли он туго затянут, потом надеваю сапоги, телогрейку, подпоясываюсь брезентовым поводком, набиваю трубку, протираю очки. И мы отправляемся навстречу вечерним приключениям. Мы идем в лес.

Собственно говоря, лес – будет, пожалуй, слишком громко сказано. Скорее зажатый между двумя шумными проспектами зеленый островок, уцелевший при сокрушительном наступлении города на лес настоящий. Но, когда темнеет, мы чувствуем себя здесь в настоящем дремучем лесу, хотя лесок и населен, я бы даже сказал, перенаселен. Перенаселен он собаками.

Островок со всех сторон обложен деревянными запрещающими щитами: нельзя на мотоциклах, нельзя на автомобилях, нельзя мять, нельзя рвать, нельзя разводиться костры. Напротив, надо беречь, поскольку лес – наше богатство. И нельзя с собаками. Но вечером, презрев угрозу штрафа, сюда из окрестных кварталов стекаются люди с овчарками и болонками, догами и таксами, ризеншнауцерами и фокстерьерами, керри-блю-терьерами и простыми, но очень симпатичными дворнягами. Лесок наполняется лаем и призывным посвистом собачников. У нас с Псом здесь много знакомых, есть и друзья. Но гулять мы предпочитаем вдвоем. Мы идем по главной аллее, то погружаясь во тьму, то попадая в высвеченный чьим-то карманным фонариком круг, снова скрываемся в тени деревьев и снова выходим на залитые лунным светом полянки.

Мы оба большие и в темноте можем, наверное, напугать любого. Оба бородатые, носатые, длинноногие. Ростом велик и ликом страшен, говорили про таких в старину. Мы же абсолютно безопасны. Пес никогда не полезет в драку первым, а подвергшись нападению, поначалу непременно попытается покончить дело полюбовно. И лишь поняв, что обидчик или обидчики (сколько их – для него не имеет ни малейшего значения) не отказываются от своих недобрых намерений, – лишь тогда он принимает бой. И горе неприятелю! Я еще менее агрессивен, не говоря уже о том, что по близости не вижу дальше протянутой руки. Но встречные – люди и собаки – этого не знают. От нас шарахаются. Бывает, сворачивают на боковую аллею. А когда свернуть некуда, спрашивают издали:

– У вас мальчик или девочка?

– Кобель, – с достоинством отвечаю я. И мы не оглядываясь проходим мимо.

Сейчас осень. Ветер, разогнавшись на двух самых длинных городских проспектах, врывается в наш лесок и путается среди голых стволов, бьется и не находит выхода. Загнанный, мечущийся, несущий опавшие листья ветер вызывает у меня непонятную тревогу. Тревога все усиливается – от того, должно быть, что со вчерашнего вечера Пес ведет себя как-то необычно.

Ночью он почти не спал и не дал спать мне. Он ходил по квартире и громко вздыхал, шумно пил воду из своей алюминиевой миски на кухне, зевал, с грохотом валился на пол и тут же вставал. Несколько раз я вскакивал с постели, зажигал лампу и, напялив очки, жмурясь от яркого света, шел к Псу, чтобы пощупать его нос. Холодный влажный нос меня немного успокаивал: по всей видимости, Пес все же не был болен.

На утренней прогулке мое беспокойство усилилось. В самом раннем своем щенячьем возрасте Пес твердо усвоил, что подбирать что-либо на улице в высшей степени неприлично. И эту истину мне ни разу не приходилось ему напоминать. Впрочем, когда мы оба в хорошем расположении духа, Пес может подхватить увесистый сук или рваный, кем-то брошенный мячик и предложить мне сыграть партию в игру, правила которой известны только нам. Я делаю вид, что хочу отнять находку, Пес подпускает меня близко, а затем быстро отскакивает. Нам обоим весело, и мы смеемся.

Однако сегодня все было по-другому. Пес озабоченно кружил по пустырю, выискивал какую-то дрянь и без тени улыбки, абсолютно серьезно предлагал мне: рваный ботинок, кольцо от лыжной палки, грязную тряпку и – что бы вы думали? – куриную кость! Последнее было абсолютно неожиданно и столь же непристойно. Будучи в трезвом уме, мой Пес просто не мог поднять на улице что-нибудь съестное, а кость тем более.

Мы с Псом не признаем убогого служебного языка, на котором люди обычно общаются с собаками: место! рядом! ко мне! – и так далее. Мы просто разговариваем – Пес понимает меня, а я его. Если мне надо что-то у него попросить, что-то ему посоветовать, от чего-то предостеречь, я, как правило, добавляю «пожалуйста». На сей раз, наверное, от неожиданности у меня вырвалось грубое «фу!». Пес недоуменно пожал плечами и аккуратно положил кость у моих ног. Я с демонстративным омерзением отпихнул ее носком сапога, он же, пристально глядя на меня, снова придвинул ко мне неприличный, запретный предмет. В его глазах был вопрос...

От завтрака Пес отказался.

На дневной прогулке он вел себя так же странно. Вскоре возле меня вырос маленький холмик, сложенный Псом из его находок. Здесь была какая-то ветка с несколькими желтыми листочками, маленький аптечный пузырек, растрепанный веник, что-то там еще и все та же куриная кость.

Наверное, в обычный день я бы попытался разобраться в происходящем, а уж с такими подношениями, как останки курицы, покончил бы раз и навсегда. Но день, увы, был из ряда вон выходящим. Сегодня я впервые за двадцать без малого лет, как говорится, безупречной службы был приглашен в директорский кабинет не для обсуждения планов, не для просмотра нашей с директором совместной статьи, не для отправки моих сотрудников на переборку овощей и не на заседание ученого совета. Впервые я услышал из уст нашего почтенного академика, что работаю неважно. За тем меня и пригласили.

– Я прекрасно понимаю ваши трудности, – бубнил директор. – Но, поверьте, все разумные сроки давно уже прошли, а вы по-прежнему делитесь со мной лишь общетеоретическими соображениями. Мы очень эти соображения ценим, но теоретические изыскания следует на время отложить. Сейчас самое время вплотную заняться синтезом. Я намерен подключить к работе еще одну лабораторию. Вы возражаете? Что ж, даю вам еще две недели. Я вас не задерживаю...

А мне, признаться, после этого и самому не хотелось задерживаться в директорском кабинете.

Я химик-органик, синтезирую лекарственные препараты. И судя по всему, в этом деле немало преуспел: в тридцать лет – кандидат, в тридцать пять – заведующий лабораторией, из которой вышли дисизин, помпомин, тиманазид и другие препараты. Эти лекарства можно найти в любой аптеке; впрочем, не приведи Господь, чтобы они вам или вашим близким когда-нибудь понадобились.

Все шло гладко до Нового года, когда я – теперь уже ясно, что весьма легкомысленно, – взялся за злополучный препарат. Тогда новая работа казалась и мне, и моим сотрудникам чрезвычайно интересной и, признаюсь, даже выигрышной.

Далеко-далеко, за горами – за морями, на маленьком острове, омываемом теплыми водами Тихого океана, живет небольшое племя. Привлекательные женщины, сильные рослые мужчины – я сам видел фотографии. Их хозяйство примитивно, но природа щедра, и они счастливы. Но какое дело, спросите вы, до этих людей нашему институту, нашей лаборатории и мне? Вот какое. Люди на далеком острове живут подолгу, доживают до глубокой старости. Конечно, и у них случаются болезни, но, заметьте, сердечно-сосудистые – никогда. Никаких инфарктов, никаких гипертонических кризов. Этот феномен был обнаружен несколько лет назад; медики из Всемирной организации здравоохранения тщательно обследовали аборигенов и пришли к выводу, что здоровые сердца – это от особой пищи, а точнее, от некоего моллюска, обитающего на золотистых песчаных отмелях у острова и считающегося в здешних местах деликатесом.

Недавно мне в руки попала любопытная книжка – о быте, обрядах, песнях жителей южных морей. Вот, например, как юноша добивается благосклонности своей любимой: крадет ее травяную юбочку и на рассвете, напялив на себя этот предмет девичьего туалета, купается в океане и напевает магическую песню. Боже, если бы все было так просто! Я бы собственноручно стянул с нашей лаборантки Наташи джинсовую юбку и отдал ее из рук в руки своему старшему научному сотруднику Игорю Семеновичу, который уже какой год по Наташе сохнет. Пусть поплещется, надев эту юбку, в ванне, пусть перебудит на рассвете магической песней своих соседей по кооперативному дому. Всем будет хорошо: Наташа, наконец, выскочит замуж, а счастливый Игорь Семенович перестанет целый день пялиться на предмет своей страсти в ущерб лабораторному плану. Увы...

Я читал эту милую книжку и думал, что моллюск с восхитительно нежным мясом тут вовсе ни при чем, что у людей, которые свято верят в заклинания от неразделенной любви, и без особой пищи никогда не заболит сердце. Однако вскоре были получены объективные свидетельства в пользу целебных свойств *Molluscus crassus* L. – так по-латыни называется моллюск. Длинными и сложными путями наш институт получил несколько кубиков экстракта – вытяжки из его мускула. Экстракт испытали на мышах, активность препарата великолепно подтвердилась.

Поскольку импортировать экзотический натуральный продукт в достаточных количествах не представлялось возможным, надо было поскорее получить синтетический аналог. Такое задание и получил наш институт. Завлабы постарше меня не спешили взвалить на себя такую обузу, а я, как выскочка-мальчишка, вызвался сам. Поначалу все шло гладко и споро. Мы в считанные недели выделили действующее начало, определили брутто-формулу сердечной панацеи и, блестяще выполнив квартальный план, доложили ученому совету ее структуру. Дело оставалось за малым – синтезировать. Читатель уже знает, что как раз на этом мы безнадежно застряли.

Говорят, что в науке это бывает – в биографиях выдающихся исследователей, не чета мне, таких случаев более чем достаточно. Говорят, что в подобных ситу-

ациях полезно время от времени отложить работу, отвлечься, чтобы потом взяться за нее со свежими силами и свежими мыслями. Но мне-то дали всего две недели.

Я лихорадочно искал выход из этого тупика. И неудивительно, что причуды Пса вылетели у меня из головы, едва я возвращался на работу после обеденного перерыва. Однако вечером Пес вновь мне о них напомнил.

Пес встретил меня безрадостно и уныло. С вяло опущенным хвостом он понуро бродил по квартире, отводя в сторону глаза, когда я с ним заговаривал. Он и к приглашению на прогулку отнесся как-то незаинтересованно и безучастно, но едва мы вышли на улицу, сорвался с места и как сумасшедший бросился на пустырь. Он даже забыл, честное слово, забыл поднять лапу у первого куста, а сделать это, поверьте, он не забывал никогда.

Стремительно пробежав несколько кругов по пустырю, он вдруг прижался носом к земле, завертелся волчком и внезапно опять сник. Медленно, неуверенно он шел ко мне, чем-то расстроенный, чем-то смущенный.

Вы когда-нибудь наблюдали за служебной собакой, когда она теряет след? Только что она мчалась, припав к земле, — напряженный как стрела хвост, в глазах восторг преследования. И вдруг — останавливается как вкопанная, так что проводник чуть не летит через нее. Собака недоуменно оглядывается, рыщет, крутится на месте. Теплый, остро пахнущий след, он только что был перед самым носом — и внезапно исчез. Ищейка растеряна, смущена, испуганно и виновато глядит на проводника.

Точно так же смотрел на меня в эти минуты Пес. И меня осенило. Мой честный, верный, обязательный Пес! Так он же добрые сутки тщился сделать то, что уже несколько месяцев не удавалось мне, сверхэрудированному Игорю Семеновичу, целой лаборатории со всем ее научным скарбом — хроматографами и масс-спектрометрами. Пес преданно и добросовестно выполнял идиотское задание, которое я дал ему, чтобы развлечь своих гостей. Будучи в легком подпитии, я позволил себе дурацкую шутку. А он, бедный, этой шутки не понял, да и не мог понять.

Как можно было шутить над тем, что для Пса было свято?

Вчера вечером у меня собрались гости. Да нет, какие там гости? Просто сразу после работы несколько человек наших решили поехать ко мне. По дороге прихватили с собой немного снеди — холодильник у меня всегда полупустой — и пару бутылок. Наташа с Игорем разложили все по тарелкам, я открыл бутылки. Немного выпили. Без особого аппетита закусили.

Застольная беседа была вялой, и крутилась она, естественно, вокруг проклятого синтеза. Приглашая к себе ребят, я вовсе не собирался устраивать производственное совещание, но втайне надеялся, что за столом, за разговором может появиться какая-нибудь спасительная идея, ну, не идея, так хоть крохотный огонек, который высветит еще не хоженную нами тропку. Ни идеи, ни огонька, ни тропки. И когда общий разговор окончательно угас, когда мои гости стали собираться, выдумщица Наташа подозвала дремавшего в углу Пса.

Среди собак, как и среди людей, есть гении, тупицы, посредственности. Но почти каждый, у кого есть собака, твердо убежден, что именно она — самая выдающаяся. Что же касается нас с Псом, то мы смотрим на вещи трезво. Пес знает мои несовершенства и мирится с ними. Я готов признать, что мой друг отнюдь не собачий гений: он неглуп, но с неба звезд не хватает; он не урод, но и не красавец.

Но есть у моего Пса одно незаурядное качество, о котором я готов говорить неустанно, не рискуя показаться смешным. Ибо это качество — идеальный нюх — известно всем и никем не оспаривается. Я бы даже назвал Пса гением нюха. Обучаясь в молодости на площадке, он ничем не выделялся среди своих сверстников, а по некоторым дисциплинам, например в задержании, даже отставал. Но когда де-

ло доходило до выборки предмета, мы с Псом торжествовали. Поиски палки были звездными часами Пса. Нет, не часами, конечно, а секундами, потому что выборку он исполнял в считанные мгновения.

Служи Пес в милиции или на границе, он, наверное, стал бы известен всей стране. Нам же его уникальный нюх был в общем-то ни к чему. Впрочем, время от времени мы демонстрировали его друзьям и знакомым, как счастливые родители показывают таланты своего вундеркинда. Все участники шоу, кроме Пса, разумеется, доставали банкноты одинакового достоинства, скажем, десятки; номера тщательно переписывались. Затем провозглашалось сакраментальное «деньги не пахнут», и Псу давали понюхать одну из десятков. Деньги тасовали, как карточную колоду, или прятали их в разных углах комнаты. Без малейших колебаний, мгновенно Пес находил и приносил мне нужную бумажку. Гости ахали и охали, глаза Пса (и мои тоже) светились гордостью и самодовольством.

Так вот, Наташа порылась в сумочке и извлекла оттуда бюкс, в котором на прошлой неделе носила наши образцы аналитикам. Дно бюкса было едва припорошено остатками злосчастного препарата. Я взял в руки хрупкую стеклянную посудинку и протянул ее Псу. Тот деликатно понюхал. «Ищи», – прошептал я. Кто-то из ребят невесело засмеялся. В самом деле, хороши были наши дела, если на Пса оставалась последняя надежда.

Однако Пес отнесся к заданию вполне серьезно. Он неторопливо обошел комнату и, остановившись у стенного шкафа, негромко подал голос. Я открыл дверцу. Пес аккуратно взял зубами с полки мой лабораторный халат, выстиранный и выглаженный, и ткнул его мне в колени.

Похоже, что Наташина выдумка немного поправила настроение ребятам. Я посмеивался вместе с ними и – не могу понять, как – забыл сделать то, что обязан был сделать сразу. Я забыл потрепать курчавый загривок, забыл сказать Псу, что он молодец, хороший пес – выполнил задание безукоризненно. Выражаясь протокольным языком, я забыл закрыть дело. А без этого Пес, понятно, не мог считать свою миссию завершенной. И потому не спал всю следующую ночь и не давал спать мне. И потому искал, бедный, на пустыре то, что я велел ему найти. И потому, наверное, отчаявшись выполнить невыполнимое, таскал мне наугад пузырьки из-под лекарств, тряпку, кости и прочую дрянь.

Я присел на корточки около Пса, обнял его лохматую шею и тихо шептал ему на ухо: «Молодец, молодец... Хорошо. Все в порядке... Хорошо». Пес прижался ко мне, и нам обоим и впрямь в эту минуту было очень хорошо. Но внезапно он вырвался из моих рук и сломя голову помчался в сторону леса.

И вот я уже добрых пятнадцать минут стою посреди главной аллеи и беспомощно, отчаянно высвистываю из темноты своего Пса. Такого никогда не было. Пес всегда бежит ко мне по первому зову, с первого свиста вылетает из кустов и не убегает вновь, не убедившись, что я его вижу. Даже в самые тяжелые для собачников дни, когда сук водят на коротком поводке, а кобели, теряя голову, целыми компаниями ждут своих дам у подъездов, – даже в такие дни Пес сохраняет хладнокровие. Не скажу, что он мало интересуется противоположным полом. Но для него неясный след прекрасной незнакомки куда притягательнее ее самой во плоти. Пес – романтик в любви. Я, кстати, тоже. Наверное, поэтому в нашей квартире до сих пор нет хозяйки.

Губы у меня распухли от свиста. Свистеть я уже не могу и издаю какое-то змеиное шипение. Но продолжаю звать Пса. У меня на душе тревожно. И бьющийся в клетке деревьев ветер еще усиливает тревогу. Мне мерещатся дружинники, которые изловили бегающего без поводка Пса и волокут его в милицию. Мне мерещится мой бедный Пес на дороге – он мечется в ослепляющих лучах фар между машинами, которые, не сбавляя скорости, несутся по проспекту. И я свищу, сви-

щу, а с губ срывается едва слышное шипение. Я беспомощен, как в ночном кошмаре.

Это кончилось внезапно, как обрывается ночной кошмар. Где-то рядом хрустнула ветка, зашуршали кусты, будто медведь продирался сквозь чащобу, и на дорожке показался темный силуэт крупного зверя. Пес мчался прямо на меня, светя, словно фонарями, зелеными ночными глазами. Все сердитые и горькие слова, которые я для него заготовил, вылетели из головы. Зверь налетел, хлperia передними лапами в телогрейку и сразу отскочил в сторону. «Где тебя носило, черт бородатый?» – заорал я, перекрикивая ветер. Но Пес меня не слушал. Он отбегал в сторону и возвращался – он звал меня за собой. Я понял, что это важно для нас обоих, и послушно двинулся за ним прямо через кустарник. Ветви хлестали меня по лицу, но я даже не отводил их, чтобы не сбавлять шаг, чтобы не отстать. Я лишь придерживал спадающие с носа очки.

Пес вывел меня на опушку, пробежал несколько шагов и звонко залаял. Я приблизился. Передо мной была детская песочница, огороженная низким деревянным барьером. На сыром слежавшемся песке угадывались почти неразличимые в темноте предметы. Я недоуменно уставился на Пса. Не переставая лаять и весело повизгивать, Пес наскакивал на песочницу. Сомнений не было: он привел меня сюда, чтоб показать нечто. Я достал из кармана телогрейки коробок и чиркнул спичкой.

Огонек высветил странный набор уже знакомых мне предметов. Спичка догорала, обжигая пальцы, но я успел заметить и аптечный пузырек, и куриную кость, и кусок автопокрышки, и тряпку. Там были еще какие-то листья, обломки веток, куски коры. Я снова засветил огонек, поднял спичку и прочитал сигнатуру. Но тут налетел порыв ветра и задул спичку.

Я знал – не могу понять, отчего, – что в выложенном Псом натюрморте есть какая-то символика, какой-то определенный смысл. Мне нужно было как следует рассмотреть эту композицию, это упорно сооружаемое произведение собачьего поп-арта. Вспоминая тот вечер сегодня, я со страхом думаю, что мог просто отмахнуться от чудачеств моего славного Пса, раскидать с таким трудом собранные веточки, тряпочки и косточки. Не знаю, как сложилась бы тогда моя жизнь, а главное, наши отношения с Псом.

Я собрал немного хворосту, переложил его обрывками газет и разжег в песочнице костерок, что, кстати, строго-настрого запрещено в нашем лесу. Теперь можно было не торопясь рассмотреть Псовую добычу. В композиции определенно просматривался какой-то непонятный мне порядок. Ее центром, ее осью безусловно служила кость с двумя кусочками резины по краям – наподобие гантели. С одной стороны от этой оси лучами отходили ветки крушины, орнаментированные красными листьями осины и боярышника. А с другой стороны – чуть поодаль, но явно на своем месте – лежал пузырек. И еще я увидел засохшие плоды шиповника, и огарок стеариновой свечи, и кусок медной проволоки...

Люди глотают книги, не задумываясь над символикой букв и иероглифов. В тишине музыканты читают ноты и слышат никогда не звучавшую прежде музыку. Мы, химики, за плоскими абстракциями структурных формул всеми органами чувств воспринимаем мир веществ, с их запахами, способностью реагировать друг с другом, со всеми их удивительными свойствами. Я увидел и прочел...

Не стану утомлять вас чисто профессиональными подробностями: что прочитал я в сочетании куриной кости с ветками крушины и как мне удалось это сделать. Да и сам я, пожалуй, не смогу внятно объяснить, что послужило ключом к шифру. Может быть, число веточек – пять! – сколько ветвей-радикалов в молекуле нашего снадобья. Может быть, тупой угол их наклона к куриной кости – как известно, по Цирлиху, должно быть что-то около ста десяти градусов. А может быть, красные осенние листья, которые содержат набор веществ, необходимых для получения нужной информации. А может... Какого черта! Все может быть...

Мне ничего не надо было записывать. Я видел весь синтез от начала до конца, все его семнадцать стадий одну за другой, все гидрирования, алкилирования, выпаривания, промывки, перекристаллизации и отгонки. Я видел и конечный продукт – сухой белый порошок, расфасованный в картонные коробочки.

А Пес, вывалив язык, шумно и часто дыша, сидел рядом с песочницей и озорно улыбался.

Две недели мы не выходили из лаборатории. Пес жил тут же. Спали на полу, завернувшись в противопожарные одеяла. Игорь Семенович, всклокоченный, небритый, по двадцать часов кряду манипулировал в вытяжном шкафу, не замечая даже Наташи. А она носила ему бутерброды. Пес три раза в день гулял сам в скверике возле института.

Точно в срок я положил на директорский стол отчет – перепечатанный и переплетенный. На твердых корочках было аккуратно выведено: «Синтез ПСА». Академик подписал отчет без единого замечания. Он лишь зачеркнул карандашом название препарата, пояснив, что пентасакратамидарил – это не совсем строго, что назвать препарат следует в точном соответствии с международной номенклатурой подобных соединений. Я вернулся в лабораторию и стер ластиком единственную начальственную поправку.

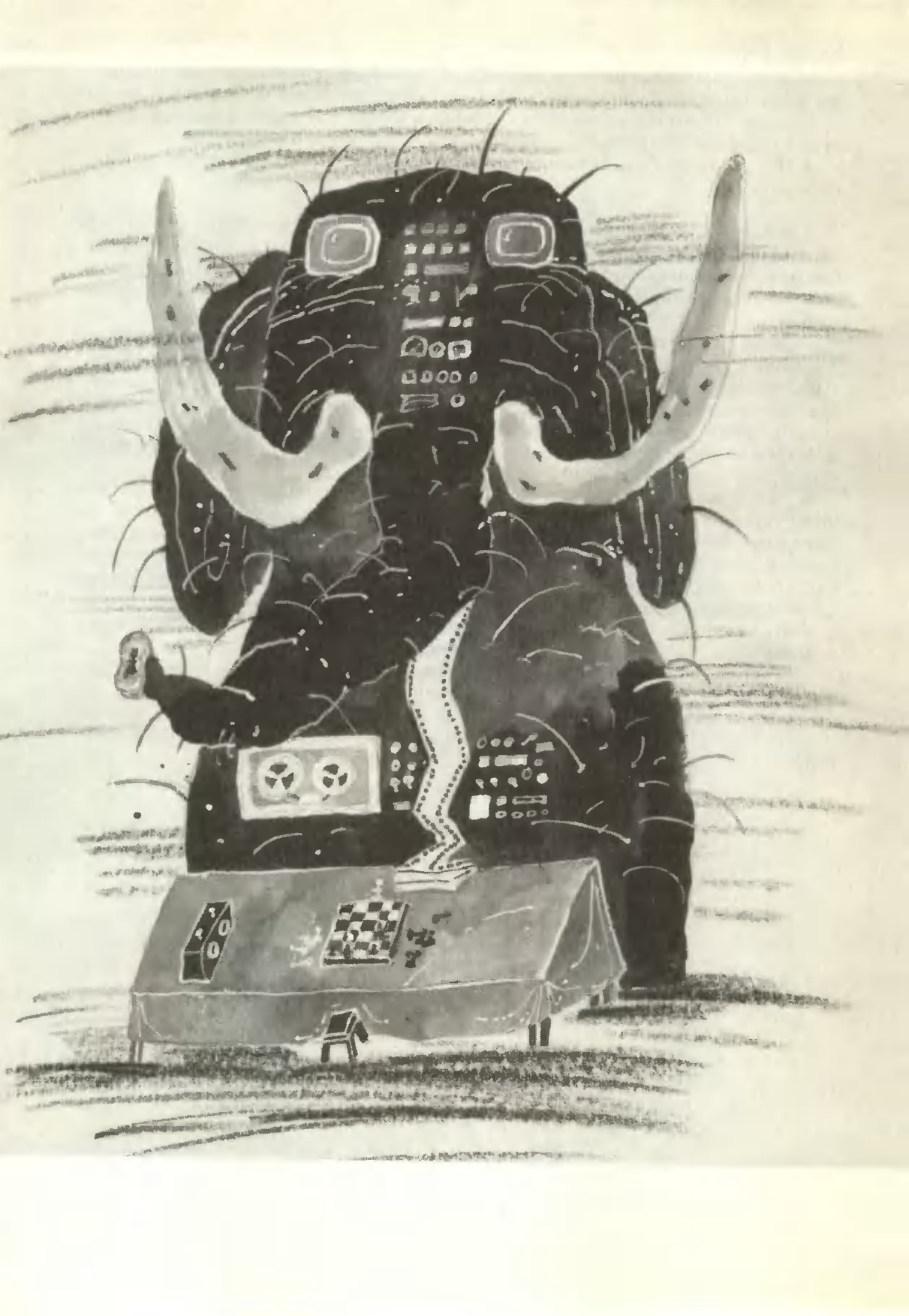
Я уже дважды побывал в зарубежных поездках – по поводу патентования нашего препарата. Ездили мы с Игорем, и он носился по магазинам, выполняя замысловатые поручения своей Наташи. Я же привез из дальних странствий удивительной красоты ошейник и несколько банок собачьих галет, кокетливо оформленных под косточки. Я пробовал их с чаем – довольно вкусно. Пес тоже попробовал, вежливо поблагодарил хвостом, но особого энтузиазма не проявил. Должно быть, он просто не уловил, что его потчевали иноземным яством. И мы, надев новый ошейник и раскурив трубку, пошли гулять.

Как вы помните, мы оба большие и с виду довольно страшные. Потому, стало быть, нам и задают все тот же неумный вопрос:

– У вас мальчик или девочка?

– Не видите, что ли? Кобель, – бросаю я на ходу. И мы идем себе своей дорогой.

1982, № 6

Сумасшедший король

Борис ШТЕРН

Я разрешаю «Шахматному журналу» опубликовать эти записи только после моей смерти.

Я запрещаю сопровождать первую публикацию предисловием, послесловием или комментарием редакции, а также вносить в рукопись какие бы то ни было изменения. Я решил объяснить всему миру мотивы собственных поступков и не хочу быть неверно понятым из-за мании редактора правильно расставлять запятые.

Имя автора должно быть напечатано так: «Джек Роберт Гиппенрейтер, экс-чемпион мира по шахматам».

Мой отец, великий ученый и изобретатель Роберт Гиппенрейтер, был глубоко верующим человеком – он верил в роботов.

«Когда человечество изобретет одушевленную машину...» – начинал он и принимался перечислять блага, какие последуют с появлением на Земле роботов.

Кстати, отец немного скромничал. Под словами «человечество изобретет» следовало понимать «я изобрету».

Свою мать я совсем не помню. По рассказам отца, у нее была разлажена нервная система, и даже приветствие, произнесенное «не тем тоном», вызывало у нее приступ истерики. Она всегда хотела больше, чем у нее было, и не кончила в сумасшедшем доме только потому, что скончалась до того.

Трудно было определить, что делал мой отец, но он, несомненно, что-то делал. Однажды его пригласили в какую-то фирму для выполнения секретного заказа, но вскоре он разругался там с какими-то имевшими влияние людишками. Впрочем, теперь я понимаю, что именно хотел создать мой отец; им же нужно было совсем другое.

Я бы мог рассказать, что я вытворял в юности, но это не имеет значения. Учиться я не хотел, думать не умел, работать не мог и, чтобы избавиться от своей всепоглощающей застенчивости, ввязывался во всякие глупые истории. Я был никем, я физически не мог стать кем-то. Меня вечно куда-то несло, но путешественником я тоже не был. Осенью я шел через всю страну на юг, туда, где зима помягче; весной возвращался.

Отец ничего не замечал и занимался своими делами, но однажды я застал его ничего не делавшим и сильно постаревшим. Он с нетерпением ожидал меня. Оказывается, он достиг цели своей жизни и создал механический разум.

– Сколько ты получишь за свою механику? – спросил я.

– Это не механика... – смутился отец. – Я и сам плохо понимаю, что и как там действует. Я смоделировал мозг человека, но не хочу его никому продавать. Ведь его можно запрограммировать на все что угодно, и если о нем пронюхает правительство... Нет, патент я не возьму. Я оставлю его тебе и запрограммирую...

– На добывание денег! – подсказал я.

– Помолчи! Я дам тебе жизнь, наполненную событиями, уважение грамотных людей, бессмертное имя. Я все придумал гениально! Ты умеешь играть в шахматы?

– В руки не брал. При чем тут шахматы? – удивился я.

– Научись! Ты станешь чемпионом мира по шахматам – и я буду гордиться!

Так вот, длинных диалогов и отступлений больше не будет. Этим диалогом я хо-

тел еще раз дать возможность моему отцу наговориться всласть о своем изобретении, а самому еще раз услышать его голос. Он умер через полгода, когда я... Но – по порядку.

Это была первоклассная авантюра, и я впервые в жизни увлекся. На последние деньги мы заказали у ювелира фигурку шахматного короля из слоновой кости и с крохотным бриллиантом вместо короны. Получилась очень симпатичная вещица, и в нее отец вставил свою механику – бесформенный комочек непонятно чего, который мог рассчитывать огромное множество шахматных вариантов и, что самое главное, способен был алогично мыслить и принимать интуитивные решения в головоломных позициях. Возьмись против него играть второй такой же комочек, они тут же угробили бы саму идею игры – они бы, не начиная, согласились на ничью. Короля я носил на шее, как амулет; оттуда он все чудесно видел и через крохотный приемник, который я вставлял в ухо, сообщал мне нужные ходы.

Наконец мы сели учиться играть.

– Ходи e2-e4», – сказал король.

– Объясни сначала, кто как ходит! – попросил я.

Король удивился и стал учить с самого начала. Во всех играх есть много общего: игровая логика «я так, он так»... К чему я это пишу? В общем, я был картежник со стажем и быстро все понял.

Вскоре королю надоело меня учить, и мы отправились в шахматный клуб. Первое испытание мне хорошо запомнилось. В накуренном зале было полно народу, на многих досках играли на деньги. Какой-то человечек с внимательным взглядом безразлично подпирал дверь и, увидев меня, предложил сыграть. Сразу нашелся свободный столик, и, когда я расстегнул пиджак, мой партнер устался на короля.

– Забавная штучка, – похвалил он. – Вы, наверное, сильный игрок?

Он был похож на карточного шулера. Потом уже, приглядевшись ко всей этой шахматной шайке, я понял, что они мало чем отличаются от картежников – приемчики все те же.

Итак, поглазев на мой бриллиант, он, наконец, вошел в роль и ласково сказал:

– В клубе я вас вижу впервые, но по тому, как вы поставили короля и ферзя, заключаю, что вы еще новичок. Предупреждаю честно: здесь играют только на ставку. Если вы пришли учиться – я к вашим услугам, но за это придется платить.

Это один из честных приемов. Он ставит новичка в неудобное положение: или плати, если не умеешь играть, или играй, если считаешь, что умеешь.

– Я умею играть, – сказал я.

– Тогда положите под доску... – ответил он и показал мне пять пальцев.

Я положил под доску пять монет и взглянул на него, приглашая сделать то же самое, но он только ухмыльнулся.

Король разозлился не меньше моего – характер у него был неровный. «Сейчас я ему покажу! – рывкнул он мне в ухо. – Ходи h2-h4». И я сделал первый ход. Партнер, ухмыляясь, вывел королевскую пешку. «Ходи a2-a4», – шелнул король.

Шулеру будто наплевали в душу – была оскорблена игра! Он забыл про свои доходы (а первую партию по всем законам он собирался проиграть) и сказал:

– Ты сюда больше носа не сунешь! Господа! Новые веяния в теории дебюта.

Свободные от работы господа лениво подошли и начали надо мной иронизировать, а я продолжал по советам короля передвигать фигуры. Вскоре Король замурлыкал какой-то мотивчик, и все притихли. («Король» я буду писать с заглавной буквы, потому что это его имя.) Потом они зашумели. Какие-то рукава полезли на доску и стали водить по ней пальцами, а мой шулер поднял руки и плаксиво закричал:

– Верните позицию, господа, верните позицию!

Ему вернули позицию, и после мучительных раздумий он откашлялся и спросил:

– Вы... вы отдаете ферзя?

В тот день я ничего не понимал, но потом Король повторил для меня эту партию.

Он действовал нагло, выводя крайние пешки, и серьезному турнирному мастеру мог и проиграть; но мой шулер был взвинчен и попался в ловушку. Брать ферзя не следовало из-за форсированного варианта с тремя жертвами. Мат он получил пешкой.

Определенно, мой шулер был честным человеком и уважал свою работу. Я думаю, на мастера он не тянул, но играл достаточно хорошо, чтобы каждый день обедать в этом городе, где отцы семейств дохнут от скуки, а в карты играть бояться.

Пять монет он мне все же не отдал, зато извинился и привел директора клуба, местного гроссмейстера (его имя вам ничего не скажет). Директор решил сыграть со мной без свидетелей в своем кабинете, вскоре смешал фигуры и проямлил:

– Да, я вижу... у вас талант. Но вы как-то странно начинаете партию... Вам следует подогнать теорию дебютов. Запишитесь в наш клуб, послушайте мои лекции...

Король, оказывается, уже знал непечатные слова и одним из них поделился со мной.

– Конкретней, маэстро, – перебил я. – Что нужно делать, чтобы сыграть с чемпионом мира?

– Вы не понимаете, что говорите! – вскричал маэстро. – На каждом уровне есть квалификационные турниры, и их надо пройти.

И он стал твердить про какой-то коэффициент, который высчитывается из выигрышей, проигрышей, турниров, в каких ты участвовал и не участвовал, из квалификации соперников и прочей ерунды, и вообще он путался в словах, не зная, как говорить с талантом.

– Ни один гроссмейстер не согласится с вами играть!.. – вот чем он кончил.

– Но ведь вы-то согласились?

Он разъярился; мы опять расставили шахматы, и на двадцатом ходу я, начиная мавтовую атаку, сказал:

– Кстати, мне понадобится тренер...

– Хорошо, – ответил он, сбрасывая фигуры. – У меня еще остались кой-какие связи, и я могу вам кое-что посоветовать.

Мы поехали в столичный шахматный клуб, и он представил меня как провинциала с задатками, которого он сейчас готовит к открытому чемпионату страны. Это здорово понравилось неиграющим старичкам, зато молодые гроссмейстеры подняли меня и тренера на смех. Тогда я предложил дать им одновременный сеанс на тридцати досках, чтобы их всех скопом зачли в тот самый коэффициент. От обиды они пошли на все. Король был в ударе, и после сеанса президент шахматной федерации (не называю имен) сказал, что всему миру надоело видеть на троне исключительно русских чемпионов, и похлопал меня по плечу.

Мне разрешили играть на чемпионате. Во время турнира пришла телеграмма от отца, я все бросил и уехал, но в живых его не застал. На похороны сбежалось много народу, чтобы поглазеть на меня. Король плакал. Я впервые подумал, что у нас с ним один отец...

Я стал чемпионом страны, хоть и пропустил четыре тура. Но на межзональном турнире на меня сначала не обратили внимания. Мне было все равно. Я уже понимал, что ввязался в очередную глупую историю. Шахматисты ничем не отличались от простых смертных, к тому же они были вспыльчивы, подозрительны и терпеть не могли чужого успеха. Узнай мою тайну, они бы меня разорвали!

У Короля на этом турнире стал портиться характер. То, что у него оказался характер, удивляло даже отца, но, как видно, это свойство – характер – присуще всякому настоящему разуму. Король любил иронизировать над соперником, и многие возненавидели меня за похохатывание во время игры. Он был горяч, остроумен, и вскоре у него появились нешахматные интересы. Отчасти я сам был виноват. Однажды я читал перед сном и оставил книгу открытой. Король никогда не спал, утром он попросил перевернуть страницу – это была сказка Андерсена «Го-

лый король» – и дочитал ее до конца. Потом он, смущаясь, попросил меня сшить ему какой-нибудь чехольчик, и я с трудом убедил его, что шахматному королю не нужны одежды.

С той поры им овладела страсть к чтению биографий своих коллег – Бурбонов, Стюартов, Габсбургов; и он злился, когда не было новых книг. Однажды, после очередного хода соперника, я не услышал его ехидного замечания и поковырял в ухе, думая, что отказал приемник. Партнер злобно глядел на мое ковыряние – о моем некорректном поведении уже ходили анекдоты. Я смотрел на доску, пытаюсь что-то сообразить, но бесполезно. Впервые я так долго думал. Вдруг я остановил часы и убежал за сцену, вызвав полный переполох – ведь до победы мне оставалось сделать несколько вполне очевидных ходов. Тренер за кулисами сунулся было ко мне, но я затопал ногами и прогнал его.

Король очнулся только в гостинице.

– Где ты был? – нервно осведомился я. – Мы проиграли!

– Не мы, а ты проиграл, – уточнил он. – Разок полезно и проиграть. Я вот о чем думаю... одному Бурбону нагадали, что его отравит таинственный король бубен. Это кто такой?

– Это ерунда, – объяснил я. – Книг о королях больше не будет.

– Тогда принеси мне шахматные книги, – невозмутимо ответил он.

– Зачем?

– Чтобы пополнить образование.

Против образования я не мог возразить, и утренняя самолетом нам доставили целую библиотеку шахматных книг и журналов. Этим же самолетом прибыл обеспокоенный моим проигрышем президент шахматной федерации. Он вызвался быть моим тренером, опекуном, отцом родным. Я не знал, как от него отделаться, и со мной вдруг началась истерика. Он побежал от меня в коридор, там шныряли репортеры со своими пулеметами – и в газетах появились фоторепортажи о том, как я бил своего президента.

Я закрылся в комнате и весь день ублажал Короля, листая ему шахматные книги. Не надо было этого делать! Я не обратил внимания, что многие авторы пишут не шахматные статьи, а сводки с фронтов. Короля потрясли перлы, вроде такого: «Невзирая на близость противника, король перебросил кавалерию во вражеский тыл и продолжал развивать прорыв на ферзевом фланге».

Через месяц Король потерял все свое остроумие, сентиментальной задумчивости как не бывало, и утром он орал: «Подъем! По порядку номеров р-рассчитайсь! На принятие пищи ша-агом марш!»

Я подстроился под режим военной казармы, ибо мне тогда это было на руку, а Король взялся за шахматы со всей ответственностью солдафона. Игра его поскучнела, исчезли жертвы и быстрые комбинации, зато все внимание он уделит стратегии. Матч с одним из претендентов превратился в нудное маневрирование с обязательным откладыванием каждой партии. Мой соперник, человек в годах, уставший от всей этой черно-белой жизни, совсем не ожидал такого поворота. Перед матчем он бахвалился, что мои некорректные жертвы и комбинации против него не пройдут, – но жертв с моей стороны не было.

В первой же партии Король воздвиг такую оборону, что мой соперник вскоре предложил ничью. Я отказался, и Король выиграл эту партию через два дня вариантом в 96 ходов. Матч закончился досрочно, потому что мой партнер заболел тяжелой формой невроза. Потом он говорил в интервью, что я гипнотизировал его за доской.

Однажды Королю попалась книга из истории шахмат, и он впервые увидел фигурки королей, выполненные древними мастерами. Его загрызла черная зависть. Мне пришлось пойти к ювелиру, и Король заказал себе огромного золотого жеребца со сбруей. На бриллиант ему нацепили придуманную им корону, похожую на

шапку-ушанку Третьяковского (чемпиона мира он увидел в кинохронике). В одной руке Король держал то ли скипетр, то ли пюпитр, а в другой палку с ленточками, похожую на ту штуку, с которой ходят военные оркестры. Всю эту тяжесть я таскал на себе и терпел издевательства тонких ценителей искусства, чтоб их черт побрал! Впрочем, над нашим жеребцом вскоре перестали насмехаться – подросли новые скандалы.

Третьяковский предложил играть матч в какой-нибудь нейтральной столице с умеренным климатом. Мы уже выбрали Токио, как вдруг Король объявил, что будет играть в Бородине и нигде более. Он, видите ли, собирается взять у Третьяковского реванш за поражение императора Наполеона. Я бросился к энциклопедии – Бородино оказалось небольшой деревней под Москвой.

– Слушай, Наполеон! – взбунтовался я. – Меня засмеют! На это не пойдет ни ФИДЕ, ни Третьяковский!

– Ма-алчать! Выполняй приказание! – завопил Король.

– Ваше величество! – забормотал я. – Ваше приказание невыполнимо. Бородина уже нету... на его месте разлилось Черное море! Вам будет интересно в Японии... самураи, харакири, Фудзияма...

– Тогда будем играть в Каннах, – пробурчал Король. – Я хочу одержать победу в том месте, где одержал ее Ганнибал.

Так появилась глупая телеграмма, чуть было не сорвавшая матч. Я ничего не сообщал, отсылая ее в Москву. Вскоре пришел ответ. Третьяковский просил подтвердить, посылал ли я телеграмму о Каннах и Ганнибале или это чья-то мистификация? В Италии на месте древних Канн стоит какой-то далекий от шахматных дел городок. Если же я имел в виду французские Канны, то почему бы нам не сыграть в Париже?

Наконец я догадался, как провести Королю. Я дал телеграмму «Согласен Париж» и сказал Королю:

– Ваше желание удовлетворено. Вы будете сражаться в Каннах, но они называются сейчас Парижем. Их переименовал сам Ганнибал после победы над... над...

– Теренцием Варроном, – небрежно бросил Король.

Я ужаснулся! Его бредни зашли чересчур далеко. На каждый его приказ я должен был отвечать: «Слушаюсь, ваше величество!», и партнеры жаловались, что я всю игру что-то бормочу. Он не разрешал мне подниматься из-за столика во время многочасовой партии, а однажды повелел вырыть окопы на ферзевом фланге.

Наконец я кое-что придумал. Если я испортил ему программу историческими бреднями, то, пожалуй, мог бы нейтрализовать эти бредни другими. Однажды удобный случай представился. Он делал смотр своим войскам и сказал мне: «Кстати, вчера за боевые заслуги я присвоил вам звание фельдмаршала».

– Ваше величество, я не могу принять это звание, – ответил я. (Быть фельдмаршалом не входило в мои планы, я метил выше.)

– Почему? – удивился Король.

– Верите ли вы в Бога, ваше величество?

– Кто такой Бог, и почему в него нужно верить? – заинтересовался Король. – Не правда ли, хорошо шагают ребята?

Я покосился на шахматную доску, где каждое утро расставлял ему войска. Ребята шли отлично.

– Я принес вам одну интересную книгу о царях, королях, фараонах... В ней вы и познакомитесь с этой таинственной личностью, – ответил я и вытащил Библию.

– Всем благодарность! – завопил Король, поспешно распуская войска. – Отличившимся офицерам увольнение до вечера!

Полдня я листал Библию, и Король прочитал ее в один присест.

– Что за неизвестная величина, этот Бог? – задумался он. – Он может все... это странно. Очень сомнительно, чтобы он выиграл у меня в шахматы. Если хорошенько поразмыслить...

Тут я понял, что если дам ему поразмыслить, то он в своем богоискательстве дойдет до воинствующего атеизма. Это мне было бы не на руку.

– Несчастный! – рявкнул я, поддельваясь под Божьи интонации. – Ты усомнился, смогу ли я выиграть у тебя в шахматы?!

– О Господи! – перетрусил Король. – Неужто в самом деле ты?!

– Как стоишь, подлец, перед Богом! – взревел я, щелчком сбросил его с жеребца, содрал корону и отнял музыкальный знак. – Сидеть тебе в темной могиле до Судного дня, а там поговорим!

Я засунул его в какую-то коробку, промариновал там целую неделю и, наконец, волнуясь, вытащил.

– Смилуйся! – загнусавил он. – Уйду в пустыню, дни и ночи буду молиться...

– Молчать! – рявкнул я. (Мне только не хватало заполучить на свою голову религиозного фанатика.) – Бога нет – я за него! Бог велел передать, запомни: книг не читай, никем не командуй, а занимайся своим делом – играй в шахматы.

Итак, от Божьего имени я внушил ему быть самим собой и никаким психозам не поддаваться. К нему вернулась прежняя веселость, но, просмотрев последние партии, Король загрустил:

– Вариант в 96 ходов потрясает воображение, но не делает мне чести. Эта партия напоминает тягучее течение реки, отравленной ядохимикатами. Что можно выловить в этой реке, кроме вздутого трупа коровы? Кому нужны комбинации в 96 ходов? Кому нужны шахматы, отравленные механическим разумом?

Мне показалось странным, что Король с таким пренебрежением заговорил о механическом разуме. Не возомнил ли он себя человеком? Я осторожно напомнил ему о шахматных машинах, и он воскликнул:

– Машина и шахматы – что может быть глупее? Эти машины оценивают позицию в условных единицах, но нельзя заставить их оценивать позицию нюхом. Любой ребенок с фантазией обставит машину.

– Но когда появятся машины с настоящим разумом...

– Настоящий разум нельзя ни на что запрограммировать, – ответил Король. – Когда настоящий разум поймет, что он сидит в какой-то машине, в каком-то ящике, он сойдет с ума.

Итак, он мнил себя человеком и, ничего не подозревая, прорицал собственную судьбу. Я положил его в коробку, и он пожелал мне спокойной ночи. Вскоре я окликнул его, но он молчал. Он спал. Человек ночью должен спать. Мне стало жутко. Я не должен показывать, что считаю его кем-то другим, а не человеком. Мне это было не трудно, я всегда относился к Королю, как к брату.

Весь месяц до начала матча я нигде не показывался, чтобы не тревожить Короля. Меня все ненавидели. Японцы ненавидели меня за то, что я отказался играть в Токио, французы за то, что я перепутал Париж с Каннами, русские за мое некорректное поведение. Те, кто не знал, за что меня ненавидеть, ненавидели меня за то, что никому не было известно, где я нахожусь. Сотни писем приходили на адрес шахматной федерации. Два-три письма, в которых не было ругани, переправили мне. Одно письмо, похожее на любовную записку, меня удивило:

«Дочь мистера Н. (называлась известная фамилия династии банкиров) хотела бы брать у вас уроки шахматной игры в любом удобном для вас месте и в любое удобное для вас время».

Я ответил ей и две недели обучал ее шахматной игре, – кстати, это одна из причин того, что я не появлялся. В Париж я приехал за несколько часов до открытия матча, и мой поздний приезд был воспринят, как оскорбление. Но мои заботы были поважнее соблюдения шахматного этикета – с Королем опять что-то стряслось.

Его потрясло появление в нашем доме мисс Н. Он спросил, кто она такая? Я ответил, что это машина для ведения хозяйства. Тогда он спросил, почему у меня есть такая машина, а у него нет? И почему он вечно висит у меня на груди, а я ни на ком не

вишу? Я путанно объяснил, что он и я – мы и есть один человек, симбиоз, неразрывное целое... Король поверил и вскоре поделился нашими планами: мы устали от шахмат и, когда станем чемпионами мира, удалимся на покой и заведем много прелестных машинок для ведения хозяйства.

Я тут же запретил мисс Н. приходиться ко мне, и Король начал ее забывать. Я не мог предвидеть, что на церемонии открытия президент ФИДЕ ляпнет словечко, из-за которого Король окончательно свихнется. Из-за того, что русские все время торчат на шахматном троне, в моду давно вошло называть королеву по-ихнему – «ферзь». Иного имени Король и не слышал. Но когда мы стояли с Третьяковским у столика, президент, зажав в кулаках две фигуры и обращаясь ко мне, спросил по-старинке:

– Итак, в какой руке белая королева?

– Что он сказал?! Королева?! – завопил Король.

Президент разжал кулак, и Король влюбился в белую фигурку королевы с первого взгляда. Всю ночь я пытался настроить его на игру, но он что-то бормотал и думать не хотел о шахматах. Наконец я убедил его, что только за шахматным столиком он сможет видиться со своей возлюбленной.

Мы опоздали на несколько минут. Третьяковский ходил по сцене, а в зале раздавались негодующие выкрики на мой счет. Я сделал первый ход и ушел за кулисы поесть и привести себя в порядок. Никакого психологического давления я на Третьяковского не оказывал, а если его нервируют мои «непредсказуемые поступки», то пусть обратится к психиатру.

Первую партию Король блестяще проиграл. Он пытался выиграть, не вводя в игру королеву. Оказывается, он боялся за ее жизнь. Это была авантюрная атака в каком-то тут же придуманном им дебюте, и ровно через час все закончилось. Довольный Третьяковский, пожимая мне руку, удивленно сказал:

– Интереснейший дебют, коллега! Его надо назвать вашим именем! Но почему на десятом ходу вы не вывели ферзя?

Почему я не вывел ферзя? Если бы я знал, что его нужно выводить!

Вторую партию Король наотрез отказался играть против своей королевы. Я не явился, и мне зачислили поражение. Перед третьей партией я попросил главного судью заменить фигурку белого ферзя. Король не нашел на доске своей возлюбленной и упал в обморок, а я сдался через полчаса. Тогда я попросил вернуть ферзя и отказался играть, когда выяснилось, что ФИДЕ уже продала эту фигурку какому-то коллекционеру-шейху с Ближнего Востока.

Вокруг творилось нечто неописуемое. Раздавались привывызы закрыть матч и оставить звание чемпиона за Третьяковским. Какие-то недоросли объявили меня то ли вождем, то ли кумиром и завели моду ходить в набедренных повязках, вытатуировав на ягодицах мой портрет.

Шейх не хотел отдавать фигурку. На Ближний Восток помчался государственный секретарь, но шейх все равно не хотел отдавать. Мне засчитали еще два поражения. При счете ноль-семь я предложил шейху три миллиона – весь денежный приз, причитающийся мне после матча. Шейх согласился, но деньги потребовал вперед. Газеты перестали обвинять меня в стяжательстве, но предположили, что я не в своем уме. По просьбе Третьяковского ФИДЕ перестала засчитывать мне поражения и ожидала, чем закончатся переговоры с шейхом. Я не знал, где взять три миллиона. Президент потребовал у конгресса три миллиона на мои личные нужды, но конгресс заявил, что он – конгресс, а не благотворительное заведение. Президент потребовал три миллиона на нужды шейха, но конгресс ответил, что на шейха не распространяется принцип наибольшего благоприятствования. Я собирался выброситься из окна, когда в Париж с тремя миллионами примчалась мисс Н. Она взяла их из папашиного сейфа, и на следующий день папаша Н. ее проклял.

Мы опять сели за доску. Исстрадавшийся Король устал от буйного выражения своих чувств, любовь его к королеве ушла вглубь, и он занялся шахматами. Его ущерб-

ный шахматный разум создавал удивительные позиции. За белых он очень неохотно играл королевой и предпочитал держать ее в тылу. Партии продолжались долго, с бесконечным маневрированием, и когда Третьяковский предлагал ничью, я тут же соглашался – ничьи в счет не шли. Но черными игра у Короля удавалась на славу! Каждый ход, каждое движение фигур были направлены на белого короля, которого он ревновал к королеве. Он изобретал умопомрачительные позиции, не описанные ни в каких учебниках. Седой как лунь Третьяковский подолгу задумывался, часто попадал в цейтнот и проигрывал. Я одержал десятую, решающую победу и выиграл матч со счетом десять-семь.

Я стоял на сцене, увенчанный лавровым венком, и думал...

...Я один знаю, о чем он думал, стоя на сцене с лавровым венком. Ему не давала покоя какая-то его совесть – что это такое, я плохо понимаю. Он решил «уйти на покой» – так он выразился.

– Ты уйдешь, а что же будет со мной? – спросил я.

Тогда он нашел какого-то хирурга и предложил мне переселиться из тесной шахматной фигурки сюда... Здесь просторно, я смотрю на мир его глазами и пишу эти строки его рукой.

Жизнью я доволен, никакой тоски. Правда, то и дело отключаются разные центры в обоих полушариях, но я жду, когда придет отец, чтобы отремонтировать меня, – он в этих делах разбирается. Недавно явилась какая-то мисс Н. и попросила обучить ее шахматной игре. Я ей сказал: «Да, мисс, вы попали по адресу. Я и есть машина, обучающая игре в шахматы». В отчет она заплакала и стала уверять, что я не машина.

Женщины очень надоедливы.

Меня волнует только один вопрос: кто по праву должен называться чемпионом мира – я или покойный Джек Гиппенрейтер? Есть ли закон, запрещающий механическому разуму играть в шахматы? Такого закона нет! Механический разум, совсем как человек, страдает, влюбляется, сходит с ума. Механический разум должен обладать всеми правами человека. Его нельзя держать в ящике! Тогда уж лучше его не изобретать.

Поэтому я официально заявляю, что чемпионами мира с 1993 по 1995 г. были двое в одном лице: Джек Роберт Гиппенрейтер и я, его брат, первый одушевленный робот по имени Король.

Джек Гиппенрейтер, будь он жив, согласился бы подписать это заявление. С него полностью снимается вина за скандалы во время матча.

Это заявление должно быть опубликовано в «Шахматном журнале» на первой странице. Разрешаю украсить ее виньетками.

Справедливость восстановлена, и у меня на душе спокойно.

1977, № 6

Старик и старуха

Рауф ГАСАН-ЗАДЕ

И однажды жизнь сложилась так, что Том шел вверх, а Колобок катился навстречу, и они неизбежно столкнулись на тропинке, истоптанной сотнями ног, и, столкнувшись, поздоровались, и Том, заметив грусть Колобка, спросил, а куда, собственно, он катится, на что Колобок усмехнулся и с той же грустью спросил, в свою очередь, разве Том не знает, чем кончит Колобок?

Тома позабавила такая смешная идея, что будущее предсказуемо, и грусть Колобка показалась ему надуманной, и он сказал, что нет, не знает, и не фаталист ли Колобок случайно?

Отсмеявшись, Колобок проговорил, что все знает, а Том, оказывается, не знает, наверно, Том – сирота, которому никогда не читали сказок.

Том кивнул и подтвердил, что от рождения сирота и...

Но Колобок перебил его и сказал, что все это не имеет значения и что есть такая сказка про Колобка, который сбежал из дому и потому попал Лисе в брюхо, и добавил, что вот он и катится, пока ее не встретит. Том разинул рот и пошевелил ушами, а Колобок продолжил, что хотел бы знать, зачем его сделали съедобным, уж не затем ли, что иначе бы его не съели и кое-кому не представился бы случай поплакать над его фотографией и сказать укоризненно: «Мы же тебе говорили!»

Том ахнул и спросил, что, значит, Колобок идет к Лисе и ничто его не может остановить? И Колобок подтвердил скорбно и твердо, что ничто и никто. Том улыбнулся, как улыбаются, когда на ум приходит мысль, которая нужна другому и которая якобы никогда не приходила этому другому в голову, хотя он болтался всю жизнь вокруг этой мысли и лишь по несообразительности не

мог ее обнаружить. И спросил, ну раз Колобок знает, что с ним может случиться, то почему бы ему не остановиться? И с минуту наслаждался наступившим молчанием, воображая, что Колобок молчит от растерянности.

Но через минуту Колобок произнес, что Том наивен и что он, Колобок, сразу это понял. Колобок назвал Тома другом и сказал, что для того, чтобы остановиться, нужно иметь внутреннюю возможность. А у него, Колобка, ее нет!

Том нахмурился, а потом извинился и пробормотал, что дело плохо, Колобок. И они вновь замолчали, но теперь уже другим, истинным молчанием, когда хочешь сказать что-то нужное и понимаешь, что говорить нечего.

Наконец, пряча глаза, Том спросил, не мог бы он чем-нибудь помочь, но Колобок поспешно ответил, что ничем, спасибо, и предложил Тому съесть его, если Том сможет, но Том опустил голову и отказался, и тогда Колобок крикнул ему: «Прощай!» – и покатился по тропинке.

А Том долго смотрел ему вслед, быстро понимая то, чего не понимал всю предыдущую жизнь, как это и бывает при всяком настоящем понимании; потом он продолжил путь, и по пути у него появилась новая мысль, и он шел, развивая ее до завершенности.

Через час он встретил Лису – она шла по лесу, качаясь от голода, – и спросил, что с ней случилось. Лиса махнула худой лапой, тяжело опустилась на камень и сказала, что он не знает, что такое муки голода. Том обиделся, что она такое о нем подумала, а Лиса всмотрелась и узнала его, и извинилась, что не узнала, но разве Том не видит, в каком она положении?

Немного помявшись, Том спросил, а что бы она сделала, если бы вдруг встретила Колобка? Лиса вскрикнула, и вскочила на ноги, и стала умолять Тома, чтобы он сказал, где его встретить. Том разозлился и заорал, что хочет знать, что бы она сделала, если бы вдруг встретила Колобка? И Лиса заорала в ответ, что сожрала бы его! И с неожиданной нена-

вистью надвинулась на Тома и спросила сквозь зубы, а как он думал?

Тогда Том сказал ей, чтобы она успокоилась, и подождал, пока она так и сделала, а затем спросил – а смогла бы она удержаться? Лиса подумала и сказала, что никогда об этом не думала и что она не понимает, а зачем ей, собственно, удерживаться? Но Том настаивал, чтобы она ответила прямо: смогла бы или нет? Лиса фыркнула и сказала, что тогда Колобок засмеет ее или подумает, что она шакал какой-нибудь, а не Лиса. И добавила, что рано или поздно его все равно съедят, так почему не она, а кто-то другой? Том ответил, что речь не о других и что он лично у нее спрашивает, и Лиса сказала, что не знает и не понимает, что от этого может измениться, тем более, что и самому Колобку это нужно, а ей нужно, чтобы это сделала она, а не кто-то другой. И что играть в самопреодоление у нее нет ни нужды, ни желания, и пусть Том докажет ей обратное. Том ответил, что лучше он расскажет ей, что с ней будет, когда она съест Колобка, и Лиса согласилась. Он напомнил ей, что у Колобка есть дед и бабка и что когда они узнают, что она его съела, они устроят облаву, и поймают ее, и снимут с нее шкуру; неужели она этого не понимает? Лиса засмеялась и сказала, что она убежит от них, на то она и Лиса, да и как они узнают, старички эти? И как докажут? Том ответил, что не знает, но ведь на каком-то колобке она все равно попадется, неужели не ясно?

Лиса закусила губу и помолчала – воистину, то был день знаменательных молчаний, – а потом с отчаянием крикнула, что должна же она что-то жрать, черт побери этого проклятого Колобка! Том улыбнулся и сказал – должна, что за вопрос, но как бы сделать так, чтобы потом ей не приходилось спасаться от погони? Лиса опять помолчала и спросила, что бы он ей посоветовал? Том подумал и сказал, что он посоветовал бы ей встретиться с Колобком и вместе обсудить их общую проблему, но Лиса испугалась и закричала, что она же говорила, что Колобок засмеет ее, и прошептала,

смущаясь, что Том и не представляет, как она боится насмешек. Тогда Том сказал, что с этим ей и нужно прежде всего разобраться и что не из-за этого ли страха она сама выставляет всех на смех?

Не попросившись, Том зашагал дальше, а Лиса осталась сидеть на камне, но потом тоже пошла и через три дня, хмурая и забывшая о голоде, она наткнулась на Колобка – он бежал по тропинке навстречу и пел свою песенку.

Увидев Лису, он ахнул и замер на месте. Вскрикнула и Лиса и с усилием тряхнула головой, очевидно, выбрасывая ненужные или неприятные ей мысли. И сказала, что Колобок – красавчик и что очень приятно встретить такого красавчика в таком безлюдном месте и послушать его песенку. И попросила его спеть еще раз. Колобок задрожал и сказал, что песенка была пустяк и он уже забыл, но Лиса погладила его и попросила, чтобы вспомнил, для нее лично. Колобок зажмурился и запел, но Лиса остановила его на полутакте и стала жаловаться на старость и связанную с ней глухоту.

– Хорошо, – прохрипел Колобок и полез ей на морду.

Песня была исполнена почти до конца, но, дойдя до того места, где должно говориться о Лисе, Колобок вдруг умолк и всхлипнул. Лиса спросила, что случилось, но он продолжал безмолвствовать, и она была вынуждена повторить: «А от меня?» – и страшно ему подмигнула.

Внезапно Колобок вздохнул, и вслух вспомнил Тома, и передразнил его – что же тебе, Колобок, мешает остановиться? Взял бы и не допел эту идиотскую частушку?

Тут Лиса быстро спросила, о каком Томе речь, и спустила Колобка на землю. Колобок опять вздохнул и описал внешность Тома (она была такая – внимательное лицо и разорванный пиджак). Лиса хмыкнула и погрузилась в задумчивость.

Вдруг Колобок прокричал окончание песенки и подпрыгнул, собираясь, надо полагать, нанести Лисе телесное повреждение, и Лиса, выйдя из задумчивости,

Восприимчивый

Георгий НИКОЛАЕВ

осведомилась у промахнувшегося Колобка о наличии у него ушей. Колобок закричал, что никаких ушей у него нет, зато в нем два килограмма муки, масла, дрожжей, еще там чего-то, можешь подавиться, гадина!

Лиса искала и все же нашла два крошечных ушка на круглом черепе Колобка и с яростью дернула одно из них, и Колобок взвизгнула, как перед смертью.

– Вот что я тебе скажу, сукин ты сын, – медленно, нараспев произнесла Лиса. – У тебя дома два слабых несчастных старичка смотрят на дорогу, кто бы подал им кружку воды, а ты тут бегаешь, как проститутка, и строишь из себя храбреца! Вон с моих глаз, шкурная твоя душа!

Широко размахнувшись, она дала ему страшного пинка под зад и торопливо пошла в лес. И если бы ей встретился кто-нибудь, кто знал ее раньше, то он, вероятно, не узнал бы ее или, узнав, подумал бы, что с ней случилось нечто странное. А если бы он мог заглянуть ей внутрь, в то, что иногда называют душой, и знал бы притом, что было там, внутри, в другие, старые времена, то увидел бы, что она полна новых, незнакомых ей раньше чувств, и тогда наверное, понял бы, почему не узнал ее или, узнав, подумал бы, что с Лисой случилось нечто странное.

Колобок, пролетев метров сто по воздуху и еще столько же по тропинке, закатился под куст и остолбенел, и сердце его билось, как огромный будильник, и рвало ему грудь, будто хотело выскокить. И лежал он там без движения два дня, и в голове его тоже происходили какие-то странные события, неведомые ему раньше, от которых он то сопел и всхлипывал, то поминал черта, то ругал самого себя, то деда с бабкой. А потом вышел из-под куста и медленным твердым шагом пошел туда, где в темной убогой избе сидели два старых человека и глядели в окно в робком ожидании чуда, равного которому нет в этом ожидающем чуда мире.

Я восприимчивый. Не то что некоторые. Но пользы мне от этого мало, только вред. Сколько лет живу на свете, никак не могу привыкнуть. Чего со мной только не случилось... И все из-за вас, из-за людей.

Началось это со мной в детстве, в возрасте счастливом, но не запоминающемся. Именно по этой причине я не знаю, как все произошло в первый раз. Могу только предположить, что чем-то рассердил своих родителей: то ли улыбка моя им не понравилась, то ли орал долго, но кто-то из них сказал про меня что-то метафорическое. Любя, наверное, но сказал.

Для вас это мелочь, а я... В общем, превратился я в нечто неопределенное.

Наткнулись на меня люди уже в отроческом возрасте среди вторсырья. С ними я тогда плохо был знаком, но то, что они после себя оставляют, изучил досконально и судил о людях исключительно по отходам их цивилизации – метод, может быть, и странный, но в моем положении единственный.

Как запомнился мне тот ясный солнечный день, когда судьба привела ко мне человека и заставила его об меня споткнуться! Я ничего не понял, а человек разозлился, и его слова я запомнил, ибо они затронули дремавшую мою восприимчивость.

– А-а, черт! – только и сказал он.

Но этого было достаточно для того, чтобы в следующую секунду я стучал копытами по ржавым консервным банкам, игриво наставлял на него свои несовершеннолетние рожки и пронзительно повизгивал.

Будь он покрепче, мы бы, возможно, поговорили и дело приняло бы другой оборот, но искушать судьбу он не стал и улегся прямо на мое место. Там я его и оставил пожинать плоды собственной вульгарности.

Новое качество мне понравилось. Главное, я теперь знал, кто я есть. Помахивая хвостом, я отправился в большую жизнь.

Молодой, я развлекался безыскусно. Резвость и оптимизм отличали меня в тот период жизни. Вы сами прекрасно можете предстаить себе, что я вытворял. Жизнь закрутила меня, завертела... Шаррались от меня люди направо и налево, веселился я вдоволь и, случалось, безобразничал. Обо мне говорили, меня знали и часто обращались ко мне или кого-нибудь ко мне посылали. Я как-то прикинул, что если направленных ко мне граждан поставить в одну очередь, то она бы опоясала земной шар по экватору и была бы самой интернациональной очередью в мире.

В общем, пользовался я популярностью, не скрою... Но... Замучило меня как-то под Рождество одиночество и неприютность – ада, сами понимаете, я не нашел. Чего только в мире не понастроили, а захудалый ад для бедного черта, пусть даже малагабаритный, сделать никто не додумался.

Но есть еще на свете хорошие люди. Вызвали меня. Самым простым способом. Так раньше вызывали, когда телефона не было. И оказался я в устрашающем обличье посреди шестиугольника, нарисованного мелом на паркете. Передо мною человек: на полу растянулся и завывает.

– Чего надо? – спрашиваю.

Человек голову поднял, на меня уставился.

– Душу, – говорит, – отдам, только отгадай шесть чисел из сорока девяти.

А у самого зубы стучат, до того у меня вид замечательный.

– Ладно, – говорю, – дай подумать.

Душа мне его, конечно, ни к чему, да и просит он что-то непонятное. Но силу ответственную я в себе чувствую: все могу. А взамен... Была у меня мечта. Хотелось мне стать полноправным членом общества. Надоело мне одиночество, оторванность от коллектива. Постеснялся я немного и говорю:

– Отгадаю все, что хочешь, но за это

ты меня Человеком назовешь, иначе не видать тебе шести чисел.

Обрадовался он до слез и Человеком назвать покаялся. Потом у нас целый день на объяснения ушел. Хотя я и умный был, но с трудом понял, что ему от меня нужно. Еще один день я подшивки газет просматривал, необходимую информацию выискивал и сопоставлял до умопомрачения. Чего только ради Человека не сделаешь!

На третий день вынес он вещи из квартиры, продал все, что мог, и купил симпатичные такие карточки. Два часа я их заполнял крестиками, а как заполнил, он их собрал, в газету завернул и убежал куда-то.

Вообще говоря, он мной брезговал, все норовил в другую комнату уйти – мол, от запаха серы у него голова раскалывается. Как будто у меня не раскалывается. Но когда выиграла мы с ним, он расчувствовался и обниматься полез.

– Нет, – говорю, – ты меня Человеком назови.

Он тогда выпрямился, грудь выпятил, в глаза мне посмотрел и обозвал с пафосом.

Так начался мой новый период жизнедеятельности, к которому я стремился по бытовой своей неустроенности.

Взял я себе фамилию Человеков, чтобы побочных эффектов не было, на работу устроился. День работаю, два работаю, долго работаю. Стал зарплату получать, пообвыкся, никаких особенных изменений за собой не замечаю. Разве только скажет кто-нибудь из сочувствия:

– Что-то ты, Человеков, неважно выглядишь сегодня...

Ну я и начинаю неважно выглядеть. А тут, как всегда, найдется заботливая душа и скажет:

– Что-то у тебя, Человеков, вид больной и рожу перекосило...

И так далее. В таких случаях я прямым ходом на кладбище бежал, оно рядом. Там у меня знакомый есть: я ему двадцать копеек, а он мне столько доброго здоровья пожелает, сколько я захочу.

С производственной стороны я себя хорошо зарекомендовал и это мнение поддерживать старался. Неровен час, кто-ни-

будь погорячится и назовет безмозглым бараном – что тогда?

И все бы у меня хорошо было, если бы моему начальнику пятьдесят лет не стукнуло. Собрались мы после работы. Скромно все так. Музыка играла, танцы начались. Ко мне Алла подходит, а мы с ней раньше здоровались только.

– Вы, Человеков, на танец меня пригласить не хотите?

– Хочу, – говорю.

Ну и пригласил я ее на танец.

Танцем мы, а она большая такая, приятная.

– А я и не знала, что вы нахальный, Человеков, – говорит она. И смеется.

Я, понятное дело, стал нахальным.

– А ты смелый, – говорит она, – я тебе, наверное, нравлюсь.

И начинает она мне нравиться до невозможности.

А тут еще сослуживец с девицей в парике мимо протанцовывает и женихом с невестой нас называет от зависти.

Делать нечего. Поженились мы с Аллой. Вот тогда это и случилось.

Расслабился я. Решил, что все продумал и предусмотрел. В самом деле, общественным транспортом я не пользовался: для меня это смертельно, того и гляди назовут как-нибудь. В магазины Аллу посылал, она у меня закаленная, ее так просто не изменишь. В общем, из кожи лез, чтобы не задела мою восприимчивость, но разве все предусмотреть...

Помню: ночь, луна в окно светит, из форточки свежий воздух поступает, и жена меня нежно так по плечу гладит, почти спит уже, а все что-то шепчет, и вдруг превращаюсь я в лапушку-лапochку... Вспотел я весь от ужаса, пальцами пошевелить боюсь. Хорошо еще, что она заснула сразу и солнышком не назвала.

Страшную я провел ночь. Нечеловеческую. А под утро она во сне разметалась на моей ладони и шепчет:

– Человеков, Человеков, где ты...

Опять стал Человековым.

После этого случая я совершил неправильную ошибку. Я стал на ночь затыкать уши ватой.

Как-то утром меня за плечо трясут. Просыпаюсь – это жена моя, Алла, рот

раскрывает, кричит вроде, а я не слышу ничего и смотрю на нее спростонья.

Как дала она мне подушкой по уху, так из другого уха затычка и выпала. Хотел я пальцем ухо заткнуть, да уж поздно было. Что первое услышал, в то и превратился – в глухую тетерю. Понял я, что назад пути нет, и улетел в окно.

Жизнь моя теперь конченная, если и обзовет кто, все равно не услышу. Оглохла моя восприимчивость. Наверное, это и к лучшему. Одно только меня смущает: охотничий сезон начинается. Может, уже стреляют, а я не слышу.

1985, № 10

Встречный и поперечный

Георгий НИКОЛАЕВ

Он сидел ко мне спиной на поваленной сосне и шелестел бумагой.

Я в нерешительности потоптался на месте, еще раз оглядел редкий лес и негромко кашлянул. Он оглянулся.

– Добрый вечер, – сказал я.

– Добрый вечер...

Я подошел ближе. Теперь он сидел вполоборота ко мне и ждал, что я скажу дальше. Я ничего не сказал. У него на коленях в газете с жирными пятнами лежала колбаса. Граммов триста на первый взгляд. В правой руке он держал перочинный нож.

– Садись, – сказал он и подвинулся, освобождая мне место между торчащими из ствола сучьями.

– Спасибо.

Я сел и достал пачку сигарет.

– Куришь?

– Курю, – сказал он и стал резать колбасу. – Но сначала ем.

Он аккуратно нарезал колбасу, положил вместе с газетой перед собой на землю и достал из приваленного к сосне рюкзака буханку хлеба.

– На, – сказал он мне, протягивая хлеб и перочинный нож. – Режь, а я пока минеральную открою.

Я нарезал хлеб и положил на газету рядом с колбасой. Он уже разливал по стаканам.

– За знакомство, – сказал он, протягивая мне стакан.

– За знакомство, – согласился я. – А ты откуда?

– С Марса, – сказал он.

Я выпил и поставил стакан на землю.

– Ешь, – сказал он. – Закусывай.

– Ну и как там, на Марсе? – спросил я, устраивая на куске хлеба два куска колбасы.

– Да ничего, – ответил он, роняя изо рта крошки, – все так же. Пылица страшная.

– А здесь что делаешь? – поинтересовался я.

– Отдыхаю. Я в отпуске.

Он сел поудобнее и стал делать себе еще один бутерброд.

– Мне путевку в местное дали, – продолжал он, – со скидкой, почти бесплатно. Дурак я, что ли, такую возможность упустить? Когда еще на Землю попадешь... Правда, путевка туристическая, без удобств, но все равно лучше, чем болтаться в битком набитой летающей тарелке... А ты почему не удивляешься?

– С какой стати мне удивляться?

– Так ведь марсианин я, – сказал он, – не кто-нибудь. Я здесь две недели уже околачиваюсь, и, как кому-нибудь скажу, все удивляются.

– А чего они удивляются? – спросил я. – Ты же отдыхать сюда прилетел, не работать.

– Откуда я знаю, чего они удивляются? – взорвался он. – Сколько лет сюда с Марса валом валят отдыхать, пора бы привыкнуть.

– Тогда зачем ты хочешь, чтобы я удивлялся?

– Ну... – он замялся. – Запутал ты меня. Давай допьем?

Я кивнул. Он разлил остатки по стаканам и залпом выпил.

– Хороша минералка, – сказал он. – У нас на Марсе намного хуже.

Мы жевали хлеб с колбасой и молчали. Каждый думал о своем. Сгустились сумерки.

– Небо здесь замечательное, – сказал он задумчиво. – И воздух. А на Марсе сейчас дышать нечем, и температура минус пятьдесят по Цельсию. А мне улетать завтра.

– Плюнь, – сказал я, – не улетай, если тебе здесь нравится.

– Ты что, парень, – удивился он, – я же по путевке, она у меня кончается. И на работу надо. И что же я жене скажу?

Он завернул остатки хлеба и колбасы в газету и засунул в рюкзак.

– Хорошая у меня путевка, – вернулся он к своим мыслям, – вот только ночевать сегодня негде. У тебя свободного угла не найдется?

– Не найдется, – сказал я. – Нет у меня свободного угла.

Антон МОЛЧАНОВ

*Хочешь получить умный ответ –
спрашивай умно.
И.В. Гете*

– Ну, может, у знакомых? – продолжал он. – Здесь ведь деревня большая, неужели у знакомых не найдется?

– Нет у меня знакомых. – Мне было холодно и хотелось есть. – Я не местный.

– А откуда же ты? – полюбопытствовал он.

– С Венеры.

– Постой, – сказал он, страшно удивившись, – разве и с Венеры сюда на курорт прилетают?

– Какой к черту курорт, – ответил я. – У нас здесь гауптвахта.

– А-а, – сказал он понимающе. – Сочувствую. – И, сложив вещи в рюкзак, поднялся: – Ну, тогда я пойду.

– Ты на меня не обижайся, – сказал я. – Мне хуже твоего.

– Понятное дело, – согласился он. – Если хочешь, прилетай как-нибудь на Марс в гости. В шахматы перекинемся.

– На Марс по своей воле? – переспросил я. – Никогда в жизни. Мы его как холодильник используем. Лучше ты ко мне прилетай.

– А какая у вас погода?

– Когда как. Позавчера было плюс семьсот пятьдесят по Фаренгейту и облачно, вот меня и развезло.

– Нет, – сказал он. – Я тоже не смогу. У меня давление повышенное.

– Жалко, – сказал я.

– Что делать... – Он надел рюкзак. – Пойду я. Привет.

– Привет, – сказал я. – Только колбасу оставь. Она мне нужнее.

Он помедлил, но, видно, решил, что я прав, и оставил. Все мы люди, в конце концов.

Младший офицер кастикусийской звездной разведки Локумби-ру-Зига обнаружил кислородную атмосферу на третьей планете Малой Желтой звезды в созвездии Клопа и завис в двухстах километрах над аэропортом Адлер города Сочи. За полтора часа, болтаясь в летающем блюдце, Локумби-ру-Зига (далее для краткости будем называть его просто Зига) изучил в совершенстве все языки, употребляемые на территории Сочи. Потом он покинул блюдце, материализовался в свободной кабинке общественного туалета в торце здания аэропорта и, одетый по-адлерски, вышел на площадь.

У Зига был собственный ускоренный метод исследования обитаемых планет. Он выбирал индивидуума в случайной точке планеты, проводил с ним короткую беседу и придумывал главный вопрос. Этот вопрос Зига разбивал на две части и первую сразу же задавал индивидууму. Затем ради чистоты эксперимента он пересекал планету в произвольном направлении, находил другого индивидуума и задавал ему вторую часть вопроса. Объединив ответы, он загонял их в бортовой компьютер, и послушная машина выдавала заключение по всем пунктам.

Свой метод Зига называл методом двойного экономического вопроса. Он считал, что именно мелкие детали таят в себе суть планетарной жизни. Так, в предыдущем рейсе в систему Большой Мерцающей Крокодила он спросил у одного из тамошних жителей, сколько зеленых палочек светожора выращивает тот за сезон, а у другого – сколько таких палочек уходит на светокорм его семье. Отсюда Зига сделал вывод об уровне бла-

госостояния мерцающих крокодилцев, а заодно и о том, насколько сильна у них медицина, поскольку попутно выяснилось, что зеленые палочки светожора используют как средство от насморка у детей.

Зига гордился своим ускоренным методом. Собрав информацию за час-другой и поручив остальное компьютеру, он уже к вечеру сажал свое блюдо у дверей шикарного отеля на знаменитой курортной планете Тиржи-Гарман-Жири.

Зига окинул взглядом адлерскую площадь. Его внимание привлек торговец растительностью: длинные стебли с большими белыми венчиками напоминали ему уши его любимого зверька брамглюсака.

– Сколько стоят ваши цветы? – спросил Зига на родном языке торговца, чем растрогал его необыкновенно.

– Семь копеек штука, генацвале, – ответил торговец.

– А за какое время вы зарабатываете семь копеек?

Абориген растерялся.

– Спроси что-нибудь полегче, – сказал он. – В день я зарабатываю в сто раз больше, в двести раз больше, в тысячу раз больше. Что я, считал?

– Спасибо, генацвале, – поблагодарил Зига и поспешил через площадь к туалету, отметив про себя, что по ту сторону здания взлетают в небо транспортные устройства то ли на химической, то ли на внутриядерной тяге.

Младший офицер кастикусийской звездной разведки Локумби-ру-Зига совершил прыжок в произвольном направлении и материализовался в аэропорту Внуково города Москвы. По другую сторону здания поднимались в небо те же транспортные средства то ли на химической, то ли на внутриядерной тяге. Зигу поразило единообразие в транспорте, архитектуре и одежде: это подтверждало давно доказанный тезис о том, что в обитаемых мирах, где применяются воздушные средства общения, имеет место всепланетная система с равномерным распределением материальных благ.

Разыскав место, где продают образцы

планетной растительности, Зига для разнообразия обратился не к продавцу, а к покупателю, несущему букет из трех стеблей с белыми ушами брамглюсака.

– Сколько вы заплатили за цветы? – спросил Зига.

– Пять рублей, – ответил тот.

Рубли были для Зиги таким же пустым звуком, как и копейки.

– А сколько времени можно прожить на пять рублей?

– Один день можно, – сказал абориген. – С грехом пополам.

Зига издал булькающий звук, выражающий у кастикусийцев крайнюю степень изумления. Однако информация была собрана, и перед глазами разведчика уже замаячил стакан безалкогольного коктейля «Жамбань», который можно отведать только на курортной планете, потому что вне ее магнитного поля коктейль распадался на атомарные составляющие. И через пять минут Зига направил свое блюдо точнехонько на Тиржи-Гарман-Жири.

Компьютер урчал, переваривая информацию, но Зига и без него уже прикинул: если взять за единицу отсчета цветы, то получается, что дневной прожиточный минимум жителя планеты составляет лишь ничтожную долю заработка. Вскоре компьютер подтвердил, что на Малой Желтой Клопа III самый высокий уровень жизни в обитаемой Вселенной, а материальные богатства планеты за каждый оборот вокруг светила увеличиваются примерно на четыре порядка.

Зига радовался, что открыл для Кастикусии достойного партнера по контакту, и четыре дня гулял напропалую. А на пятый день он предстал перед начальником разведгруппы.

– Младший офицер Локумби-ру-Зига, – процедил начальник, – вы знакомы с результатами вашего дублера?

Этот второй разведчик по имени Марумби-ку-Пига тоже применял метод двойного экономического вопроса, который Зига разболтал ему как-то за стаканом «Жамбани». И уже передал рапорт о том, что на Малой Желтой Клопа III невероятно низкий уровень жизни, то

есть настолько низкий, что даже компьютер удивился, как это тамошние жители ухитряются использовать воздушные средства сообщения.

Пи́га пришел к такому выводу после того, как спросил у аборигена в городе Одесса, какая часть дневного заработка уходит у него на гроздь бананов, а у аборигена в городе Гуаякиль – надолго ли хватает ему денег, вырученных за такую же гроздь.

После этой скандальной истории Зигу и Пи́гу перевели на ближние рейсы, начальник разведгруппы взял отпуск, а Малую Желтую Клопа III занесли под номером 386 в реестр миров с аномальными признаками, потому что кастикусийская звездная разведка не могла позволить себе роскошь дважды посылать десант на одну и ту же планету.

Хочешь получить умный ответ...

1986, № 6

Рукопись, затерявшаяся в архиве

Юрий БРАЙДЕР,
Николай ЧАДОВИЧ

Весьма срочно. Переслать с самым быстрым гонцом. За разглашение немедленная смерть без бальзамирования.

О великий, наделенный божественной мудростью, повелитель обоих миров, лучезарный владыка наш!

Сообщаю, что известное тебе изобретение «Способ передвижения речных и морских судов посредством использования энергии ветра» тщательно рассмотрено комиссией из представителей всех заинтересованных ведомств.

Проведенные в Финикийском море состязания между опытным экземпляром судна и гребным кораблем того же размера доказали полное преимущество последнего. Стоило только благоволению бога Шу замереть или изменить направление, как гребной корабль легко обгонял соперника. Кроме того, весла продемонстрировали повышенную надежность при маневрах, имитирующих таранный удар.

Комиссия пришла к выводу, что упомянутое выше изобретение не может быть внедрено по следующим причинам:

1. Принадлежащий нашему владыке флот, самый многочисленный и быстрый в мире, и без того справляется со своими задачами. Надо ли тратить средства на модернизацию того, что отвечает своему назначению как ныне, так и в обозримом будущем?

2. На производство ветряных корабельных двигателей (условное название «парус») потребуется невероятное много козьих шкур и льна лучших сортов, что повлечет за собой уменьшение посевных площадей под ячмень и фиги. Это грозит государству экономическими и, возможно, политическими трудностями. Гребцы же достаются нам даром, а на пропита-

ние им идет рыба, которую они сами и добывают.

3. Внушая необоснованные надежды на силы природы, подвластные одним только богам, «парус» подрывает сложившиеся этические и правовые нормы.

4. «Парус» демаскирует военные корабли, а к торговым привлекает внимание морских разбойников.

5. «Парус» вредно влияет на окружающую среду, поскольку отнимает у ветра энергию, предназначенную богами для иных нужд.

6. Совершенно неясно, как поступать с гребцами после широкомасштабного внедрения «паруса». Кардинальное решение этой проблемы потребует, надо полагать, увеличения штата Департамента палачей, и без того раздутого.

Учитывая изложенное, комиссия считает, что опытный экземпляр судна, движущегося энергией ветра, необходимо сжечь без промедления, а изобретателя, да не оскорбит его недостойное имя твоего божественного слуха, надлежит определить навечно гребцом в штрафной экипаж. Дабы он и в загробном мире не смущал нас своими безумными идеями, телесную оболочку после отделения души не балзамировать.

Живи вечно, о великий.

Начальник Департамента изобретений,
старший жрец ИНУФЕР, сын Снефу.

Исполнил: раб Тети.

Переписано в двух экземплярах.

Первый: в канцелярию фараона.

Второй: в дело.

Черновики уничтожены.

Ответственный: избавитель от земных забот

II категории Хухфор.

1987, № 12

Виртуальный герой, или Закон всемирного давления

Геннадий ПРАШКЕВИЧ

Глава седьмая

...Жена сварила кофе. Сделав первый глоток, всегда самый вкусный, Николай Владимирович попросил:

– Найди, пожалуйста, черный галстук. Сегодня у нас ученый совет.

– Совет? По Мельничуку? – Жена всегда была в курсе его дел. – Он и в самом деле изобрел что-то особенное?

– Не изобрел, – хмыкнул Николай Владимирович. – Открыл. Он так считает – открыл. И если Хозин с Довгайло поддержат Мельничука, я обязательно съезжу ему по роже.

– Правильно! – сказала жена. – Истину, даже научную, надо защищать. Ты только не увлекайся, милый. Ты же сам доктор наук. Одна, ну от силы две пощечины, этого вполне хватит. А что он открыл такое?

– Для начала закрыл. Он закрыл закон всемирного тяготения.

– А как же Ньютон? – взволновалась жена. – Про гравитацию написано во всех учебниках.

– Мельничука учебники не тревожат.

– Хорошо, но как тогда быть с этим? – Жена выпустила из рук чашку, осколки разлетелись по полу. – Отчего же она падает?

– Сила всемирного давления! Ясно? Так провозглашает профессор Мельничук.

– А по мне так все равно, – примириительно улыбнулась жена. – Как ни называть, чашка все равно разбивается. А что Мельничук требует за это?

– Почти ничего. Разве что заменить в учебниках имя Ньютона на свое собственное.

– Ты завидуешь, милый?

Николай Владимирович поперхнулся:

– Не сбивай меня с пути. Если ученый

совет выступит в защиту этого ниспровергателя классиков, я дам ему пощечину. Мельничук, Хозин, Довгайло... Тебе ли не знать, какие они демагоги.

– Хорошо, хорошо, вот твой галстук, – мягко сказала жена. – Прогуляйся. По липовой аллее до института дальше, но время у тебя есть. И не сворачивай на бульвар, где тополя, не то нос покраснеет. Не будешь же всем объяснять, что это аллергия.

Николай Владимирович и сам решил прогуляться. Неплохо бы, подумал он, заглянуть к Мишину. Усатый и рослый, с калькулятором, болтающимся на груди, Мишин поведет его к своему аппарату. «Еще денек, – скажет он, любовно поглаживая рыжую панель, – и мы услышим голос неба». Это был его пунктик: услышать, что там в небе.

За липовой аллеей тянулись дома. Верхние этажи казались непрорисованными, как и облака, катящиеся над головой. Эта недовершенность всегда волновала Николая Владимировича. Он глянул вправо: вчера с балкона ему помахала рукой симпатичная девочка. Но сегодня там прыгал нахальный мальчик, он показал Николаю Владимировичу язык. На углу, где вчера возился с мопедом знакомый механик с Опытного завода, стояла лошадь под седлом. Кто ее сюда привел?

Николай Владимирович наслаждался утренней тишиной. Он любил свой научный городок – искусственный городок, построенный при искусственном мире. Если бы только не внезапные изменения – то вдруг исчезал памятник, а на его месте появлялся пруд, то вместо молоденькой лаборантки оказывалась за микроскопом прокуренная мегера...

Но – изменения!

«Или я схожу с ума, – жаловался он Мишину, – или с нашим миром что-то творится».

«Выбирай второе, – советовал Мишин, скаля мощные зубы. Он любил Николая Владимировича. – Если Мельничук и его компания не выкинут меня из института, кое-что в картине мира я проясню».

Мишин собирался прослушивать не-

прорисованные участки неба, те участки, на которых нет ни одной звезды. «Там могут быть прорывы в параллельные миры, – утверждал он. – Может быть, мы лишь один из этих виртуальных миров. Ты вот считаешь, что Мельничук плохой, а на самом деле плох мир, поскольку мы не можем оказывать на него влияния».

Слова Мишина не приносили Николаю Владимировичу успокоения. В каком-то смысле они нравились ему еще меньше, чем наглость Мельничука...

Глава седьмая

...Варить кофе жена не стала.

– Вари сам, рохля! – Она уже была одета и не могла присесть. Это ее бесило. – Я трублЮ в отделе кадров десятый год, но я уже начальник отдела, а ты лишь так... кандидатишка. Ну почему тебе не поддержать профессора Мельничука? Ты же прочел его книгу, ее все прочли, даже я прочла. «Явления, отрицающие земное тяготение». Такой человек пойдет далеко, он дерзает, не зря его поддерживают Довгайло и Хозин. Зачем тебе идти против них?

– А зачем мне идти с ними?

– Ну да! – саркастически усмехнулась жена. – Ты желаешь шагать в ногу с Ньютоном. А кто тебе этот Ньютон? Он был англичанин и пэр, а Мельничук – наш!

Николай Владимирович очень не хотел, чтобы в пэры выбился Мельничук. Тогда сразу откроется, кто кого поддерживал в изнуряющей борьбе, а кто вызывал непростительную принципиальность.

Он шел по знакомой улице. Пух тополей витал в воздухе, только это и нарушало гармонию мира. Не хватало еще явиться на ученый совет с красным носом. И Мельничук, и Хозин, и Довгайло – все они знают, что он аллергик, но если цветом его носа заинтересуется комиссия, еще неизвестно, что они скажут.

Слева тянулись деревянные домики. Бабка растягивала меж столбов бельевую веревку. Мальчишка с крыши сарая показал Николаю Владимировичу язык.

Нет, затосковал Николай Владимирович, я бы предпочел, чтобы на балконе смеялась девочка. Забегу к Мишину, решил он. Мишин заносит его наблюдения в особую тетрадь. «Вчера, говоришь, шел мимо девятиэтажки, а на балконе смеялась девочка? Хорошо... А позавчера? Тоже дом, только кирпичный, в три этажа и со старухой в окне? Хорошо... А сегодня, говоришь, деревянные домики? И это хорошо! Только ты не пугайся, все живут, и никто не пугается. Ты не сходишь с ума, ты просто подтверждаешь мою теорию. Когда заработает наш аппарат, — он щедро приглашал друга в соавторы, — мир раскроет нам свое нутро. А на Мельничука плюнь. Он или Ньютон, какая разница?»

«То есть как — какая разница?» — понастоящему пугался Николай Владимирович...

Глава седьмая

...Жена сварила кофе.

— Давай никогда не ссориться, — предложила она. — Попробуй, как вкусно! Это настоящий кофе, его привезла из Нигерии жена Довгайло, они опять вместе ездили в командировку. Это ты не можешь оторваться от своих дурацких приборов. А тебя, между прочим, ценят. И Мельничук ценит, и Хозин, и Довгайло. Они говорят, что ты неплохой физик, только очень уж держишься за классическое наследие. Зачем тебе этот Ньютон? За Мельничука коллектив, Мельничук дерзкий. Ты смотри, — доверчиво сказала она, — я роняю чашку, и она разбивается. Может, ее притягивает Земля, а может, на нее давит какая-то сила. Зря вы там шумите со своим Мишиным. Ты покайся, Колька. Прямо на совете и покайся.

Николай Владимирович нервно заметил:

— Не все дерзкое является истиной.

— Дирекции виднее, — строго сказала жена. — Я не первый год в секретаршах Мельничука. Он тебя ценит, только, говорит, ты находишься под дурным влиянием Мишина, который задумал что-то подслушать.

— Бред, киска! — Николай Владимиро-

вич улыбнулся через силу. — Где моя кожаная куртка? Через час ученый совет, а я тут болтаю с тобой о всякой чепухе. И запомни, киска, — сказал он строго, — я был и остаюсь на стороне Ньютона!

— У Ньютона был отдельный дом, — всхлинула жена. — Я видела на картинах. У него был дом и еще сад, а в саду росли яблони.

— У нас тоже все будет.

— Только ты не заходи к Мишину! Он звонит и спрашивает — как дела? Я говорю — как и вчера. А он каркает: так не бывает! Зачем он так говорит?

Николай Владимирович вышел на улицу. Он любил свой городок. Торговый ряд, детские ясли, слева новая девятиэтажка. Сосны, несколько лип. Если поторопиться, он успеет забежать к Мишину.

Николай Владимирович пересек неширокую площадь, показал язык старушке, застывшей в окне, кивнул головой знакомому автолюбителю, копавшемуся в «Жигулях». Мчались мимо машины, размазанные, как на киноплёнке, плыли над головой неопределенные облака. Нормальный живой мир. В таком мире есть смысл бороться за неизбежность законов природы.

По узким коридорам подвального помещения Николай Владимирович добрался до мощных двойных дверей с хитрым глазком.

— Вы тут чего? — спросил он рабочих, столпившихся у дверей.

— Нас Мельничук послал — аппарат выносить. Он же не по профилю, этот аппарат, а энергии жрет будь здоров!

Николай Владимирович постучал в дверь.

— Не открою! — сварливо отозвался Мишин. — Сказано вам, приходите после обеда. сам все вынесу.

— Это я, — сказал Николай Владимирович. Дверь приоткрылась и сразу же хлопнулась за ним.

Мишин потирал руки. Дьявольская конструкция поднималась до самого потолка.

— Может, вынести все это? — пожалел Мишина Николай Владимирович. — Я бы помог. Мельничуку доложат, он даст мне лабораторию, я тебя возьму к себе.

В дверь сильно постучали.

– Ох, отключат ток, – сказал Мишин и заторопился, полез к решетчатому пульту, потянул на себя какую-то рукоять. Из двух колонок, разнесенных по углам, пробились, наполнили лабораторию странные звуки. Интересно, куда она направил антенну, в какой из непрорисованных участков неба?

– Слушай! – Мишин вцепился в его плечо.

И они услышали. Голоса были такими далекими, будто доносились из невообразимо глухих областей Вселенной.

– Неплохо... – услышали они. – Совсем неплохо...

.....

– Неплохо... Совсем неплохо... – сказал редактор. – Седьмая глава начала, наконец, оформляться. Герой оживает. Ему бы еще решительности!

– В первом варианте он был решителен, – робко заметил автор.

– В первом варианте он был драчлив, – возразил редактор. – Кстати, зачем ему такое громоздкое имя? Возьмем что-нибудь покороче. Скажем, Илья. Или Петр... Петр Ильич! Принято? И еще – что за странная идея подслушивать небо? Не спорю, время требует от нас остро ставить вопросы, но до какого-то предела, верно? Подслушивать небо... Так мы далеко зайдем.

Он потрепал автора по плечу:

– Поработайте над главой еще. Что-то от первого варианта, что-то от остальных. Синтез – вот на чем стоит искусство...

Глава седьмая

...Жена сварила кофе.

– Я хочу чаю, – попросил Петр Ильич. – Через час ученый совет, а кофе действует на меня раздражающе. Мне не следует торопиться. Может, в рассуждениях профессора Мельничука и впрямь есть что-то такое... Надо присмотреться, послушать разных людей. Ньютон никуда не денется.

– Я сейчас заварю чай, – мягко сказала жена. – А ты на совете требуй лабораторию. Ты же сам говоришь, в рассу-

ждениях Мельничука что-то есть, так поддержи его. Жена Довгайло говорила мне, что Мельничук очень не любит спорщиков.

– Буду молчать, дорогая, – торжественно пообещал Петр Ильич. – Буду нем как рыба. Мельничук или Ньютон... Ты права, сейчас главное – получить лабораторию.

– У нас два часа в запасе, – потупилась жена.

– Я погуляю. – Петр Ильич был человеком с характером. – Я загляну к Мишину. Он что-то обалдел с этим своим аппаратом. Подслушивать небо... Этак мы далеко зайдем!

1988, № 2

КРАЙНЕ
СЕРЬЕЗНАЯ ФАНТАСТИКА

Встреча

Виталий БАБЕНКО

I

«Изготовленный в Йемене заводским способом опытный образец буя, стойкого к воздействию окружающей среды и работающего на атомной энергии... косить... Том... гарантировано... огнестрельная боевая техника... в случае аварии буя ядерные подрывные средства... поправка часов 21... блестящий выход на цель... большой приз... зрительная сигнализация... точная копия... 5 сверху... комитет вооружений... сторожевой корабль 914 Северный Йемен 923... средства связи работают в режиме «только передача»... ядерный взрыв в воздухе... несомоходный беспалубный лихтер... главная действующая база... курс корабля 38... «местоположение сомнительно»... Британская европейская авиатранспортная компания... наблюдатель № 15 угандийской зоны... «хабла»... настроения предательские... атомный потенциал... радиотехническая разведка... О».

Я читал и перечитывал эту ахиною, тонкими зелеными штрихами написанную на индикаторе компа, и ничего не понимал. Два часа я бился над шифрограммой, нашел ключ, даже два ключа, – и все впустую. Получалась какая-то чушь, не лишенная, впрочем, известного смысла.

Судя по расшифровке, речь шла о морских операциях, вероятно, с применением ядерного оружия, в водах, омывающих Аравийский полуостров. Еще здесь как-то была замешана Уганда. И почему-то британская авиакомпания. И конечно, комитет вооружений – законспирированная «лож», представители которой неизменно ускользали от нас.

Другой вариант: декодирование пошло по ложному пути, и тогда передо мной абсолютная абракадабра. Нет, вряд ли. В Йемене, в частности на Сокотре, действительно собирали опытный образец экологического буя с атомной энергоустановкой. Этот буй только называется экологическим, на самом деле контроль над его производством установлен нашим Комитетом. Когда мы запустим серию и сбросаем такие буи по океанам, любая активность военного характера во всех средах неизбежно попадает в поле зрения.

Но что такое «хабла»? И перевести mood rat как «предательские настроения» можно лишь с большой натяжкой. Ну какой из меня дешифровщик? Краткий курс декодирования, который я прошел за неделю до вылета на аукционы, да юношеское увлечение числами Фибоначчи – вот все, что у меня в активе. Плюс, разумеется, компьютер с ридаром – без этих приборов я вообще не получил бы в руки шифрограмму. А в пассиве – нехватка времени, слабое знание американского военного слэнга и напряжение, в котором приходится работать. Не хватало еще, чтобы Олав засек, чем я занимаюсь, спокойно сидя в кресле «Стратопорта». Ужасно нервирует неуверенность: нет, нет у меня гарантии, что криптограмма декодирована однозначно!

Я стер с индикатора русский вариант и вызвал из памяти компа английский текст.

«Prefab Yemen AE PEB mow
Tom garand FE buoy EMG
ADM WE U wow T kudo
VS do e IE MB DE iad N YEM
ibc SO AB YC MOB shch
PD BEA O ae UG Z habla
mood rat APOT ER O».

Однозначности – никакой. Правда, первая строчка ясна, за исключением последнего слова mow – «косить». Зато для четвертой строки запрашивается совершенно иное прочтение: VS – «противолодочная эскадрилья»... do – «дело» (в смысле – бой)... e – по порядку в алфавите цифра 5, оценка обстановки по данным разведки... бомбардировщик-ракетоносец... противолодочный корабль... iad – 914... N YEM – «Северный Йемен...» Тоже, конечно, чушь, но какой-то смысл во всем этом обязательно есть.

В пятой строчке и дальше – опять сплошные разночтения. SO может обозначать и «только передача», и «особое распоряжение, специальный приказ», а «воздушный ядерный взрыв» (AB) способен обернуться «авиационной базой». Shch я перевел как «курс корабля 38», произвольно заменив буквенные обозначения цифровыми, а ведь это вполне может быть английской передачей русского «щ», и тогда дело принимает совсем оригинальный оборот: моя фамилия Щукин. Впрочем, с той же вероятностью эти четыре буквы означают ship's heading Channel, то есть «курс корабля – Ла-Манш».

Наконец, последние строки. UG – это Уганда; кажется, ничего здесь больше не придумаешь. Но Z habla можно расшифровать как «зона 812 – пусковой район», тогда дальше: «главный боевой приказ 4... ракета-торпеда... ядерный снаряд... радиотехническая разведка... O». В этом варианте текст тоже заканчивается буквой O, и это безусловно означает «Олав» или «Ольсен». Вот он сидит впереди, в пятом ряду, – Олав Ольсен, мой старый знакомый и одновременно незнакомец. Его золотая шевелюра, совершенно не тронутая сединой, видна из любой точки салона. В Ольсене – ровно два метра, все самолетные кресла для него малы.

Итак, O – это Олав. На всякий случай у меня есть запасной вариант расшифровки, в котором сокращение имени информанта отсутствует: «LA mood RA TA PO Ter o». Что означает: «пусковая зона... тональность... разведывательный самолет (или, может быть, радиус действия)... район цели... территория первоочередного наступательного удара – 15...» Можно расшифровать и совсем коротко – бред!

Два часа назад я взялся за дело с воодушевлением. Казалось бы, в чем проблема? У меня мощный карманный компьютер, задача имеет решение, значит, я его получу. Раз, два, и готово. Я догадываюсь, что от двоичного кода надо перейти к четверичному. Еще усилие – и я раскалываю главный орешек: меня осеняет, почему матрица имеет такую странную форму – прямоугольную и с «хвостом». А потом – тупик. Я безнадежно погряз в военных аббревиатурах.

Между тем времени осталось немного – до Нассау всего два часа. «Стратопорт» уверенно несет меня к цели и крадет минуту за минутой. Сейчас от нас отрываются челноки, идущие на Филадельфию, Балтимор и Вашингтон, а через несколько минут мы примем ричмондские и норфолкские челноки.

Проклятые аббревиатуры. Как же они навязли в зубах! Последние полчаса я не могу отделаться от мысли, что теперь мне никогда не придется говорить нормальным «несекретным» языком, во всем будет мерещиться тайный смысл.

«М ойдя ДЯС а мы ХЧЕ стн ЫХПР ав ИЛ...»

...Золотая копна над креслом в пятом ряду начинает шевелиться. Очевидно, Олав решил встать. Интересно, в каком кармане пиджака он держит компьютер – в наружном или внутреннем? То, что Ольсен где-то распрощался со своим чемоданом, я заметил давно.

Я выключаю комп, прячу его во внутренний карман пиджака, откидываюсь на спинку сиденья и закрываю глаза. Делаю вид, что закрываю. Надо расслабиться и переключиться с криптограммы на что-то другое...

II

Я вспомнил аукцион в Рейкьявике – первую распродажу военной техники, на которой мне довелось побывать. Аукцион был всего три дня назад, а память уже отнесла это событие в далекое прошлое. Я запутался в часовых поясах, мне все время хотелось спать, и лишь лошадиные дозы кофе – а я его не люблю, предпочитаю крепкий чай – держали меня в форме. Сердце реагировало на кофе учащенным биением, и мне это не нравилось.

Аукцион проходил в гостинице «Борг». Народу было немного: около двадцати представителей военных ведомств Северной Америки и Европы, примерно столько же официальных покупателей, представлявших международные организации, и около пятидесяти экспертов Комитета по разоружению, в число которых входил и я. К моему удивлению, пресс-группа оказалась куда как скромной. Впрочем, чему удивляться? Аукцион только для меня был в новинку, а вообще систему наладили давно. Первые торги действительно собирали огромные толпы видеорепортеров и газетчиков. А теперь военные распродажи катились по накатанной колее и не сулили никаких неожиданностей.

Рейкьявикский торг отличался от всех предыдущих. Впервые с аукциона шла атомная ракетная подводная лодка системы «Трайидент». На нее претендовали три покупателя – Международный центр эксплуатации океанов (солидная фирма, я бывал у них в штаб-квартире, во французском городе Сен-Назар), Международный институт прикладного системного анализа (зачем им понадобилась лодка – ума не приложу, ведь Лаксенберг, где расположен институт, сугубо континентальный городок, спутник Вены) и Международная комиссия по новым и возобновляемым источникам энергии, базирующаяся в Дар-эс-Саламе. ВМС США, продавец лодки, заломил астрономическую цену, по меньшей мере вдвое выше истинной (притом без вооружения – ракеты «Трайидент-2» продаются на отдельном аукционе). Торг шел вяло, и я не чаял дожидаться его окончания.

Особенность таких аукционов в том, что итоги сделки остаются в секрете. О них знают лишь продавец и покупатель. Исключение делается только для узкого круга экспертов КОМРАЗа – Комитета по разоружению. Представителей прессы к подобной информации не допускают. Мировая печать, телевидение и радиовещание знают только, что такой-то объект продан, он вышел из рук военного ведомства и поступил в распоряжение Сообщества наций. А куда именно он попал, в какой комитет, центр, комиссию или институт, – это уже тайна. В мире есть много сил, противодействующих разоружению, и пути перемещения военной техники, пусть даже и распотрошенной, не должны быть известны всем и каждому.

Кстати, я эксперт из отдела безопасности КОМРАЗа. Моя задача – не допустить огласки.

Продажа подводной лодки обещала затянуться на несколько недель, зато остальная программа аукциона была выполнена поразительно быстро, буквально за день. МАГАТЭ – в лице его сенегальского представителя – довольно дешево купило нейтронную начинку тридцати противоракет «Спринт» системы «Сэйфгард». А Международное управление по вопросам солнечной энергии приобрело десять

бомбардировщиков B-52G. Их должны были перебросить из штата Нью-Йорк на остров Святой Елены. Там, близ Джеймстауна, создан специальный производственный центр по переоборудованию самолетов стратегической авиации для использования в мирных целях. Наконец, лозаннское подразделение ИЮПАК – Международного союза теоретической и прикладной химии – закупило – страшно представить! – два миллиона литров зарина и VX; эти американские запасы боевых отравляющих веществ хранятся в западногерманском городе Фишбахе. Не знаю уж, как в Лозанне собираются справляться с этими нервно-паралитическими газами, но что-то они придумали. Наверное, есть способ превратить их в неядовитые соединения и пустить в какой-нибудь синтез. Не будет же ИЮПАК выбрасывать деньги на ветер.

Эти сделки быстро закончились, я проследил за режимом секретности и уже вечером мог сесть на челнок Рейкьявик – «Стратопорт». Следующим пунктом в моей программе значился Галифакс, а финиш турне намечался на Багамах.

Люди, которых я увидел в Рейкьявике, остались бы калейдоскопом лиц, если бы не Олав. Крупные черты, может быть, некоторая одутловатость, если бы не гибкость мимики, отличающая прекрасного актера, – это лицо выделялось на общем фоне. В моем сознании прозвенел сигнал тревоги, и цепочка вопросов замкнулась в круг, из которого я уже второй день ищу выход.

Что здесь делает Олав? Кого представляет? Какова его цель? Аукцион? Тогда какая сделка? Или кто-то из присутствующих? Кто – продавцы или покупатели? Или эксперты? Или я сам? Вероятно ли, чтобы Ольсена приставили ко мне?

А если мы встретились случайно – узнал ли он меня? Плохо, если узнал. Поскольку Олав здесь наверняка по спецзаданию и о моей роли он должен догадываться, то, надо полагать, он попытается вывести меня из игры. Где и когда?

Хотя, может быть, он меня не засек... Все-таки со времени нашего знакомства прошло восемнадцать лет. Нет, надежда на забывчивость – это из области иллюзий. Последние пять лет, что я работаю в КОМРАЗе, Олав не раз проходил по ориентировкам. Как же – Олав Ольсен, независимый шведский журналист, автор сенсационных публикаций, связанных с делами об отравлениях и ядовитых выбросах в атмосферу (это – информация для широкого читателя). И он же – кадровый офицер ЦРУ, профессионал высокого класса, крупнейший знаток лучевого оружия (а это – для посвященных). Но о том, что Ольсен должен быть на рейкьявикском аукционе, я не знал.

А может, и я проходил по ориентировкам, с которыми знакомили спецов в его, Ольсена, фирме? И мой прилет в Исландию они тоже упустили?

В любом случае, по лицу Олава я не угадаю ничего. Я ни в коем случае не должен узнавать его первым. Что бы ни произошло. До той поры, пока я не пойму, зачем он прилетел в Исландию.

III

С Олавом я познакомился в Югославии в 1978 году. Тогда я работал экспертом-токсикологом и был командирован на симпозиум по судебной экспертизе. Он проходил в очаровательном месте под названием Макарска Ривьера.

Три дня мы жили в роскошной гостинице в местечке Тучепи, обсуждали свои профессиональные проблемы и наслаждались видами Адриатики. Погода, впрочем, нас не радовала. С прибрежных гор налетала не по сезону яростная бора, вода в море была ледяной, и купались с риском для здоровья лишь редкие смельчаки. Вдобавок ко всему тучи ходили кругами над неправдоподобно зеленым, малахитовым морем и регулярно проливались дождями точно над курортными поселками. По ночам в море били молнии и землю трясло. Год был сейсмический.

На третий день я отправился пешком в городок Макарска. Тут-то и нагнал меня шведский журналист, огромный рост и отменную физическую силу которого я отметил еще на открытии симпозиума. Потом мы виделись на заседаниях, но познакомиться так и не удалось.

Олав Ольсен – так он представился – тоже направлялся в Макарска. На вид он выглядел моим ровесником, лет 28-30, не больше. Его английский, вернее американский, был совершенно чистый, с той долей неправильности, которая отличает человека, говорящего на родном языке, от способного к языкам иностранца.

В Макарска мы зашли в музей морской фауны, купили высушенных морских ежей и звезд, потом стояли на пирсе и долго ворчали по поводу радужных разводов нефти, видневшихся на акватории маленького порта. В Тучепи мы вернулись добрыми знакомыми. И почти всю ночь сидели в номере, который занимали Олав и его жена Мерта. Олав рассказывал, какую реакцию в Швеции вызвал его материал о выбросе в атмосферу диоксида при взрыве в Амстердаме на заводе «Филиппс – Дюфар» в 1963 году. Статья его была напечатана через много лет после аварии, но молодой Ольсен был талантлив. Потом он писал о трагедии Севезо, об утечке нервно-паралитического газа на Дагэйтском полигоне в Скалистых горах... Этот шведский журналист оказался симпатичным парнем.

Много позже, когда я перешел на другую работу, я узнал, что Олав Ольсен такой же швед, как я китаец. Терри Лейтон – так его звали на самом деле. А хрупкая изящная женщина с чистыми глазами, которая сопровождала его в путешествиях, была действительно шведкой. Она разъезжала под собственным именем, и никаких супружеских уз между ней и Ольсеном не существовало. Мерта Эдельгрэн была на четыре года старше нас с Олавом, ее стаж в ЦРУ уже тогда насчитывал десять лет.

Той ночью в гостинице «Тучепи» Олав Ольсен рассказывал мне, советскому эксперту, о бесчеловечном производстве отравляющих веществ в США и странах НАТО, о варварском и циничном химическом оружии: мол, у современных реагентов нет ни цвета, ни запаха, и они могут «незаметно» скосить миллионы людей, поставив планету на край экологической катастрофы. А за две недели до симпозиума (это я тоже узнал гораздо позже) специалист по лучевому оружию Терри Лейтон присутствовал на секретном совещании в Ливерморе близ Сан-Франциско, где речь шла о первых шагах по реализации программы «Эскалибур» – создании космических рентгеновских лазеров, которые способны нанести лучевые удары по Советскому Союзу.

До сих пор не знаю, для чего Олав Ольсен приезжал той весной в Югославию. Скорее всего особой цели не было, просто представилась возможность отдохнуть на Адриатике под маской шведского журналиста.

Через пять лет я попал во Вьетнам, на Международный симпозиум по изучению последствий применения токсических веществ на организм человека и окружающую среду. Это было в Хошимине, в январе восемьдесят третьего. На улице Во Ван Тан была открыта выставка. Я разглядывал гранатометы, касетные химические бомбы, приспособленные для разбрасывания отравляющих веществ, самоходные бронированные машины, на которых были смонтированы распылители. В залах висели фотографии: изуродованные люди, уничтоженные леса, жуткие раны земли...

Вывод, к которому пришли на симпозиуме крупнейшие специалисты, я помню наизусть: «Операция «Рэнч хэнд» была по существу химической войной с использованием гербицидов в широких масштабах в пространстве и времени, первым массированным их применением в истории войн. Она совершенно отличалась от взрывов или несчастных случаев на химических заводах».

Потом я был в госпитале «Тызу». В светлых палатах лежали дети, у которых война отняла возможность ходить в школу, играть со сверстниками, познавать

мир. Эти дети не знали войны. Военные, жившие в другом полушарии, отрабатывали на их родителях действие агентов с цветными названиями – «оранжевый», «белый», «голубой»... За этими безобидными обозначениями стояли 2,4-D и 2,4,5-T, пиклорам и какодиловая кислота, – стойкие высокотоксичные яды.

Я вышел на галерею, идущую по второму этажу госпиталя, и, прислонившись к резной укосине, бессмысленно разглядывал двор. Внезапно сердце у меня екнуло. По двору шел двухметроворостый мужчина с золотистой копной волос. Олав! Что он здесь делает?

Я навел справки. Ольсена тоже интересовали последствия применения токсических веществ. По некоторым параметрам ОВ и лучевое оружие действуют сходным образом... Эксперт Терри Лейтон изучал опыт своих коллег.

Я постарался не столкнуться с Олавом. На улицах Хошимина и в залах заседаний мы не встречались. Кажется, Ольсен так и не узнал о моем пребывании во Вьетнаме. Хотя, когда имеешь дело с профессионалом, в таких вещах нельзя быть уверенным.

IV

Тринадцать лет прошло с той встречи. Нам с Олавом уже по сорок шесть. Он не потерял прежней стати. Такой же красавец, силач, великан. Очень опасный. Смертельно опасный...

Впрочем, и я не терял эти годы даром – набирал свой опыт.

Когда при ООН стали создавать сеть национальных комиссий, призванных подготовить Международный комитет по разоружению, я сразу попросился туда. На удивление быстро прошел формальности, и в конце 1989 года мне вручили удостоверение эксперта по безопасности Советской подготовительной комиссии. Почему по безопасности, а не по токсикологии? Да по той простой причине, что безопасность подразумевает умение обезвреживать не только агентов противника, но и взрывчатые и химические агенты... Химики, особенно токсикологи, были в отделе безопасности нарасхват.

Спустя два года был, наконец, утвержден статус Комитета по разоружению, и... С тех пор я не знаю ни отпусков, ни выходных. Дни замелькали с сумасшедшей скоростью, словно меня раскрутили в стеклянной центрифуге. Десятки, сотни встреч, совещаний, коллегий – на разных уровнях, в разных климатических зонах и часовых поясах. Не проходило дня, чтобы КОМРАЗ не встречал активного противодействия со стороны тех, кому от слова «разоружение» сводило скулы.

Идея аукционов родилась быстро. Этот ход ни у кого не вызвал возражений: уж если в вооружение вложены колоссальные средства, то почему бы их не возместить хотя бы частично? Но только при условии, что купленная военная техника пойдет на мирные нужды. Разговор о разоружении переводился на экономические рельсы, и это была, пожалуй, та самая платформа, на которой могли сойтись государства с разными социально-политическими системами. В начале 90-х годов самым популярным подразделением ООН оказалась ЮНЕДО – Организация экономики разоружения. Она просуществовала лишь три года, но сделала огромное дело: запустила механизм аукционов.

Кто вправе купить военную технику? Только международный орган мирного характера, действующий под контролем КОМРАЗа. А на какие средства он мог приобрести бывшее вооружение? На международные... То-то и оно. Соединенные Штаты нашли уязвимое место в системе и постарались поставить под свой контроль работу ЮНЕДО.

Покупатели должны были получать ежегодные субсидии от всех государств планеты. Казалось бы, самое разумное решение – пропорциональный вклад всех

народов. Однако госсекретарь США выступил с предложением о паритетном вкладе всех держав, и дело сразу зашло в тупик. Целых два года мы ломались в эту стену, пока не проломили ее. Американцы со скрипом согласились на советское предложение о «квотах на мир». Дело шло к тому, что каждая страна будет ежегодно отчислять в фонды международных невоенных организаций – тех самых покупателей – четыре процента ВВП, валового национального продукта. Бах! – снова шлагбаум. Американцы подсчитывают ВВП не так, как мы, и в ясном, казалось бы, вопросе о квотах воцаряется неразбериха. Еще три года нас засасывает трясина политико-экономического крючкотворства.

Этот барьер мы тоже взяли. Торги идут по всему миру. Государства потихоньку избавляются от вооружений, а в международные научные организации поступает высокоточная электроника, химическое сырье, лазерная техника, транспортные средства, приборы связи и локации, расцепляющиеся материалы – и так далее.

V

Я снова бросил взгляд на индикатор компа: «...habla mood rat APOT E O». Чертовщина какая-то!

Оторвал взгляд от экрана и посмотрел вперед. Головы Олава не видно. Я заерзал, как человек, который долго дремал в неудобной позе, встал, помассировал якобы затекшую шею, покрутил головой. Олава нет нигде.

На мгновенье я зафиксировал взгляд на Володе Фалееве, сидевшем в одиннадцатом ряду. Володя из-за полуприкрытых век смотрел на меня. Я отрицательно качнул головой – совсем незаметно, не движение даже, а намек, – чуть-чуть пожал плечами. Володя должен понять: задачка не поддается решению, об Олаве никаких новостей, информация наших канадских связников о том, что режим секретности аукционов нарушается, пока не подтвердилась.

У нас с Володей контакт почти телепатический. Знаем друг друга с университета, с первого курса. Потом наши пути разошлись: Фалеева пригласили во Всемирную организацию здравоохранения, он отдал ей двадцать лет. Володя проводил за рубежом по два, по три года, я терял его из виду, но потом мы неизменно встречались, и дружба наша не угасала.

В КОМРАЗе Володя, как и я, с первых дней. Эта далеко не первое наше общее задание. Ни одна живая душа на «Стратопорте» не должна знать, что между нами есть какая-то связь. Я понятия не имею, откуда Фалеев прилетел на «Стратопорт». Когда челночный самолет доставил меня из Галифакса на борт крейсера, Володя был уже там. Мы молниеносно обменялись условными знаками, и каждому стало чуточку легче: Фалеев узнал, что я располагаю криптограммой и надеюсь вот-вот разгадать ее; я же выяснил, что пока на крейсере «чужих» нет, а если и появятся, то Володя обеспечит прикрытие.

На моем челноке Олава не было. Но через полчаса после того, как я занял свое место в левом салоне крыла А, в проходе возник Олав. Похоже, он примчался из Галифакса в Массачусетс и успел на бостонский рейс. Я тут же показал Ольсена Володе и, как только Олав уселся в кресло, снова вызвал на экран компа проклятую матрицу.

```
01011010110110011110110101010111
10111110101101101111101110110110
11010101111011011010101111101111
01111011011011101101101111010110
01101101010101110111011110111110
11110111101111011110011010101101
11010110101101101010010110011101
```

1101111101010101101111011100110
11111001010111011011100111101110
01011011011110111110100101010110
01101010111110110101010111100110
11101101010110101101011001101101
0101110101010110111110111111011
01110111011111011111101101011110
1101010101011110111110111110101
10111011101110110111101011011011
01101011111110101010111110011011
10011101011011111011111011101111
01101010111110101110111101110111
11100111101001101010101110101011
10111010101011111001111110111001
11101111110110111011011110111111
11111110111001011010110111010101
101001

...Итак, я стоял возле своего кресла, искал глазами Олава и проклинал свою некомпетентность в дешифровальном деле. Володя по-прежнему сидел в своем кресле, не меняя позы, но что-то в его облике изменилось. Наклон головы тот же, глаза, как и раньше, полуприкрыты, шея расслаблена. Рука на подлокотнике! Средний и указательный пальцы были скрещены: это означало опасность.

Я намеренно неуклюже повернулся всем телом. Над креслом пятого ряда снова светила золотая шевелюра. Куда исчезал Олав? И как он исчезал? Что при этом делал? Устроиться поглубже он бы не рискнул – знал, что это меня насторожит. Значит, ему очень нужно было исчезнуть, а потом возникнуть на прежнем месте как ни в чем не бывало. Мог ли он наклониться за какой-нибудь упавшей вещичкой, извернуться и, припав к полу, наблюдать за мной в просвет между креслами? Мог. А зачем это ему? Чтобы засечь моего партнера? Но для этого надо знать, что у меня есть партнер...

Ну, ладно. Раз я встал, значит, надо что-то делать. Например, размять ноги. С беспечным видом я направился к выходу из салона. Побывать одному. Прогуляться по «Стратопорту». Эти крейсера настолько громадны, что рано или поздно найдешь уголок, где еще ни разу не был.

«Стратопорты» поднялись в воздух года четыре назад. Сколько же было возни вокруг пустякового вопроса: как назвать эти гиганты? Проекты были международными, и лингвистический спор принял глобальный размах. В сущности, что такое «Стратопорт»? Это огромное «летающее крыло», беспосадочно кружащее по замкнутому маршруту, который проложен над столицами и крупными городами.

«Стратопорты» летают по пяти маршрутам. Я бывал на трех: на Североатлантическом (тут я сейчас), на Индоокеанском и Северо-Западном. На южных летать не приходилось. Впрочем, «Стратопорты» на всех маршрутах типовые. Каждый – это четыре самостоятельных крыла, обозначаемых литерами А, В, С и D, восемь пар мощнейших двигателей и четыре дока для швартовки челноков, с которых на «Стратопорт» поступают пассажиры, грузы и топливо. Сам он сесть на землю не может: слишком тяжел и громоздок. Он способен лишь приводниться, и то с известным риском. Но в случае необходимости крейсер может разломиться на четыре части, и тогда каждое крыло ведет себя как тяжеловесный, но вполне маневренный самолет. Крыло делится на три салона: в левом и правом по 132 места, в центральном – 96; таким образом, полная загрузка «Стратопорта» – 1440 пассажиров. Я, правда, еще ни разу не видел битком набитого крейсера...

Зачем я держу в голове все эти данные? В любую секунду можно нажать кнопку на подлокотнике, и вежливый баритон сообщит через наушники все, что требуется. В конце концов, можно позвать стюардессу, и она расскажет то же самое. Но – такая уж работа. Я обязан знать все о тех транспортных средствах, которыми мне придется пользоваться.

VI

Я постоял на причальной галерее своего крыла и полюбовался, как швартуется челнок. Судя по номеру на фюзеляже, это был корабль из Ричмонда. Его нос точно вошел в приемный конус, сработал вакуумный захват, пилот выпустил причальные штанги, их обхватили мягкие клешни швартовочного узла, и к люкам прибывшего челнока потянулись надувные шлюзы. Пять минут на высадку, пять – на погрузку. За это время челнок уносится на сто сорок километров от точки, где он встретился со «Стратопортом».

На галерее больше делать было нечего, и я отправился по салонам. Люди любят путешествовать, вдруг да встретишь знакомого.

Я начал обход с дальнего конца «Стратопорта». Во всех салонах крыла D – ни одного знакомого лица. Крыло С – тоже чисто. Крыло В... Я уже приближался к кормовому выходу из левого салона, как вдруг чей-то быстрый взгляд почти остановил меня. Сбавив самую малость прогулочный темп, я окинул взглядом три места с правой стороны прохода.

Точеная женская фигурка. Модные миткалевые штаны (язык не поворачивается назвать этот бесформенный предмет брюками), замшевая доломанка с набивными плечиками, длинные льняные волосы перехвачены шнурком. На вид пассажирке лет тридцать пять – сорок. Безразлично смотрит в имитатор. Боже мой, хрупкая женщина с чистыми глазами! Мерта... «Жена» Ольсена все такая же, как в далеком семьдесят восьмом, ну разве что чуточку повзрослела, этакая независимая вечная студентка. А ведь Мерте в этом году – ровно пятьдесят. Медицина...

Итак, что мы имеем? На «Стратопорте», следующем по маршруту, который соединяет города аукционов, встречаются – конечно же, случайно – два эксперта по безопасности из КОМРАЗа и два зубра ЦРУ. Или больше. Это я в лицо знаю двух, а сколько их на самом деле?

Ладно, пока будем думать о моих. За кем они охотятся? За мной, за Володей, за кем-нибудь из покупателей? Доживем – увидим. Сейчас задача номер один – криптограмма. Отдохнул, пора снова браться за шифровку.

Я вышел в тамбур, пересек причальную галерею, замедлил шаг и спокойно вошел в свой салон.

Первый взгляд – в сторону Олава. На месте. Золотая копна над спиной кресла. Второй взгляд – на Володю. Какая-то странная поза. Странная для Володи. «Стратопорт» потряхивало, я шел неровно, опираясь на спинки кресел слева и справа. Это и спасло меня от «засечки».

В двух шагах от Володи я понял, что он мертв.

VII

Сердце – бух! Потом – бух! Бух! Пауза. Бух!! Экстрасистола. Еще одна. Сейчас потемнеет в глазах, и... Нет. Живу. Мотор работает.

Так. Володя мертв. Продолжаю идти. Надо идти как ни в чем не бывало. Те, кто за мной наблюдает, – а за мной наблюдают, и не один Олав, – не должны догадаться о нашей связи с Володей. Даже если они знают о ней, мне нельзя проявить ее.

Таким вот образом. Пассажир, занимающий место 11-D, просто спит. А еще один пассажир спокойно идет к своему месту 9-B. И его немного пошатывает. По-

тому что «Стратопорт» трясет. И ничего не случилось. Только тот, кто в кресле, не спит, а убит.

Откуда я это знаю? Володя никак не прореагировал на мое приближение. И еще есть признаки. Всегда найдутся признаки, по которым опытный глаз определит смерть. Глаз у меня опытный. Слишком даже. Я видел много мертвых тел. Слишком много для нормального человека. А кто сказал, что я нормальный? Разве это нормально – ковылять по проходу мимо своего друга, убитого несколько минут назад?!

Снова пульс зашкалило. Ничего, иду. Вот только от пота мокрый – хоть выжимай. Тот, кто за мной наблюдает, обязательно отметит: Шукин идет мимо трупa Фалеева весь в поту. А что поделаешь? Пот – вещь неподконтрольная, его не победишь никакой тренировкой.

Бедный ты мой парень! Наверное, и пальцем пошевелить не успел. Господи, Володя, это тебя-то! Я лишь раз видел тебя в неогневом бою – то было зрелище.

...Вашингтон. Мы шли из Агентства по охране окружающей среды в свою гостиницу, нам забронировали места в «Чэннел», и вдруг на углу Шестой и авеню Мэн, прямо перед «Ареной», – пятеро крепких ребят с цепями и ядрами. Есть такое развлечение у тамошней «золотой» молодежи – носить на шнурке, привязанном к локтю, полуторафунтовое ядро. Вам мило пуляют ядром в лоб, и вы долго – очень долго – ничего не помните. Если, конечно, остаетесь живы.

Дальше все было быстро. Володя крикнул: «Саша, возьми рыжего!» Я нырнул вбок, в прыжке нанес рыжему удар носком левой ноги, перенес тяжесть на эту же ногу, чтобы пяткой правой врезать ближайшему молодцу в зубы, и... мой каблук встретил пустоту. Я еле удержался. Три человека, не считая рыжего, лежали на асфальте, тонко и жалобно воя. Последний из нападавших сидел на корточках, подпирая штангу уличного светильника, и беззвучно плакал, хватая ртом воздух.

Нечто подобное я видел только раз в жизни, и то в кино: в фильме Акира Куросавы «Красная борода». Примерно такими же приемами Тосиро Мифунэ в образе врача Ниидэ учил уму-разуму подонков. На экране все это было несколько растянуто, Володя же управился за три секунды. Где он этому научился, Фалеев мне так и не сказал.

– Занятный кистень, – Володя с интересом разглядел оружие, захваченное в бою, и сунул ядро в карман. – Оставляю на память. А теперь давай уносить ноги. Придет полиция, начнется шум, а я этого не люблю.

Мы долго еще бродили по задворкам Эм-стрит, не решаясь выйти к каналу Вашингтона, на котором стояла наша гостиница...

А теперь Володя мертв. Проходя мимо, я заметил на его шее, с левой стороны, красную точку и небольшую припухлость – след инъекции, сделанной «летающей иглой». Кто-то шел по проходу и выпустил из пневмопатрона крохотную иголку – остроконечную ампулу мгновенного яда в легкорастворимой оболочке. И все.

Какая же сволочная у нас работа! Трижды сволочная. Рядом – убитый друг, а ты пробираешься к своему креслу; извиняешься перед соседом (может быть, как раз он и убил?), вежливо улыбаешься, усаживаешься аккуратно, нажимаешь на кнопку, говоришь стюардессе, что хотел бы чего-нибудь прохладительного, ждешь, равнодушно постукивая пальцами по подлокотнику, стюардесса – само обаяние (а может, убийца – она?) – приносит стакан ледяного апельсинового сока, ты пьешь маленькими глотками, отдаешь стакан, снова улыбаешься: «Благодарю вас!» – наконец, откидываешься на спинку кресла, всем видом изображая уверенность и добродушное настроение. А сам в поту, весь в поту...

Так, выждал минуту. Две. Три. Все спокойно. На меня никто не смотрит. Я тоже ни на кого не смотрю. Я гулял по крейсеру, выпил сока, теперь хочу поспать. Имею право? Имею. Я задергиваю шторку, отделяющую меня от пассажира спра-

ва. Место слева пустует. Гением был тот человек, который придумал в самолетах эти шторы. Защита личной жизни поднята здесь на должную высоту.

Господи, что делать? Что делать?!

Только одно: снова взяться за криптограмму. Мечь пока придется отложить. Она будет, эта мечь, но – потом. Того, кто убил Володю, я достану из-под земли. Клянусь.

VIII

Я достал комп и снова включил индикатор. Вызвал из памяти матрицу криптограммы. По-моему, я уже знаю ее наизусть.

```
01011010110110011110110101010111
10111110101101101111101110110110
11010101111011011010101111101111
01111011011011101101101111010110
0110110101010111011101111011110
111101110111101110011010101101
11010110101101101010010110011101
1101111101010101101111011100110
11111001010111011011100111101110
01011011011110111110100101010110
01101010111110110101010111100110
11101101010110101101011001101101
0101110101010110111110111111011
0111011101111101111101101011110
1101010101011110111110111110101
10111011101110110111101011011011
01101011111110101010111110011011
10011101011011111011111011101111
01101010111110101110111101110111
11100111101001101010101110101011
1011101010101111100111110111001
11101111110110111011011110111111
1111110111001011010110111010101
101001
```

Пока я гулял по «Стратопорту», у меня окончательно сложилась мысль: что-то я напутал с частотным анализом. Вернее, не я напутал, а компьютер. В том, что шифровка близка к разгадке, я не сомневался. Но в то же время меня не покидало подозрение, что кодовый алфавит должен читаться совершенно иначе.

Попробуем еще раз. Частотный анализ гласных произведен правильно – в этом я был уверен. Тут комп не мог ошибиться. Но что касается согласных – здесь, как говорится, возможны варианты. Я задал компу новую программу – перебрать все комбинации подстановки согласных и выдать на индикатор оптимальную.

Задача не из сложных. Через несколько секунд передо мной вспыхнул новый набор букв:

```
«The canoe SEG AE tens RD
MR SFA hag ice nl roes FA is deld
RD Myl IRQU ire BE sn iebai goes B NV
uran OV. SRN UJ VJ tin ear a ELF X JAN
WA SR RI ham at rm eh R».
```

Самое поразительное заключалось в том факте, что и здесь были ключевые слова, позволяющие сделать вывод о... Да о том же самом – о правильности де-

шифровки. Эти слова бросались в глаза, словно индикатор выделил их цветом. The сапое – первое слово и сразу же – знакомое секретное обозначение. Далее кодовая фаза *hag ice* – «ведьмин лед». Любопытно, что если начало второй строки прочитывать как *MRS Fahag*, то смысл становится еще более прозрачным: есть такая плавучая мастерская (*Maintenance and Repair Ship*) «Фахаг», она плавает в Индийском океане и приписана к порту Аден. Аббревиатура *IRQU* настораживает, и весьма: если не ошибаюсь, имеется в виду что-то связанное с американской 98-й пехотной дивизией, носящей кодовое название «Ирокез». Наконец, слова *igan* (пояснения не требуются) и *tin ear*. Последнее словосочетание недвусмысленно указывает на меня. *Tin ear* – «жестяное ухо», в переводе со слэнга означает «человек с изуродованной ушной раковиной»... Мое левое ухо, если не скрывать его волосами, действительно выглядит не совсем ладно – память о бойких ребятах, с которыми я повстречался в Туамасине. Я не раз давал себе слово лечь в косметическую клинику, да так и не собрался.

Итак, опять текст, полный скрытых намеков и туманных указаний. И вдобавок выводящий адресата прямо на меня.

В первом приближении перевод (не только с английского, но и с языка военных сокращений) выглядит так – я набрал русский текст и вывел его на индикатор:

«Группа по технической разработке систем оружия «Каноз»... наличие оборудования... напряженность... секретные сведения морской разведки... унитарные боеприпасы с переменным зарядом... «ведьмин лед»... *non licet* ... «косули»... полевая артиллерия доставлена... срок готовности 12 мая... гнев «Ирокеза»... Английский банк... бортовой номер *iebai* (95219) направляется на В (базу) в *NV* (Северном Вьетнаме)... уран... самолет службы наблюдения... спутниковая радионавигационная система... *UJ* (неопознанное реактивное топливо)... *VJ* (эскадрилья общего назначения)... «жестяное ухо» работает на чрезвычайно низких частотах... экстренная просьба обосновать полномочия на введение переговоров... заявка на отправку грузов заводской сборки... радиоперехват... радиооператор в комнате 58... Р.»

Нет, это невозможно. Бред собачий, хотя и с проблесками мысли. И с вклинившейся латынью: *non licet* – значит «не разрешается». И вдобавок с архаизмом «Северный Вьетнам». К тому же избыточная разночтениями. Например, в *Mrs Fahag* есть третий смысл: речь может идти о некоей «госпоже Фахаг». Если сочетание *Be SN iebai goes BNV* прочитать иначе, то получится «бельгийское судно с бортовым номером 95219 пустить ко дну как несущественное». Аббревиатура *ELF* – «чрезвычайно низкие частоты» – может оказаться словом *elf*, а при чем тут эльфы, я понятия не имею. Впрочем, по-немецки это «одиннадцать». Но текст же английский, тут сомнений нет.

Дальше – *XJAN*. *Extra Justification for Authority to Negotiate* – «экстренная просьба обосновать полномочия на ведение переговоров»... Чушь. Буква *X* – третья от конца, двадцать четвертая от начала. Наверное, имеется в виду 24 января. Что у нас будет 24 января? Скрыто мраком...

Наконец, последние семь знаков любой эксперт, будь он семи пядей во лбу, читает как минимум семью разными способами. К примеру, так: «донесение об аварии летательного аппарата в штате Мэн... последствия тяжелые... Р». И кто этот таинственный «Р» – Роберт, Ричард, Ростислав, Роговод?

Я еще раз вспомнил первый вариант прочтения криптограммы: буй, боевая техника, комитет вооружений, ядерные подрывные средства, Северный Йемен, выход на цель, атомный потенциал... Приплюсовал к этому любопытнейшему ряду новые заметные словечки: системы оружия, морская разведка, унитарные боеприпасы, «косули» (за этим новейшим кодовым обозначением скрываются наступательные ракеты с неядерными боеголовками – далекие потомки сверхсекретной бомбы *BL-U82* «Прыжок командос», испытанной еще во время вьетнамской войны),

полевая артиллерия, неопознанное реактивное топливо, радиоперехват... Так и мерещится, будто за этими терминами кроется что-то очень и очень грозное. Фронтальный подрыв всей деятельности Комитета по разоружению. Это самое малое. А самое большее – война.

В голове зашевелились мало соответствующие моей скромной роли мысли об ответственности, о бремени долга, которое вдруг взваливается на плечи одного человека... Почему же именно на мои плечи?

А потом я сделал вот что. Я глубоко вздохнул и стер из памяти компа оба варианта расшифровки.

Все – липа. Игра случая. Не может быть в расшифровке столько двусмысленностей. Не может код строиться на сокращениях, каждое из которых истолковывается пятнадцатью разными способами. Ну, не пятнадцатью, пусть тремя. Даже двумя. И двух прочтений достаточно, чтобы сразу, незамедлительно отказаться от криптоанализа текста.

А я сам водил себя за нос. Полчаса, если не целый час. Передоверился компьютеру. И время ушло. Цепляясь за нить каверзных совпадений, я упустил инициативу.

Теперь до посадки в Нассау осталось совсем немного времени. Я сижу с пустыми руками, Володя убит, Олав торжествует, сколько-то неизвестных агентов ловят каждое мое движение, Мерта...

Мерта!

IX

Я отдергиваю шторку, встаю, пробираюсь мимо пассажира, сидящего справа, ловлю взглядом выражение его лица. Если противник, то хороший актер, потому что реакция нулевая.

Выхожу в проход. Теперь мне надо не спеша прогуляться по «Стратопорту» таким маршрутом, чтобы оказаться лицом к лицу с Мертой. Значит, в проход ее салона мне надо войти с носа. Я иду по своему салону, слева вижу тело Володи, он по-прежнему сидит в не очень естественной позе, но подозрений у окружающих не вызывает – спит себе человек, забылся в дреме, вот затечет у него рука или нога, так встанет и разомнется.

Иду дальше: кормовой коридор, причальная галерея, тамбур, снова причальная галерея – на этот раз крыла В. Чуть дальше, там, где причальная галерея переходит в следующий кормовой коридор, находится бар. На «Стратопорте» их четыре – по одному на каждое крыло. Осторожно оглянувшись, вхожу в бар крыла В, вытягивая левой рукой из кармана пиджака универсальный ключ.

На мое счастье, в тесноватом отсеке посетителей нет. Стюард встал со стула, откладывая в сторону комп, на котором он что-то подсчитывал.левой рукой я захлопываю дверь, одновременно всовываю в скважину универсальный ключ и нажимаю на кнопку в торце рукоятки. Все, дверь наглухо заперта. Правая рука уже выхватила из-за пояса инъект-пистолет, легкий хлопок, ампула впивается в щеку стюарда. Он взмахивает рукой, чтобы выдернуть иглу, но не успевает: снотворное мгновенно всосалось, стюард падает, цепляется пальцами за стойку, роняя комп, роняя шейкер, роня блестящую тарелку с разменной монетой... Очень много шума.

Ближайшие три часа стюард будет спать. Проснется с головной болью, которая, впрочем, скоро пройдет. Других последствий инъекции не будет.

Я шарю под стойкой бара и нахожу то, ради чего затеял всю эту операцию: магнитную табличку с надписью «Перерыв». Открываю дверь, выглядываю в коридор: ни души. Выskalзываю наружу, запираю дверь и пришлепываю табличку. Все четко. Теперь, чтобы воспользоваться баром, надо идти в соседнее крыло.

Через центральный салон крыла В прохожу в носовой коридор, а из него попадаю в проход левого салона.

Впереди справа – точеная головка с льяными волосами, перехваченными шнурком. Нестареющее красивое лицо. И опять – молниеносный взгляд, как удар бичом. На этот раз я ждал его. И остановился, изображая изумление. словно бы в сильном волнении, приглаживаю волосы.

– Мерта! Неужели вы? Мерта... э-э... Ольсен?

– Мерта, – говорит она, мило улыбаясь. – Только не Ольсен, а Эдельгрэн. А вы, простите...

– Ну, конечно, Мерта Ольсен! – Я не слышу ответа. – Восемнадцать лет прошло, а вы все такая же! Ничуть не изменились. Вот что значит настоящая женщина!

В глазах Мерты «искреннее» удивление.

– Кого я вижу? – восклицает она. – Алекс... Да, конечно же, русский медик Алекс. Извините, фамилию вашу я не помню, русские фамилии такие... языколомные. Прошу прощения.

С полминуты мы увлеченно щебечем. Ну как же, мы так рады этой нечаянной встрече, ведь столько лет прошло, а вот надо же – узнали друг друга, и есть что вспомнить...

– А вы, Алекс, изменились. Раздались вширь, стали массивным, я бы даже сказала – литым. Мускулы и стать. Тогда, в Югославии, вы были рыхлым улыбчивым молодым человеком, склонным к идеализму.

– Нет, вы перегибаете палку. Полон иллюзиями – это, пожалуй, вернее. В молодости мы все живем иллюзиями. Да, тот майский симпозиум забывать невозможно. Адриатика, бора, землетрясения... Как романтично все было!

– Алекс, вы такой же сентиментальный, как и прежде. А говорите, что лишились иллюзий юности.

– Послушайте, мы так и будем здесь разговаривать? Давайте пойдем в бар. Правда, в вашем крыле бар, насколько я знаю, закрыт, но в крыле С он должен работать. Кофе на «Стратопорте» превосходен.

– Ради встречи можно выпить чего-нибудь и покрепче кофе.

Мерта обворожительно улыбается, вставая с места.

Мы выходим в кормовой коридор. Минуем причальную галерею, подходим к двери бара.

– Действительно, закрыто, – говорит Мерта, умудряясь окрасить эту короткую фразу множеством интонационных оттенков: здесь и честное недоумение, и шаловливое недоверие к моим недавним словам, и некоторое уважение к человеку, который иногда, оказывается, говорит правду. – Может, это ошибка?

Мерта дергает за ручку двери, но та не поддается. Против универсального ключа можно бороться только универсальным ключом. А они на «Стратопорте» только у капитана, у первых пилотов и у главного стюарда. И еще у меня. Пронести такой ключ на борт постороннему человеку практически невозможно: в рукоятку вделан маячок, на сигналы которого система предполетного контроля реагирует истощными воплями.

– Очевидно, технические неполадки, – бодро говорю я и продолжаю настаивать: – А чем хуже бар в крыле С?

Мы идем дальше. Перед нами шлюзовой тамбур, соединяющий кормовые коридоры крыльев В и С.

Я открываю дверь шлюза, пропускаю Мерту вперед, захлопываю дверь, тут же запираю ее универсальным ключом, совсем не по-джентльменски отпихиваю Мерту, прыгаю к дальней двери и тем же ключом фиксирую замок. Оборачиваюсь. И... получаю серию хлестких ударов, которую еле-еле успеваю заблокировать: в пах,

в солнечное сплетение и по адамову яблоку. Еще два удара – по надкостнице большой берцовой кости и в верхнюю челюсть. Руку Мерты я перехватываю, но ребро ее туфли входит в чувствительное соприкосновение с моей голенью. Больно.

Теперь атакую я. Несильно. Но метко. Так, чтобы Мерта приходила в себя примерно минуту. Защита у нее поставлена слабовато. Или сказывается возраст?

Через несколько секунд Мерта лежит на полу. Ее руки связаны моим ремнем. Я стою, прижавшись спиной к стенке шлюза – цилиндрической камеры диаметром чуть больше роста человека, где от одной герметичной двери из бронепластика до другой всего-навсего полтора метра.

На всякий случай я обыскиваю Мерту, но оружия, как и ожидал, не нахожу.

– Рад, что не пришлось прибегать к долгим объяснениям, – говорю я. – Тебе понятно, кто я, мне известно, кто ты. Переиграть меня тебе вряд ли удастся. Все, что от тебя требуется, – это сообщить мне код шифровки, которую передал Олав из Галифакса. Вообще – секрет кода, основанного на четверичной записи. Как видишь, мне известно и это.

Мерта поднимает голову, встряхивает ею и садится на пол, прислонившись спиной к двери, ведущей в крыло С. В ее глазах вспыхивают ледяные искры ненависти. Тонкая струйка слюны стекает по шее, – жалкое и неприглядное зрелище.

– Как видишь, я пошел ва-банк, – продолжаю я. – Теперь нам с тобой нечего терять. Если ты раскрываешь секрет кода, мы выходим отсюда и расстаемся навсегда. Разумеется, наши конторы не простят нам с тобой обоюдную «засветку». Но это дело десятое. Конечно, в том случае, если кодированная информация Олава заслуживает внимания. Но не вздумай молчать или делать вид, будто ты никакого кода не знаешь. В таком случае мы будем сидеть здесь пока экипаж не обнаружит, что шлюз заблокирован, – а я постараюсь, чтобы он обнаружил это как можно скорее. Тогда крылья А и D отваливают, наши два крыла совершают экстренную посадку на первом же пригодном аэродроме, и нас хватают контролеры ООН как двух неидентифицированных агентов, которые противозаконным образом вступили во владение универсальным ключом.

– Дурак! – шипит Мерта... по-русски. Впрочем, что тут удивительного? Если я свободно говорю на трех языках, то почему Мерта, разведчик высокого класса, не может знать русского? – Не надо вешать мне лапшу на уши! Я прекрасно знаю, что ты агент КОМРАЗа, и никакие контролеры ООН тебе не указ, и право на ношение универсального ключа у тебя есть. Неужели ты думаешь, будто чего-нибудь добьешься? Я сделаю все, чтобы они тебя взяли именно как агента, но не агента КОМРАЗа, это не предосудительно, а как советского шпиона, которому нечего делать на аукционах. Что касается меня... Какой я агент? Я просто жертва. Озверевший красный агент насилует в шлюзе «Стратопорта» пожилую шведку – ничего заголовочек, а?

– Тебе так просто не отделаться, – угрожаю я.

– Почему же? На ключе – твои отпечатки пальцев, я к этому делу вообще не причастна. Оружия при мне нет, компрометирующих материалов – тоже. А из тебя, если тряхануть как следует, я уж и не знаю, что посыплется.

– Ты считаешь, твои шефы простят тебе, что ты так глупо засыпалась с русским?

– Разумеется, нет. Вероятнее всего, они уже сейчас прикидывают, как бы разломить «Стратопорт» между крыльями В и С, чтобы избавиться от нас обоих. Мы с тобой полетим, как птицы. Я еще в воздухе постараюсь перегрызть тебе горло, чтобы ты умер все-таки от моих зубов. На океан надежда слабая. Вдруг вы, русские, умеете падать в воду с двадцати километров и не разбиваться?

Признаюсь, от этих слов, скорее даже от интонации, с которой они были произнесены, мне стало зябко.

– Я предвкушаю этот полет, последний полет в нашей жизни! – В голосе Мерты появились кликушеские завывания. – Я чувствую твою кровь на моих губах, я чувствую, как ты...

Мерта резко смолкает. Голова ее падает на грудь, шведка валится набок и гулко стучается лбом о пол тамбура. Я наклоняюсь над ней. Что это – обморок? Коллапс? Или, может быть, смерть?

Хватаю руку Мерты, ищу пульс. Ни единого биения. Пульс не прощупывается. Я судорожно выхватываю компьютер, набираю команду «Анамнез», вытягиваю щуп диагностера и прикладываю к шее лежащей женщины. На индикаторе вспыхивает цепочка цифр. Пульс, давление, дыхание – сплошь нули. И лишь температура тела – 36,3 – нарушает это однообразие. Значит, смерть. Остановка сердца. Мерту словно бы выключили.

Непрямой массаж сердца – вот единственное, что может вытянуть шведку с того света. Я резко рву доломанку от ворота книзу, лишь шнуры разлетаются в разные стороны. Под доломанкой – рубашка. Тем же варварским движением я распахиваю и ее. Накладываю руки на левую сторону груди и начинаю качать. Вдох – раз, два, три, четыре... Выдох – рот в рот. Вдох – раз, два, три, четыре... Выдох – рот в рот. Вдох – раз, два, три, четыре... Выдох – рот в рот. Ох, и тяжелая это работенка – делать непрямой массаж параллельно с искусственным дыханием! К тому же очень тесно. И нет никого, кто помог бы. И я не имею права звать на помощь.

Проходит минуты три. Я уже взмок. Завести сердце Мерты мне не удается.

Качаю автоматически. Мои руки ходят, словно поршень, а в мыслях царит черный ужас. Я давно понял, в какую ловушку я попал. Кто-то дождался, пока мы с Мертвой уединились, а потом убрал шведку – пусть опытная агентесса, пусть профессионалка, но ее карту в данной ситуации не посчитали козырной. И вот я в западне: заперт в шлюзе, передо мной – полуобнаженная мертвая женщина в разорванной одежде, сейчас дверь откроется, войдет главный стюард (это еще хорошо – стюарды на «Стратопорте» не вооружены) или кто-нибудь из пилотов (дырка калибра 7,62 – это уже хуже), и меня либо убивают при попытке к бегству, либо грубо вьжут и обвиняют в зверском изнасиловании со смертельным исходом. Надо быть полным идиотом, чтобы влипнуть в такую историю!

Я даже догадываюсь, каким образом убрали Мерту. Мне доводилось слышать об испытаниях микроволновых пистолетов – карманных мазеров, но я не представлял себе, что когда-нибудь узнаю это оружие в действии. Направленный микроволновой луч наводится на сердце, излучение блокирует проводящую систему, и миокард перестает работать. Центральная нервная система тоже отсекается. Здесь важны два фактора: точно подобранная частота и очень меткий прицел. Если моя догадка верна и Мерту убили из карманного мазера, значит, кто-то очень хорошо знал, где именно в шлюзе находится шведка и в каком положении она сидит.

Разумеется, бронепластик – не преграда для мазера, но для зрения-то преграда! Не может быть, чтобы точное прицеливание – и вслепую. Что они там – сквозь стены видят, что ли? А если видят, значит, сейчас с интересом наблюдают, как я делаю непрямой массаж сердца Мерты. И дверь вот-вот распахнется...

Х

Решение созревает мгновенно. У меня немного шансов, надо использовать хотя бы один. Шефы Мерты могут оказаться с любой стороны шлюза. Не исключено, конечно, что они поджидают меня с обеих сторон. Но такой вариант я предпочел бы не рассматривать. В крыльях С и D мне делать нечего, надо возвращаться на свое

место. Тем более, что там Олав, и если я уцелею, то впереди – самая серьезная схватка.

Открываю дверь, ведущую в крыло В. Выглядываю.

Это поразительно, но в коридоре никого нет. На двери бара по-прежнему табличка «Перерыв». Причальная галерея пуста. Что это – их просчет? Или очередная ловушка? Или они считают, что смерть Мерты в любой случае запишут на мой счет и деваться мне все равно некуда?

Я одергиваю пиджак, вытираю пот с лица, приглаживаю волосы и, загерметизировав за собой дверь тамбура, прохожу в правый салон крыла В. Сажусь в первое попавшее пустое кресло. Задергиваю шторку. Вытаскиваю компьютер, мою палочку-выручалочку. Моего незаменимого помощника. Мое оружие, отмычку, память, радиостанцию, записную книжку. Теперь – мое спасение. Мне остается только прибегнуть к крайнему средству. Экспертам по безопасности разрешено применять его лишь в случае непосредственной угрозы смерти. В том числе собственной. Это средство именуется «телеинтерфейс». Набрав некий код на своем личном компьютере, я могу по радио подключиться к компьютеру «Стратопорта» и потребовать от него исполнения любой команды. Для экипажа это будет выглядеть как сбой программы. Они просто не успеют вмешаться.

Я набираю код, на индикаторе загорается красная надпись «контакт». Тогда я ввожу команду: разломить «Стратопорт» по центральной продольной оси. Надпись «контакт» меняет цвет на голубой. Это означает: команда принята.

Мысленно представляю, как разом срабатывает множество механизмов. Блокируются одни электрические цепи и включаются другие. Герметизируются носовые и кормовые шлюзы. Идет расстыковка разъемов. Наконец, включаются сервомоторы рулей поворота, перья рулей отклоняются на заданные углы, и гигантское летающее крыло плавно разделяется на две половины. Состыкованные крылья А и В, где сижу я, отходят влево, крылья С и D – вправо. И никто, кроме меня да загадочных шефов Мерты, не знает, что в эту минуту из кормового шлюза встречный поток вынес труп женщины. Он валится вниз и потом – сколько времени падает предмет с высоты двадцать тысяч метров? – с шумным всплеском падает в воду где-то на траверзе мыса Хаттерас, навсегда исчезнув в водах Атлантического океана.

Прости, Мерта! Можно ли было спасти тебя? Думаю, что нельзя, когда сердце остановлено выстрелом из мазера. Но знаю точно, что, сложись все по-другому, я качал бы сердце Мерты и десять, и двадцать, и тридцать минут. Пока оно не заработало бы. Или пока я не понял бы, что мои усилия совершенно бесплодны.

Значит, шведка играла роль подсадной утки, и не я придумал этот сценарий. Мне оставалось единственное утешение: таинственные шефы принесли Мерту в жертву задолго до того, как я соединился с компьютером «Стратопорта». Она была жертвой уже в ту минуту, когда шла по трапу челнока, который должен был доставить ее на борт летающего крыла. Ее участь была предопределена.

...А в салоне уже мигала красные огоньки и жужжал зуммер. Пассажиры недоуменно переглядывались, и кто-то громко произнес обидную фразу по поводу мастерства пилотов. А те, кто сидел у правого борта, с изумлением обнаружили, что на месте имитаторов, которые дают подобие привычной самолетной картинки, прорезались настоящие иллюминаторы и через них отчетливо видно, как от нас величественно удаляется правая половина гигантского «Стратопорта».

– Внимание, пассажиры! – раздался из динамиков спокойный голос пилота. – Наш корабль совершает плановый маневр. Все системы работают нормально.

Быстро сориентировались, молодцы. Вовремя взяли инициативу в свои руки.

– После необходимых эволюций, – закончил голос из динамика, – наше летающее крыло воссоединится и продолжит совместный полет.

Я прождал минут пятнадцать. Наконец половинки крейсера сошлись вместе, состыковались, красные лампочки в салоне погасли, на месте иллюминатора, закрытого теперь соседним крылом, появилась картинка-имитация. Все вернулось в нормальное русло. Нормальное ли? Это я смогу узнать только на собственной шкуре.

Я поднялся и медленно направился к тамбуру. Пора возвращаться к себе, в левый салон крыла А.

XI

Я снова сижу в кресле 9-В, шторка отгораживает меня от соседа справа. Включен телевизор, отсветы экрана, вмонтированного в спинку кресла восьмого ряда, падают мне на лицо. Любой сторонний наблюдатель, который решит поинтересоваться, чем же это я занимаюсь, отметит, что пассажир из России чрезвычайно увлечен эстрадным шоу, организованным Би-Би-Си.

Пытаюсь подобрать новый ключ к шифру и одновременно размышляю: где же ошибка? Почему именно моя персона привлекает такое внимание невидимого противника? Что вынуждает его делать столь энергичные выпады и странные ходы?

Мои действия тоже не отличаются логикой, но это естественно – преследуемый вынужден петлять. Однако мой противник... Либо я не постигаю тонкости его замысла, либо он грешен и нанизывает ошибку на ошибку. Первая: мне дали возможность вывести из строя стюарда. Вторая: разрешили увести Мерту туда, куда я хотел, а не туда, где мои действия легко контролировать. Третья: подарили мне роскошную паузу – добрых пять минут я массировал грудную клетку Мерты, и никто не ворвался, не убил меня, не арестовал... Наконец, четвертая ошибка: мне позволили разломить «Стратопорт» и избавиться от единственной улики – от трупа.

Может быть, я опережаю противника на один ход, а он не способен предугадать мои действия? Или же он применяет тактику гибкого реагирования? В таком случае мне многое «разрешается» или «прощается» лишь по одной причине – главная задача, над которой я бьюсь, до сих не решена. Ведь я приоткрылся, когда стал требовать от Мерты тайну кода! В тот момент, когда я расшифрую сообщение, переданное Олавом, меня сразу же начнут лишать жизни.

Скорее всего так. Пока я не раскрыл секрета, я не опасен! Смысл той бессмыслицы, которая происходит сейчас на «Стратопорте», – в перехваченном мною кодированном сообщении. Значит, я прокололся в Галифаксе. Ох, плохо...

Как только я узнал, что Олав тоже в Галифаксе, я сразу же предпринял шаги, чтобы не повстречаться с ним и в то же время держать знакомя под контролем.

Меня встретили в аэропорту и сразу отвезли в Пагуош, где уже второй день шли торги. Местом аукциона был выбран дом Сайруса Итона – дань славной традиции. Почти сорок лет назад здесь состоялась первая международная конференция, которая положила начало Пагуошскому движению.

Ольсена-Лейтона я ни разу не видел ни в доме Итона, ни поблизости. Создавалось впечатление, будто этот человек не имеет никакого отношения к аукциону и прибыл в Новую Шотландию по сугубо личным делам. Однако, когда мы все – продавцы, покупатели, эксперты и немногочисленные журналисты – отправились на экскурсию в Баддек, чтобы посетить там музей Александра Грэхема Белла и посмотреть на то место, где братья Райт впервые поднялись в воздух, я заметил в толпе гостей высокую фигуру, увенчанную золотистой шевелюрой. «Перекрасился бы Лейтон, что ли, – подумал я тогда. – Нельзя же так привлекать к себе внимание».

Галифаксский аукцион, как и рейкьявикский, проходил спокойно. Правда, некоторые детали вызывали у меня недоумение, но это уже из области субъективных ощущений, никак не связанных с процедурой торгов. Например, ФАО закупила большую партию «газотопливных» бомб. У меня, разумеется, никто не просил совета, да я и не имел права лезть не в свои дела, но в душе меня разбирало любопытство: ну зачем Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН это оружие? Поразмыслив на досуге, я пришел к выводу, что ничего странного здесь, в сущности, нет: по всей видимости, бомбами можно очищать труднодоступные участки суши для сельскохозяйственного освоения. В роли заказчиков, скорее всего, выступали страны Полинезии, потому что бомбы надлежало доставить на склад, расположенный на острове Рождества в Тихом океане; перевалочной базой был назван остров Сокотра.

Международный институт фармакологии заключил с британским правительством контракт на покупку ста тонн горчичного газа. Причем здесь фармакология – это я понял сразу, но масштаб операции меня поразил. Горчичный газ, он же иприт, служит основой псориазина, лекарства против чешуйчатого лишая. Но в том случае, если этот яд разбавить вазелином в двадцать тысяч раз. Куда же уважаемый фармакологический институт собирается девать два миллиона тонн псориазина? Получается по четверти килограмма на каждого жителя нашей восьмимиллиардной Земли... Впрочем, скорее всего, я не прав. Нечего соваться в фармакологию, если разбираешься в ней кое-как. Наверняка иприт можно использовать еще десятью разными способами. Или двадцатью. Им виднее.

Большой ажиотаж вызвала распродажа электронной начинки крылатых ракет «Томагавк». На аукционе сцепились сразу пять покупателей. Международный научно-исследовательский институт проблем управления, Международный союз электросвязи, ЮНИТАР – научно-исследовательский и учебный институт ООН, Межправительственная океанографическая комиссия и АЛАСЕИ – Латиноамериканское агентство специальных информационных служб. Последнее особенно усердствовало – его представители, казалось, готовы были тут же голыми руками разорвать «томагавки» и выдрать из них начинку, лишь бы поскорее увезти ее к себе, в панамский монастырь Санто-Доминго.

Конечно, никаких «томагавков» в Галифаксе не было. Они дожидались потрошения на Фарерских островах. А победила в конце концов океанографическая комиссия. Обиженные латиноамериканцы покинули Пагуош, выразив нежелание участвовать в прочих торгах.

Вот и еще одна забота у КОМРАЗа. Теперь ребята из латиноамериканского отдела полетят в Панаму, будут уговаривать агентство отказаться от бойкота и от обид, словом, забыть все плохое и вспомнить все хорошее. Немножко напоминает детский сад. Но если покупатели начнут устраивать демарши, то недолго подорвать саму идею аукциона, а кое-кто только об этом и мечтает.

И еще одна мирная стычка вызвала общий интерес. Была предложена партия из пятнадцати стратегических бомбардировщиков «Стелт». Как ни странно, покупателей оказалось всего два, и оба прелюбопытнейшие: Всемирный почтовый союз и Всемирный центр вычислительной техники и развития человека. Зачем им понадобились «Стелты», я так и не понял. Но, видно, понадобились, потому что ни один покупатель не хотел уступать. Продажная цена росла, но очень медленно; дело заходило в тупик. Администрация аукциона пресекла это упрямство очень простым способом: отложила продажу бомбардировщиков на неопределенный срок. И правильно – найдутся более энергичные покупатели.

Как только решение администрации было обнародовано, я отправился в аэропорт: больше в Галифаксе делать было нечего.

ХII

Ожидая в аэровокзале посадки на челнок, я в очередной раз увидел Олава: он нервными шагами расхаживал в дальнем конце зала. Вряд ли агенту позволено выдавать свои эмоции. Впрочем, Ольсен, вероятно, не предполагал, что за ним наблюдают (по собственному опыту знаю, что предполагать такое надо всегда).

В руке Олава был черный «кейс» странного размера – раза в полтора меньше стандартного дорожного чемоданчика. Я встрепнулся, как такса, взявшая след барсука. Содержимое таких недомерков не отличается большим разнообразием. Либо это стандартный набор специалиста по контршпионажу, и тогда внутри должен быть скрэмблерный телефон, электронный шифровальщик, «клопоискатель» и прочие хитрые игрушки, либо в чемоданчике таится компьютер с телеинтерфейсом и аппаратурой для остронаправленной спутниковой связи.

Я остановился на втором варианте и в душе даже пожалел Олава: шефы явно подставили его, снабдив инструментарием, который может быть разгадан профессионалом с первого взгляда. У меня тоже мощный компьютер, да еще с ридаром, но все это умещается в кармане пиджака.

Значит, спутниковая связь. Видимо, Олав только что получил особо важную информацию (вариант: закончил сбор сведений) и ему позарез нужно передать ее как можно быстрее. Где он собирается работать со своим чемоданчиком? Я не сомневался в том, что Ольсен будет выходить на связь в ближайшие минуты: иначе с чего бы так нервничать? Сейчас он начнет искать укромный уголок.

Так и есть. Олав направился на второй этаж аэровокзала. Но там довольно трудно уединиться. Неужто я неправильно истолковал поведение Ольсена? Поднимаясь по эскалатору в другой части зала, я прокручивал варианты своих действий. Вариант первый: мы сталкиваемся нос к носу. Вариант второй: Олав уединяется в туалете (все на свете бывает, однако вести остронаправленную передачу через железобетон – это, по-моему, тихое помешательство). Вариант третий: он разворачивает передатчик на глазах у праздно публики на открытой галерее второго этажа (для непосвященного – ничего особенного: ну, сидит себе человек, работает на компьютере). Вариант четвертый...

Четвертый вариант я не успел изобрести. Эскалатор вынес меня на второй этаж. Олава нигде не было. Я не мог метаться по всем помещениям аэровокзала, неистово «засвечиваясь», поэтому, отойдя от эскалатора, стал рассуждать – где Ольсен?

Нет, не так. Поставлю себя на его место. Куда бы делся я? Конечно, на крышу! Она плоская, там безлюдно и можно контролировать вокруг себя большое пространство. Если появится чужак, то не составит труда его сразу нейтрализовать.

Итак, на крышу. Интересно, знает ли Олав, что туда ведут два хода?

Теперь главное – угадать, куда направился Ольсен, и пойти другим путем. Узнать это точно нельзя. Остается риск – пятьдесят на пятьдесят.

Я прошел в небольшой коридор, туда выходили двери служебных помещений. Вот и ход на крышу – дверь без номера, ничем не отличающаяся от прочих. Подергал ручку. Заперто. В общем-то, это ни о чем не говорит, но шансы на то, что Олав воспользовался вторым ходом, повысились. Я достал отмычку, без труда открыл дверь и стал медленно подниматься по ступенькам.

Лестница вела в небольшой шатер, похожий на будку вентиляционного колодца. Еще одна дверь. Верхняя ее часть застеклена. Откроешь – и будешь на крыше. Я не стал открывать дверь. Моя цель не требовала ни визуального, ни огневого контакта с противником.

Метрах в тридцати стояла точно такая же будка. Рядом с ней, сидя на корточках, копошился Олав. Раскрытый чемоданчик лежал на крыше. Из его нутра тор-

чал штырь антенны. Он едва заметно подрагивал – подстраивалась система самонаведения. Значит, в моем распоряжении считанные минуты, если не секунды. Как только компьютер поймает спутник, на индикаторе вспыхнет сигнал, Ольсен несколько раз нажмет клавишу «передача», пакет информации уйдет по радиомосту к получателю – и все. Чемоданчик закрыт, Олав спускается по лестнице, выходит в зал. Какие у вас претензии, господа?

Но почему бы мне не перехватить радиопередачу? Да по той причине, что я имею дело не с радиолюбителем, а с Терри Лейтоном, сотрудником ЦРУ. У его компьютера есть скрэмблерная подпрограмма, да впридачу подпрограмма сжатия информации, а может, там есть и кодирующий микропроцессор. Так что ловить пакет с антенны – это значит получить такую тарабарщину, которая принципиально не поддается расшифровке. Единственный способ добраться до сути – вскрыть память компьютера, выделить информацию на месте, минуя скрэмблеры и прочие шедевры кодирующей техники.

Мне надо было очень спешить. И я достал из кармана ридар.

Ридар (не путать с ридером) внешне похож на небольшой пистолет с широким раструбом. Но это никакое не оружие, а очень тонкий прибор – рентгеновский лидар. Или рентгеновский лазерный локатор. Или, еще точнее, рентгеновский лазерный считыватель молекулярных голограмм. Само слово «лидар» пошло от английского Light Detection and Ranging. Такими приборами мы вот уже сколько лет пользуемся в быту, хотя обычно и не знаем, как именно работает простенькое устройство, которым мы определяем загрязненность воздуха в квартире или готовность пирога в духовке. Заменим в английском обозначении слово Light на Röntgen – и вот вам «ридар». Тот единственный прибор, который мог выручить меня.

Действие ридара объяснить настолько же просто, насколько сложно его создать. За ним стоят четыре новейших направления в физике рентгеновских лучей: маломощные рентгеновские лазеры (парадокс научного прогресса: создание слабых разеров стало возможным лишь после того, как были освоены сверхмощные источники когерентного излучения), рентгеновское дистанционное зондирование, рентгеновская голография и рентгеноструктурный лазерный анализ.

Для чего мне нужен слабый когерентный рентгеновский луч? Им я нащупываю ячейки памяти компьютера. После дифракции луч возвращается в регистратор, встречается с основным лучом, и в результате интерференции появляется рентгеновская голограмма решетки чужой памяти с записанной на ней информацией. Мой компьютер расшифровывает текст, принесенный лучом, и выдает ее на индикатор в виде, удобном для чтения. Внешне это выглядит так, будто бы я соединился с чужим компьютером через интерфейс.

Регистратор у меня в одном блоке с компьютером. Я высчитал угол дифракции, и на сердце у меня полегчало: пространства будки и лестничного марша вполне хватало, чтобы разнести ридар и регистратор. Я проверил работу квазиотражателя основного луча, определил место для компа – строго вертикально подо мной на четырнадцатой сверху ступеньке лестницы, метнулся вниз, по дороге включая звуковую регистрацию приема, положил аппарат на пыльный бетон и вернулся в будку. Перевел дыхание, поймал в прицел ридара чемоданчик Олава.

Наши движения совпали: Ольсен в очередной раз нажал на клавишу передачи, а я в тот же момент надавил на спусковой крючок ридара. Компьютер внизу молчал. Я слегка поводил раструбом ридара. Тишина. Ольсен нажал на кнопку, и штырь антенны ушел внутрь чемоданчика. Еще раз тщательно прицелившись, я медленно вел невидимым лучом по спирали вокруг выбранной точки.

Удивительное дело: словно бы нас с Ольсеном подключили к какому-то синхронизатору. Внизу, на лестнице, раздалось гудение зуммера (попал в точку!), и тут же Ольсен захлопнул чемоданчик. Он закончил передачу. Шифрованное и сжатое со-

общение через спутник попало к получателю, а мой компьютер благодаря ридару зафиксировал голограмму кристаллической решетки, на которой это сообщение было записано.

Я понесся по ступенькам и выбежал, опережая Ольсена, в холл второго этажа. Затем не спеша спустился в зал регистрации и подошел к стойке, над которой горело электронное табло: «Halifax-Stratoport».

ХIII

Через полчаса я летел в челноке. Ближайшие пассажиры никаких подозрительных эмоций у меня не вызвали. Я вытащил из кармана комп и задал программу перевода рентгеновской голограммы в матрицу двоичного кода.

Вообще говоря, задание было намного сложнее. Для начала компьютеру пришлось вычленивать из голограммы небольшую часть – микросхему оперативной памяти, поэтому мой прибор думал довольно долго. Прошло девять минут, прежде чем на индикаторе зажегся цифровой текст. Тот самый. Выглядел он так:

```
01011010110110011110110101010111
10111110101101101111101110110110
11010101111011011010101111101111
01111011011011101101101111010110
01101101010101110111011110111110
11110111101111011110011010101101
11010110101101101010010110011101
11011111101010101101111011100110
11111001010111011011100111101110
01011011011110111110100101010110
01101010111110110101010111100110
11101101010110101101011001101101
0101110101010110111110111111011
10110111011111011111101101011110
11010101010111101111101111110101
101110111101110110111101011011011
01101011111110101010111110011011
10011101011011111011111011101111
01101010111110101110111101110111
11100111101001101010101110101011
10111010101011111001111110111001
11101111110110111011011110111111
11111110111001011010110111010101
101001
```

Бросив взгляд на индикатор, я сразу понял, что работенка предстоит трудная. Интуиция подсказывала, что будут затруднения с этим двоичным кодом, да и сам вид матрицы свидетельствовал о сложности задачи: она была неуместно прямоугольной, да еще с каким-то неприличным хвостиком внизу.

Неужели шифровка? По логике вещей, Олаву не нужно было записывать в памяти машины кодированное сообщение: абсолютную секретность обеспечивал скремблер, который включался при передаче. Мой компьютер с его необъятной памятью и быстродействием обязан был во всем разобраться и выдать на экран сразу буквенный текст. Но этого не произошло. Значит, сообщение Олава изначально было кодировано. Либо противник знал о возможностях нашего ридара, либо сообщение настолько раскрывало все карты, что для перестраховки Олав принял двойные меры безопасности.

До стыковки со «Стратопортом» оставались минуты. Надо как можно скорее переправить матрицу своим: пусть они тоже поищут решение. Да и мало ли что может со мной случиться.

Я вызвал на экран компа расписание спутников связи над точкой с координатами Галифакса. Проклятье! Спутник был над головой пять минут назад. Придется посылать сигнал вдогонку. Я собрал матрицу в информпакет и поставил передатчик в режим самонаведения.

Чувства облегчения мне это не принесло. Спутник мог уйти слишком далеко – раз. Меня мог экранировать челнок – два. Мог экранировать корпус крейсера – три. Впрочем, иного выхода все равно не было. В надувном шлюзе, по которому переходили из челнока в «Стратопорт», я включил передатчик. Попадет ли мой сигнал в точку? Как бы то ни было, теперь дело чести расшифровать матрицу самому.

Я выключил комп, спрятал его в карман и огляделся. Вроде бы все спокойно. И все же какую-то ошибку я допустил. Скорее всего, еще в челноке, когда изучал матрицу. Чей-то несправный взгляд мог упасть на индикатор моего компьютера, ведь на пассажирских местах в челноках нет шторок. Впрочем, кто-то мог засечь меня и позже, уже в шлюзе, или раньше, когда я целился из ридара, сторбившись в тесной будке. Но кто? Ведь на крыше галифакского аэровокзала, кроме нас с Олавом, не было никого...

XIV

Перейдя в «Стратопорт», я прошел на свое место 9-B, задернул шторку и сразу занялся компьютером. Вид матрицы на индикаторе нагонял тоску. Передо мной был код, который никак нельзя назвать однозначно декодируемым. Я понятия не имел, каким образом разбить эту последовательность кодовых символов на кодовые слова, да еще так, чтобы разбиение оказалось единственно верным. Но отступать некуда.

Для начала я прогнал матрицу через те криптоаналитические программы, которые мог припомнить: подстановочная программа, шифр Цезаря, шифр Тритемиуса...

Маловато. Конечно, у моего компа огромные возможности, но я-то почти полный профан в криптоанализе. Напрягшись, припомнил правила кодирования по Хеммингу, но и тут незадача: откуда мне знать длину кодового слова в той шифровке, что скучно светилась на индикаторе. Я поиграл немного с компом, перебрав длины 3, 4, 5, 6, 7, 8, – и понял, что зашел в тупик.

Надо мной замаячил призрак Клода Шеннона, отца теории информации. Он давным-давно показал, как можно построить криптограмму, которая не поддается расшифровке, если, конечно, неизвестен способ ее составления. И все же я продолжал игру. Наверное, во всей последующей истории главную роль сыграло именно то, что я – полный профан в криптоанализе. Ну, и еще уязвленное самолюбие: я не мог себе простить, что не знаю, с какого конца подобраться к криптограмме. И решил брать ее в лоб. А мой дилетантизм побудил меня задуматься над формой матрицы.

До сих пор я свято полагал, что матрица кода должна быть строго квадратной, – не иначе как отголоски почти забытого университетского курса матричной алгебры. Действительно, квадратную матрицу удобно транспонировать, или, если хотите проще, то симметрично преобразовать относительно диагонали. Но кто сказал, что в моем случае вообще требуется транспонирование?

Коль скоро передо мной прямоугольная матрица, размышляя я, да еще с хвостиком, значит, это непорядок. Ее надо преобразовать так, чтобы остался квадрат, а хвостик исчез. На верную дорогу я вышел случайно; принципиально же это в корне неверно и могло увести меня неведомо куда.

Я сосчитал число знаков в строке – их было тридцать два – и решил сжать матрицу, объединив знаки по два. То есть разбил текст на кодовые слова с длиной два. Но в двоичном коде двумя знаками можно записать лишь четыре цифры – 0(00), 1(01), 2(10) и 3(11). Таким образом я перевел получившийся текст в четверичную систему; теперь он выглядел так:

```
1122312132311113
2332231233232312
3111323122233233
1323123231233112
1231111313132332
3313233132122231
3112231222112131
3133222231323212
3321113123213233
1123132332211112
1222332311113212
3231112231121231
1131111233233323
2313133133231132
3111113233233311
2323232313223123
122333222332123
2131123323323233
1222332232331313
3213221222232223
2322223321332321
3233312323132333
3332321122313111
221
```

Матрица осталась прямоугольной, но она была вытянута уже по вертикали. И вот какая штука: во всей матрице не было ни единого нуля. Я счел это добрым знаком, потому что из полной неразберихи начала проглядывать какая-то система...

Навязчивая идея о квадратной матрице преследовала меня. Недолго думая, я разделил криптограмму на две неравные части: вверху остался квадрат из 256 (16 × 16) знаков, а внизу – прямоугольная таблица с корявым хвостом.

Уже час я находился на борту «Стратопорта», а решение задачи даже не забрезжило. Но с мертвой точки дело сдвинулось: неверной дорожкой я как-то приближался к цели. Только минут через сорок меня осенило: нижняя часть может оказаться ключом к верхней. А вдруг передо мной редкий код с переменной длиной кодового слова? Тогда указание на то, как варьировать длину, надо искать в самой криптограмме.

Предположим, что длина меняется от 1 до 3 и нижняя часть матрицы – это запись длин, а четверичный код выбран для того, чтобы затруднить работу дешифровщика: в этой криптограмме и основной текст, и ключ записаны всего тремя цифрами, и не так-то просто распознать, что есть что. К тому же кодовый текст выглядит абсолютно бессмысленным, и отличить префиксы кодовых слов, отделить слова друг от друга на первый взгляд невозможно.

Я попробовал прочитать квадратную матрицу с помощью ключа; его образ наполнился у меня буквальным содержанием – хвостик превратился в «бородку». В ключе первая цифра была 1, значит, первое кодовое слово состоит из од-

ной цифры – единицы. Вторая цифра ключа – двойка, поэтому второе слово матрицы содержит два знака, то есть 12. И так далее.

В конце концов из квадратной матрицы получилось следующее:

1 12 23 121 323 111
13 23 32 23 123 323
23 1 23 111 32 3 122
2 3 32 331 323 12
323 123 31 121 23
111 131 3 13 23 32
331 323 31 32 122 23
131 122 3 122 2 112
131 31 3 322 22 31 3
23 21 23 32 111 31
23 21 323 31 123 13
23 32 21 111 212 22
3 323 111 13 212 32
3 111 22 311 212 311
1 31 111 23 323 3
323 23 131 331 332
311 323 111 11 323
32 3 3 31 12 323 2
323 1 3 2 23 12 3

И теперь у меня не осталось никаких сомнений: передо мной типичная! простейшая! примитивнейшая! подстановочная криптограмма. Классика литературы: «Золотой жук» Эдгара По. Такой орешек мой компьютер расколется мгновенно. Я ввел программу частотного анализа и откинулся на спинку кресла. Сейчас я увижу текст.

И текст появился. Передо мной была абракадабра, начинавшаяся строчкой
prefabye. menaerebtow

Через несколько минут, проклиная себя за нечеткое знание американских и британских военных аббревиатур, я разбил текст на слова: Prefab Yemen AE PEB tow...

XV

И вот я снова разглядываю цифровые символы, но состояние мое уже совсем не похоже на то, с которым я принимался за расшифровку. Лоб в испарине. Пульс около ста сорока. В жилах гуляет адреналиновый шторм.

Времени у меня почти нет. Через полчаса дежурный стюард пригласит пассажиров на борт челнока, идущего в Нассау. Если я не расшифрую текст, то расстанусь с Олавом, так ничего и не доказав, а потом – ищи ветра в поле. Даже если на земле мои коллеги разберутся с кодом, Ольсен к тому времени сотрет запись в памяти компьютера и все мы останемся с носом. Олава тогда ни в чем не обвинишь, он выскользнет чистым.

Единицы, двойки, тройки мельтешили у меня в глазах, голову переполнял цифровой рой, и я в страхе думал, что еще немного – и вообще перестану что-либо соображать.

Может быть, компьютер перемудрил с частотным анализом? Нет, даже на глаз видно, что кодовое слово «23» встречается чаще других, это наверняка гласная, скорее всего «е». Но именно при этом допущении комп выдал две разноречивые версии! Значит, все-таки не «е»?

Ох, придется брать в руки фломастер и блокнот и решать задачу кустарным образом. Как то делал Уильям Легран из рассказа По.

Ничего другого в голову не приходило. Ощущая себя полным кретином, я принялся составлять частотную таблицу: «23» встречается в тексте 15 раз, «323» – 13 раз, «3» – 13 раз, «32» – 9 раз, «31» – 8 раз. И так далее.

Предположим, что «23» – не «е», а, скажем, «а»...

Что из этого следует, мне не дали сообразить.

XVI

Прозвучал тихий зуммер, и передо мной зажегся телевизионный экран. Появилось лицо дежурного стюарда.

– Господин Шукин?

Я кивнул.

– Прошу извинить, что нарушил ваш покой, – с искренним смущением произнес стюард. – Одна дама, просившая не называть ее имени, приглашает вас переменить место и подсесть к ней. Это в нашем крыле, но в правом салоне. Место 17-F. Еще раз прошу меня простить, но дама очень настаивала.

Занятно. После гибели Мерты у меня на всем «Стратопорте» нет ни одной знакомой женщины. Дело, кажется, идет к развязке. Почему бы и не согласиться? Жаль, шифровка не разгадана. И подстраховать меня некому. Что ж, будем полагаться на собственные силы. Тем более, есть такой постулат – Первый закон велосипедиста: «Куда бы вы ни ехали, все равно это будет в гору и против ветра». Впрочем, есть и утешительная аксиома, которая называется законом Паула: «Свалиться с пола невозможно».

Я поблагодарил стюарда и попросил передать даме, что присоединюсь к ней через несколько минут. Затем отодвинул шторку, вышел в проход и бросил мимолетный взгляд в сторону Ольсена. Олав был на месте. Сколько можно сидеть сиднем – уж не манекен ли там вместо живого человека? Впрочем, проверять этот домысел я не стал. Если нам и предстоит встретиться на ближней дистанции, то не по моей инициативе.

– Тысячу раз прошу прощения, вы не можете мне? – услышал я тихий голос.

Как не вовремя! Ко мне обращался пожилой человек, сидевший в соседнем ряду. Седые волосы, простодушное лицо, расслабленная, безмятежная поза... Нет, не противник.

– Слушаю вас.

– У меня что-то не ладится с электроникой. Вызов стюарда не работает, экран не загорается, в наушниках шипит и трещит.

Ах, пожилой джентльмен, какой же вы растяпа. И обратились совсем не к тому человеку. Как бы вам это не вышло боком.

– Попробуйте пульт соседнего кресла, оно же все равно пустует, – с легкой укоризной сказал я. – Или нажмите кнопки того места, что у окна. Вряд ли все три пульта отказали. Хоть один из них должен работать.

– Большое спасибо, – ответил мужчина, широко улыбаясь. – И как это я сам не догадался? Техническая слепота...

– Беда нашей цивилизации, – я не мог удержаться от нравоучения. – Техника для нас – как пеленки. Кто-то должен прийти и переменить.

Седовласый опешил и, по-моему, обиделся. Но смолчал. Я на его месте взвился бы.

Выйдя из салона, я прошел в причальную галерею и остановился у широкого окна, прямо над стыковочным конусом. Отсюда, с задней кромки «Стратопорта», открывалась масштабная панорама голубой бездны, в которой тут и там висели стерильные клочья облачной ваты.

Я машинально отметил – уже в который раз, – что океан с высоты двадцати километров выглядит не так уж скучно. Идет какая-то непонятная жизнь, видны фиолето-

вые, зеленые, темно-синие подводные «острова», смутные тени на большой глубине, змеятся дороги – то ли течения, то ли границы температурных аномалий...

Что означает приглашение перейти в другой салон? Я был убежден, что пустым окажется не только предложенное мне место, но и все соседние. А что в них особенного, в этих местах? Они расположены в правом салоне, значит, там по правому борту, который примыкает к крылу В, нет иллюминаторов – вместо них стоят имитаторы. Следовательно, если даже я очень захочу, то не увижу, что делается под «Стратопортом». Неужели в этом и заключается смысл моего переселения? Странно... Тогда какой-то сюрприз извне?

Я решил выждать еще несколько минут. В конце концов, причальная галерея пока пуста, никто не гонит и не угрожает. И я стоял, старался понять, какой сюрприз мне подготовлен.

Минута... Вторая... И – мне опять повезло! Повезло, потому что погода стояла ясная и облаков почти не было. Атмосфера просматривалась во все стороны на сотни километров. Не знаю, что было бы дальше, если бы мы шли над облачностью.

Короче, я увидел ракету.

XVII

Из ниоткуда – из пустого океана и пустого воздушного пространства – к «Стратопорту» приближался, догонял его крылатый снаряд. Кажется, я зря назвал его ракетой. Судя по форме крылышек и по размерам (хотя тут я мог ошибиться – трудно оценить масштаб), по нашему крейсеру ударили «копперхедом» – крылатым артиллерийским снарядом, который наводится микрокомпьютером по обратному рассеянию лазерного луча. Правда, чтобы «копперхед» отправился в полет, нужны по меньшей мере две вещи: лазерное наведение на цель и ствол, из которого он вылетит. Неужели я проглядел в воздухе чужой самолет?

Эти мысли пронеслись у меня в голове за секунду. Я окаменел. Вот сволочи! Ведь сейчас рванет, и крыла А как не бывало. Триста шестьдесят пассажиров – ну, триста, загрузка неполная – рухнут в океанские волны. Счастье для остальных, если экипаж успеет вовремя отломить крыло. Но я представил и другой, самый страшный вариант: грохот, рваная дыра в днище, разгерметизация... «Стратопорт» встает на дыбы и, словно осенний лист, раскачиваясь из стороны в сторону, опускается в океан.

Это уже похоже на необъявленную войну. Против кого? Против меня? Может ли такое быть, чтобы на чьих-то дьявольских весах моя скромная жизнь уравновесила триста жизней?

Окаменев, я смотрел, как «копперхед» скрылся под днищем «Стратопорта». Сейчас!

И ничего не произошло.

Неужели не сработала боеголовка?

Ничего не понимая, я собрался с силами и медленно вошел в правый салон. Пассажиров много, но пустые места есть. В частности, весь семнадцатый ряд, как я и предполагал, не занят. Приближаясь к нему, я ощутил, как под правый лопаткой запульсировала теплая точка. Так, заработал вживленный под кожу радиометр. Когда я оказался между креслами С и D семнадцатого ряда, пульсация на спине превратилась в нестерпимое жжение. Да, здесь действительно горячо. Интересно, сколько я получил за эти секунды? Сто рад? Или больше?

Боль под лопаткой придала ясность мыслям. Я мгновенно понял, что произошло. По креслу 17-F, где я должен был сидеть, нанесли лучевой удар колоссальной мощности. Первая мысль: это надо же – из пушки по воробьям! Вторая: нет, не из пушки. Снаряд, который я видел из окна причальной галереи, вовсе не был «копперхедом». То был «Маверик-IV» – малая крылатая ракета с телевизионным наведением. Но не

с обычной боеголовкой, а с гамма-лазером и гравитационным прицелом. Не дешевенькое устройство. Ясно, как утренняя заря: меня стали убирать, не считаясь со средствами. Почему? Видимо, прокол. Кому-то стало ясно, что я близок к разгадке кода. А тот факт, что я отослал сообщение вдогонку, им, похоже, неизвестен...

В те доли секунды, когда эти мысли пронеслись в моей голове, я успел отметить и следующее: какой же у них уровень взаимодействия! Профессионалы. С исполнителями на «Стратопорте» постоянная связь. Очевидно, где-то поблизости самолет. Короткий приказ, и вот уже «Маверик» срывается из-под крыла, подходит к «Стратопорту», прикрепляется точно под тем местом, где находится кресло 17-F, а потом строго вверх бьет пучок гамма-лучей.

XVIII

Так. Самое главное сейчас – обезопасить пассажиров. Я прошел правый салон насквозь, выскочил в носовой коридор, оглянулся – никого! – и шагнул к двери, ведущей в кабину экипажа. Спокойно. Еще спокойнее. Пульс, дыхание... С пилотами шутки не шутят. Малейшая промашка – и получишь пулю в лоб.

Я открыл дверь универсальным ключом, впрыгнул в кабину, захлопнул за собой дверь и, упреждая выстрел второго пилота, который уже разворачивался ко мне с послушностью автомата, выхватив из лямки пистолет, выбросил вперед руку с зажатой в ней карточкой эксперта КОМРАЗа. Карточка переливалась характерными радужными бликами: это включилась голограмма, после того как мой большой палец вжался в печатку дактилоскопического сенсора.

– КОМРАЗ, безопасность, – несвойственным мне басом сказал я. – Сбросьте газ, ребята. Не нужно делать лишние дырки в моей голове.

Напряжение спало. Второй пилот улыбнулся и спрятал пистолет.

– На вашем блистательном крейсере, ребята, происходят странные вещи. Например, разлом по линии В-С.

– Сбой компьютера, – сказал первый пилот.

– Хорошо, – согласился я. – Допустим. А крылатую ракету видели?

– Какую еще ракету?

– Класса «Маверик», с гамма-лазером. По правому салону нанесен лучевой удар. Они пытались что-то возразить, но я не дал.

– Введите программу радиационной опасности и высветите на дисплее активные точки правого салона.

Второй пилот пробежал пальцами по клавишам компьютера. На экране вырисовалась схема салона. Место 17-F полыхало на ней ярко-красным светом. Штурман вызвал главного стюарда и в двух фразах объяснил ситуацию.

Хорошо, с этим покончено. Сейчас стюард спокойным голосом объявит какую-нибудь липу о «нарушении центроплана в результате досрочного прибытия грузового челнока», и пассажиры правого салона покорно перейдут на свободные места в соседних салонах.

– Еще одна просьба, ребята, – попросил я тоном, не терпящим возражений, – Дайте на большой экран телеобзор левого салона.

Включились микрокамеры, установленные под потолком пассажирского отсека, и на экране стали появляться лица, ряд за рядом. Кресло 5-С было пустым.

Значит, Терри Лейтон не выдержал. Значит, он расстался с маской Олава Ольсена, сорвался с места и ищет меня. Разумеется, Лейтон догадался, что я избежал лучевого удара. Догадался или узнал доподлинно? От кого?

Три кресла слева, проход, три кресла справа... Следующий ряд... Камбуз и буфет... Снова три кресла слева... Я вздрогнул. Хоть и знал, что сейчас увижу Воло-

дю, – все равно холодок побежал по спине. Фалеев сидел все в той же неизменной позе, и рука так же свешивалась, и только я знал, что это поза мертвеца.

А вот и тот пожилой неумеха, что просил меня о помощи. Не может быть!

– Крупный план! – выкрикнул я.

Бортинженер нажал на две кнопки одновременно, фиксируя план и включая трансфокатор. Лицо пожилого мужчины заняло весь экран. Сомнений не оставалось. Он тоже был мертв. Я готов был поклясться, что и эта смерть – дело рук Олава.

На этот раз мне было очень тяжело удержать маску бесстрастности. Вся вина седовласого заключалась в том, что он обратился ко мне. Связь тут же была засечена, пассажира посчитали моим сообщником и решили убрать, чтобы одним неизвестным в уравнении риска было меньше. Будто я – носитель заразы. Или источник радиации. Всякий, кто входил со мной в контакт, тут же превращался в носителя смертельной угрозы для Олава и его невидимых шефов. И подлежал ликвидации. Володя. Мерта. Бедный неумелый джентльмен. Кто следующий?

Может быть, только сейчас я со всей очевидностью осознал, что им пора бы, наконец, разобраться и с источником угрозы. То есть со мной. До этой минуты возможность реальной гибели – не засыпки, не провала, не ареста, а именно смерти – я исключал из прогностических расчетов. И вот иллюзии рассеялись: в ближайшие пятьдесят минут меня будут убивать всеми способами. На их дьявольских весах ценность информации, заключенной в моем мозгу и моем компьютере, окончательно превысила бесценные жизни полутора тысяч пассажиров и восьмидесяти членов экипажа. Кто знает, не летит ли сейчас к «Стратоспорту» очередной «Маверик», но уже не с гамма-лазером, а с термитной боеголовкой? Единственный вопрос мучил меня в ту секунду: почему они не убрали меня раньше? Как получилось, что я жив и невредим, а Володя и пожилой мертвы? Или по какой-то причине меня нельзя убрать? Я им пока нужен? Или же у них не получилось? Дешевый кинодетектив с неистребимым суперагентом...

План действия у меня сложился сразу. Первое: вывести из-под удара экипаж, а для этого покинуть кабину, пообедав вокруг пальца возможных соглядатаев. Нет, это будет второе, а первое – проверить, не меченый ли я. Если меченый, тогда не осталось никаких шансов. Я скинул пиджак и быстро ощупал все швы, складки и кромки. Точно! В правой пройме обнаружилась небольшая булавка с микроскопическим шариком на конце. Изотопная метка, по которой меня можно было отыскать где угодно. Куда бы я ни укрылся, иголочка будет сигнализировать, выдавая мое местопребывание. Укрылся... Это было третьим пунктом программы. Найти ма-а-ленький тайничок для крупного человечка.

Единственное, что я знал наверняка, – это то, что Олава в левом салоне крыла А не было. Поэтому путь к отступлению лежал через левый салон.

Я поблагодарил экипаж и посоветовал им не следить за моим маршрутом с помощью микрокамер: изображение записывается на видеодиск, а как знать, кто первым получит доступ к видеодиску. Вышел в коридор и быстрым шагом направился по проходу левого салона. Минувя труп несчастного неумехи (он все еще не вызывал подозрений у пассажиров: мало ли кто дремлет в полете), я незаметным движением всадил изотопную булавку в рукав его пиджака. Прости, старина. Тебе, к несчастью, уже все равно. Посигналь немножко вместо меня, послужи прикрытием...

XIX

Сколько я ни ломал голову, но не нашел уголка укромнее туалета. Агент, скрывающийся в клозете, – это из плохой комедии, но лучшего места и в самом деле не было. Трюмы отпадают: туда ведут всего четыре люка, которые легко контролировать. Камбузы, бары и буфеты? Двенадцать отсеков – долго ли все проверить? А туалетов на крейсере – семьдесят два. Пока еще все обойдешь...

Конечно, и для этой ситуации есть соответствующее правило, оно называется законом Хоу и формулируется так: «Каждый способен изобрести план, который не сработает». Но, с другой стороны, есть и закон Буба, гласящий: «То, что вы ищете, вы найдете в самом последнем месте».

Итак, я заперся в туалете, в одной из трех кабинок, расположенных в срединной части левого салона крыла С, и снова раскрыл свой блокнот.

На чем я остановился? На предположении, что кодовое слово «23» соответствует букве «а». С минуту я обдумывал этот вариант и отбросил его. Мне не нравилась концовка текста. Третья от конца буква, – очевидно, гласная, тогда две последние – согласные. Почему бы не предположить, что это OLS – сокращенно от «Ольсен»? Эту версию я счел вполне разумной. Значит, 23 – это «о», 12 – «l», а 3 – «s». Правда, «3» встречается 13 раз, многовато для буквы «s», ну да ладно, если я на ложном пути – это выяснится очень быстро.

Итак, начнем сначала. В первой строке сочетание второй и третьей букв дает нам «о». Пятая буква 323 – определенно гласная. Может быть, «е»? Тогда первые шесть букв очень похожи на слово flower – «цветок». Я подставил найденные буквы в текст и понял: получается! Да здравствует «Золотой жук»!

Через семь минут на странице блокнота красовался целиком расшифрованный текст.

«Flower got one o forts bd St. Helena
Worms got heatbombs bd Xmas via Socotra
Ocean got cruiser guts rip up Faroes eom
Hujejets sale def sd Ols».

Понятно, почему компьютер не справился с расшифровкой. Он руководствовался стандартной программой частотного анализа и упорно считал наиболее часто встречающееся кодовое слово буквой «е», как и положено в английском языке. Но в этом тексте рекорд частоты держала гласная «о».

Я готов был прыгать от радости, и только теснота туалетной кабинки не позволяла сделать это. Да и ситуация не располагала к проявлению слишком бурных эмоций. Конечно, адекватность расшифровки теперь не вызывала сомнений, но оставались кое-какие неясные места.

Разберемся, One o – это, очевидно, цифра 10. Bd – сокращение от bound, «направляющийся», «готовый к выходу». Xmas, то есть Christmas, «Рождество» – ясно, что имеется в виду остров Рождества. Eom – очень распространенная аббревиатура: end of the month, «конец месяца». Дольше всего – минуту или две – я ломал голову над трехбуквенным сочетанием def. В английском языке на эти три буквы начинаются около сотни слов, из них штук тридцать вполне годятся для расшифровки. Я остановился на глаголе define – «определять». Наконец, sd обозначает, вероятно, someday.

Вот и настал момент, когда я смог занести в память компьютера перевод криптограммы:

«Цветок» получил десять крепостей, направление – Святая Елена. «Червяки» получили тепловые бомбы, направление – остров Рождества через Сокотру. «Океан» получил начинку крылатых ракет, потрошение состоится на Фарерских островах в конце месяца. Дата распродажи сверхзвуковых бомбардировщиков будет определена нескоро. Ольсен».

Надо ли говорить, какой важности сообщение было у меня в руках! В концентрированном виде оно содержало секретнейшие данные двух аукционов, рейкьявикского и галифакского. Что касается жаргонных словечек, то у них очень простые толкования. «Цветок» – это, конечно, Международное управление по вопросам солнечной энергии (его эмблема – цветок подсолнечника), а под «крепостями» разумеются стратегические бомбардировщики «В-52». «Червяками» определенные вредоносные круги пренебрежительно называют представителей ФАО, а

именно Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН закупила в Галифаксе крупную партию «газотопливных» бомб. «Океан» – совсем прозрачно: имеется в виду Межправительственная океанографическая комиссия, получившая право распротрошить «томагавки». Ну и «сверхзвуковые бомбардировщики» – это «Стелты», продажа которых так и не состоялась.

Какая мне разница, кто получатель этого сообщения? Главное, что у меня в руках есть неопровержимое доказательство: в мире действует тайная милитаристская организация, пресловутая ложа, «комитет вооружений», и она тщательным образом собирает сведения о демонтированном или распротрошенном вооружении. Готовится к тому, чтобы в один прекрасный день наложить на оружие свою жадную руку и предъявить планете ультиматум. Кто состоит в этой организации – пока неизвестно. Я знаю только, что среди ее агентов есть бывшие сотрудники ЦРУ.

XX

Теперь предстояло решить последние две задачи: минимум – ознакомить с моим открытием весь мир, максимум – отобрать у Лейтона его компьютер. «Что, от обороны переходишь к наступлению?» – спросил я себя. И сам себе ответил: «Пора».

Как же подать весть миру? От того, как я с этим справлюсь, зависит тактика контакта с Лейтоном. Правда, если сейчас по «Стратопорту» ударит ракета, никакая тактика уже не поможет. Однако с ракетой они что-то подозрительно медлят.

Ракета... Стоп. Я понял, откуда она взялась. Не из самолета – чужой самолет мгновенно засекала бы система «свой-чужой». По нашему «Стратопорту» выстрелили с подводной лодки. Какая-нибудь незарегистрированная лодка всплыла в открытом море, произвела пуск ракеты и снова ушла на глубину. Вот почему не было второго выстрела: скорости не те. Не изобрели еще такую подводную лодку, которая смогла бы соперничать в скорости с воздушным крейсером.

Так, отлично. Значит, наш «Стратопорт» будет жить. А мы... Мы еще поборемся.

И все же – как быть с сообщением? Я осмотрелся в поисках хоть какого-нибудь намека на решение. И тут меня осенило. В очередной раз. Я же в туалете! Ассенизационная система «Стратопорта» работает так: содержимое собирается в шлюзовом накопителе, а потом автоматически выбрасывается сжатым воздухом за борт. Автомат, насколько я помню, срабатывает после пятидесяти нажатий на педаль спуска воды.

Я включил звуковой канал компьютера и короткими фразами сказал о сути моего открытия. Это заняло минуты две. Я выложил, но уместил все: и способ перехвата с помощью ридара, и суть шифровки, и убийство Фалеева, и гибель Мерты, и несчастного неумеху, и даже мифическую даму, пригласившую меня на место 17-F, которое вскоре подверглось лучевому удару. Упомянул я и про подводную лодку, указав, в каком квадрате океана ее выуживать. Свой текст я закончил словами: «Иду на Ольсена».

Теперь оставалось немного. Я ввел программу цифрового сжатия пакета информации, включил репетир и перевел радиостанцию на передачу по всем диапазонам. Сквозь корпус «Стратопорта» сигналам не пробиться, но тут мне поможет ассенизационная система. У меня в кармане лежал целехонький пластиковый пакет (давнее правило: все необходимое ношу с собой). Я сунул в него компьютер, который превратился в широкоэвещательную станцию, и заварил пластик металлической расческой, награв ее в пламени зажигалки.

Ударом ноги я пробил фаянсовое дно унитаза и в расширившееся отверстие бережно опустил загерметизированный комп. Мой верный друг... Сентименты. Я принялся давить на педаль и после тридцати шестого нажатия услышал приглушенный всхлип пневмопровода. Комп провалился в бездну.

Он будет лететь, кувыркаясь, и за время падения успеет раз пятьсот передать по всем диапазонам информацию, которая так нужна миру.

И Миру...

По радио объявили посадку на челнок, идущий в Нассау. Мой рейс. Мне надо быть в Нассау на очередном аукционе. Дадут ли мне сесть на этот челнок? Нужен я им еще или уже не нужен?

– Приглашаем на посадку, – повторил стюард.

И в этот же момент кто-то с силой дернул ручку двери.

Понятно.

Дверь в этом туалете сдвигается влево. Значит, я отжимаю защелку, а честь открывания двери пусть принадлежит Лейтону. Как только створка уходит влево, я тут же наношу четверной удар справа – ребром ладони, локтем, коленом и ребром стопы.левой рукой и поворотом туловища блокирую встречные удары. Я мысленно нарисовал фигуру Лейтона за дверью, обозначил болевые точки. Перевел дыхание. Положил левую руку на защелку.

А может, не так? Пригнуться, выскользнуть в коридор, увернувшись от ударов, и, когда Лейтон (если это Лейтон) увидит дыру в унитазе и мгновенно все поймет, повернуться к нему и заорать на весь «Стратопорт»:

– Господи, кого я вижу? Неужели это Олав? Олав Ольсен! Вот так встреча! Здравствуй, милый Олав!

И выволочь его, широко улыбаясь и хлопая по плечам, в проход салона, обнять, сдавить так, чтобы затрещали кости, понять, в каком кармане компьютер, залезть, вытащить его и, брызжа слюной, вопить про восемнадцать лет, и про Адриатику, и про Мерту...

Примет Лейтон игру или нет? Если примет, то в какой момент он поймет, что его компьютер – мое решающее доказательство – перекочевал ко мне, – до моей посадки в нассауский челнок или после, когда я уже буду (буду ли?) лететь, наконец, к земле?

Я еще раз глубоко вздохнул, как перед прыжком в воду, и отжал защелку.

Некролог

Айзек АЗИМОВ

ОТ АВТОРА

Мне стыдно сознаться, что замысел этого рассказа возник у меня в ту минуту, когда я читал в «Нью-Йорк Таймс» некролог о писателе-фантасте, моем товарище по перу. Я читал и думал: неужели в мой некролог, когда он появится, будет таким же длинным? От этой мысли до моего рассказа был только один шаг...

Мой супруг Ланселот имеет привычку читать за завтраком газеты. Он выходит к столу, и первое, что я вижу, — это выражение неизменной скуки и легкого замешательства на его худом, отрешенном лице. Он никогда не здороваётся. Газета, предусмотрительно развернутая, ждет его на столе, и через мгновение лицо его исчезает.

И потом в продолжение всей трапезы я вижу только его руку, которая высовывается из-за газеты, чтобы принять от меня вторую чашку кофе, куда я насыпаю одну ложку сахара. Ровно одну — ни больше и ни меньше. Иначе он испепелит меня своим взглядом.

Все это меня давно уже не волнует. По крайней мере за столом царит мир — и на том спасибо.

Но в это утро спокойствие было нарушено. Нежданно-негаданно Ланселот разрился следующей речью:

— Хос-споди! Эта дубина Пол Фарбер, а? Загнулся!

Я не сразу сообразила, о ком он говорит. Ланселот упоминал однажды это имя – кажется, это был кто-то из их компании. Тоже физик, и, судя по тому, как аттестовал его мой супруг, довольно известный. Во всяком случае, из тех, кто сумел добиться успеха, чего нельзя сказать о моем муже.

Отшвырнув газету, он уставился на меня злобным взглядом.

– Нет, ты только почитай, что они там наворотили! – проскрежетал он. – Можешь подумать, второй Эйнштейн вознесся на небо. И все из-за того, что этого дурака хватил кондрашка.

Ланселот встал и вышел из комнаты, не доев яйца, не притронувшись ко второй чашке кофе.

Я вздохнула. А что мне еще оставалось делать?

Само собой разумеется, настоящее имя мужа не Ланселот Стеббинз: я изменила имя и некоторые подробности, во избежание осложнений. Но в том-то и дело, что, если бы назвать моего супруга его подлинным именем, это имя вам все равно ничего бы не сказало.

Ланселот обладал удивительной способностью оставаться неизвестным. Это был прямо какой-то талант – ни у кого не вызывать к себе никакого интереса. Все его открытия уже были кем-то открыты до него. А если ему и удавалось открыть что-то новое, то всегда кто-нибудь другой в это время создавал нечто более замечательное, и о Ланселоте никто не вспоминал. На конгрессах его доклады никто не слушал, потому что именно в эту минуту в соседней аудитории кто-то делал более важное сообщение.

Все это не могло не повлиять на моего мужа. Он стал другим человеком.

Двадцать пять лет назад, когда мы поженились, это был парень что надо. Блестящая партия. Человек состоятельный, только что получивший наследство, и вдобавок уже сложившийся ученый – не лишенный честолюбия, энергичный и подающий большие надежды. Я тоже, по-моему, была очень недурна собой. Только от всей моей красоты ничего уже не осталось. А вот моя замкнутость, моя полная неспособность завоевать успех в обществе, как это полагалось бы жене молодого и многообещающего научного деятеля – все это осталось при мне. Быть может, этим отчасти объяснялось то, что Ланселот был таким невезучим. Будь у него другая жена, он светил бы по крайней мере ее отраженным светом.

Понял ли он это в конце концов? И не потому ли охладел ко мне после первых счастливых лет нашего брака? От этой мысли мне частенько становилось не по себе, и я осыпала себя упреками.

Но иногда я думаю, что виной всему было его тщеславие – тщеславие, которое терзало Ланселота тем сильнее, чем меньше он мог его утолить. Он уволился с факультета и выстроил собственную лабораторию далеко за городом. Говорил, что хочет наслаждаться чистым воздухом подальше от людей.

Денежный вопрос его не тревожил. На физику правительство средств не жалело, поэтому он всегда мог получить столько, сколько нужно. Вдобавок он без всякой меры расходовал наши собственные сбережения.

Я пыталась его урезонить. «Послушай, Ланселот, – говорила я. – Мы же, в конце концов, не нуждаемся. Никто тебя не гонит из университета. К чему все это? Дети и спокойная жизнь – вот все, что мне нужно».

Но его словно ослепил огонь честолюбия, пожиривший его. В ответ он злобно отгрызлся: «Есть кое-что поважнее! Меня должны признать! Должны же они наконец понять, кто я такой. Я... я – великий исследователь!»

Тогда он еще не решался назвать себя гением.

И что же? Ему по-прежнему не везло. В лаборатории кипела работа. За бешеные деньги он нанял наилучших помощников. Сам трудился как вол. А толку никакого.

Я еще надеялась, что он все же опомнится и мы вернемся в город и заживем ти-

хо и мирно. Не тут-то было. Едва оправившись от очередного поражения, он снова рвался в бой – штурмовать бастионы славы. Каждый раз он загорался новой надеждой, и каждый раз судьба швыряла его в грязь.

Вот тогда он вспомнил о моем существовании. Свои обиды он вымещал на мне. Я не очень отважная женщина, но и мне в конце концов стало ясно, что мы должны расстаться.

Должны, но...

В этот последний год Ланселог готовился к новому сражению. К последнему – я это поняла. В нем появилось нечто новое, незнакомое мне, – какая-то судорожная напряженность. Иногда он говорил сам с собой, ни с того ни с сего смеялся коротким смешком. Целыми днями не брал в рот ни крошки, не спал по ночам. Дошло до того, что он стал прятать на ночь в нашей спальне лабораторные журналы, словно боялся, что его ограбят собственные сотрудники.

Я-то была уверена, что и эта затея обречена на провал. Но теперь он был уже в том возрасте, когда человек должен понять, что это его последняя ставка. Ну что ж, пускай попытает счастья. Расшибет себе в последний раз лоб и бросит все к черту. Я набралась терпения и стала ждать.

Тут как раз и произошла эта история с некрологом, который он прочитал в газете. Я забыла сказать, что однажды у нас уже был подобный случай. Тогда я не выдержала и брякнула ему что-то вроде того, что, мол, на худой конец его похвалят в его собственном некрологе.

Я, конечно, понимаю, что это не очень-то остроумно. Но тогда мне хотелось отвлечь его, помешать ему утонуть в ощущении полной безысходности, которое делало его совершенно невыносимым. А может быть, я, сама того не понимая, затаила на него злобу. Честно говоря, не знаю.

Как бы то ни было, услышав мои слова, он весь перекосялся. Колючие брови нависли над его глубоко запавшими глазами; резко повернувшись ко мне, он взвизгнул пронзительным фальцетом:

– Но я-то ведь не смогу прочесть свой некролог! Я даже этого лишен!

И он плюнул. Плюнул мне в лицо.

Я выбежала в свою комнату.

Он так и не извинился; несколько дней подряд я старалась с ним не встречаться, потом мало-помалу взаимоотношения восстановились, такие же безрадостные, как и прежде. Никто из нас больше не вспоминал об этом инциденте. И вдруг – опять некролог, и тут мне стало ясно, что это – последняя капля, что в цепи его неудач наступила некая кульминация.

Кризис приближался, я это чувствовала и не знала, бояться мне или радоваться. Пожалуй, все-таки надо было радоваться. Терять было нечего: любая перемена могла быть только к лучшему.

Перед ленчем он вошел ко мне в комнату, где я сидела за каким-то рукоделием – лишь бы чем-нибудь заняться – и следила краешком глаза за телевизором, опять-таки с единственной целью занять чем-нибудь свой мозг.

Он выпалил:

– Ты должна мне помочь.

Прошло уже лет двадцать, если не больше, с тех пор как он в последний раз обращался ко мне с подобной просьбой – и сердце у меня сжалось. Я увидела, что он возбужден до крайности. На его щеках, всегда бледных, выступила краска. Я пролепетала:

– Охотно, если только смогу...

– Сможешь. Я отправил моих помощников на месяц в отпуск. С субботы их не будет. Будем работать в лаборатории вдвоем. Имей это в виду, чтобы в следующую неделю ничем другим не заниматься.

– Но... Ланселот, – я была в полном замешательстве, – как же я помогу тебе, ведь я ничего не понимаю в этом.

– Знаю, – сказал он презрительно, – тебе и не нужно понимать. Будешь выполнять то, что я тебе скажу, вот и все. Я, видишь ли... кое-что открыл... и это даст мне возможность...

– Ох, Ланселот! – вырвалось у меня. Сколько раз я уже это слышала.

– Слушай меня, дурыя башка, и попытайся хоть раз вести себя как взрослый человек. Да, открыл. Но на этот раз меня уже никто не обскачет, потому что идея моего открытия превосходит всякое воображение. Во всем мире ни один физик, будь он даже семи пядей во лбу, никогда не сможет выдумать ничего подобного. Для этого нужно, чтобы сменилось по крайней мере одно поколение... Словом, если мир узнает о моих работах, меня должны признать величайшим ученым всех времен.

– Я очень рада, поздравляю тебя, Ланселот.

– Д о л ж н я, я сказал. Могут и не признать. В научном мире заслуги распределяются достаточно несправедливо, я испытал это на собственной шкуре... Но только теперь я уже не буду таким дураком, дудки! Я попридержу открытие. А то, глядишь, кто-нибудь подключится. И кончится тем, что мое имя будет плесневеть в каком-нибудь паршивом учебнике по истории науки, а настоящая слава достанется всем этим молодым да ранним.

Он больше не мог сдерживаться. Его буквально распирало. И теперь, когда до осуществления его замысла оставалось всего три дня, он решил, что перед таким ничтожеством, как я, он может открыться без всяких опасений.

Он продолжал:

– Я подам свое открытие так, что все человечество ахнет. Уж тогда никому не придет в голову упоминать о других – все будут говорить только обо мне.

Это уж было слишком. Я перепугалась: а вдруг его ждет новое разочарование? Ведь тогда он окончательно лишится рассудка.

– Дорогой, – сказала я, – к чему такая спешка? Давай немного подождем. Ты слишком много работал, передохни. Возьми отпуск. Мы могли бы съездить в Европу. Кстати, я давно собиралась...

Он топнул ногой.

– Да прекратишь ли ты наконец свою идиотскую болтовню?! В субботу пойдешь со мной в лабораторию. Ясно?

Все эти три ночи я почти не смыкала глаз. Он еще никогда не был таким, не было в нем такого ожесточения. Может, он и вправду спятил? Что он задумал? Чего доброго, поставит на мне какой-нибудь безумный эксперимент. Или просто ужокошит меня.

О чем я только не передумала в эти беспросветные, полиные ужаса ночи. Хотела звать полицию, хотела убежать, словом, сама не знаю что.

Но приходил рассвет, и я успокаивалась. Нет, он не был сумасшедшим и не был способен на насилие. Даже когда он плюнул в меня – то был, в сущности, чисто символический акт. И вообще он никогда не осмеливался поднять на меня руку.

И я снова ждала. Наступила суббота. И я покорно, как на заклатие, двинулась навстречу неизвестности. Вдвоем мы молча шагали по тропинке, ведущей от дома к лаборатории.

Один вид этой лаборатории вселил в меня ужас. Когда мы приблизились к ней, у меня стали подкашиваться ноги, но Ланселот, заметив мое смятение, буркнул: «Да перестань ты озирааться, никто тебя не тронет. Твое дело – выполнять мои указания и смотреть, куда я скажу».

– Да, милый...

На дверях висел замок. Он отомкнул его, и мы оказались в тесной комнатке, сплошь заставленной диковинными приборами, от которых во все стороны тянулись провода.

– Ну-с, начнем, – сказал он. – Видишь вон тот стальной тигель?

– Да, милый. – Это был высокий и узкий сосуд с толстыми стенками, кое-где покрытыми ржавчиной. Сверху на него была наброшена проволочная сетка.

Муж подвел меня к тиглю, и я увидела, что там сидит белая мышка. Передними лапками она упиралась в стенку, пытаясь просунуть мордочку сквозь петли проволочной сетки, и мелко дрожала – не то от страха, не то от любопытства.

Я отшатнулась. Все-таки это неприятно – неожиданно увидеть мышь.

Ланселот проворчал.

– Да не укусит она тебя... Ладно, теперь отойди и следи за мной.

Все мои страхи вернулись ко мне. В ужасе я ждала, что вот сейчас вылезет откуда-нибудь стальной чудовище и раздавит меня или ударит молния и превратит меня в кучку пепла... Я зажмурилась.

Но ничего особенного не произошло, по крайней мере со мной. Что-то зашипело, как будто пытались разжечь отсыревшую хлопушку, потом я услышала голос Ланселота: «Эй, проснись».

Я открыла глаза. Ланселот смотрел на меня. Он сиял.

– Ну, как?

Ничего не понимая, я беспомощно озиралась вокруг.

– Дурочка, – сказал он. – Это же прямо перед твоим носом.

Тут я только заметила, что рядом с тиглем стоит другой, точно такой же. Раньше его тут не было.

– Ты имеешь в виду второй тигель? – спросила я.

– Это вовсе не второй, это двойник первого. Абсолютная копия, вплоть до последнего атома. Посмотри внимательно. Даже пятна ржавчины одни и те же.

– Ты сделал из одного два?

– Ну да. Только совершенно необычным способом. Видишь ли, чтобы создать заново материю, нужно затратить колоссальное количество энергии. Например, если ты хочешь удвоить один грамм вещества, то даже при самой совершенной технологии тебе придется полностью расщепить не менее ста граммов урана. Так вот, я открыл, что можно создавать материю с ничтожной затратой энергии, надо только уметь ее приложить. А для этого нужно удваивать объект не в настоящем времени, а в будущем, в какой-либо его точке. Весь фокус, моя... э... моя дорогая, состоит в том, что, создав такой дубликат и перенеся его из будущего в настоящее, я тем самым получаю эффект передвижения во времени!

Можете представить себе, насколько велико было его воодушевление, если, обращаясь ко мне, он употребил столь прочувствованный эпитет.

– Да, это замечательно. – Я действительно была потрясена. – Скажи мне, а... мышка тоже вернулась?

На сей раз ответа не последовало. Я заглянула во второй тигель. И тут меня словно толкнули кулаком в грудь. Мышь лежала на своем месте. Но она была мертва.

Ланселот слегка покраснел.

– Тут у меня осечка, – пробормотал он. – Понимаешь, я могу возвращать назад живую материю, но она почему-то оказывается мертвой.

– Какая досада! Почему?

– Пока неизвестно. Я убежден, что объект копируется совершенно точно, с сохранением всей микроструктуры. Это подтверждено при вскрытиях.

– Но ты бы мог спросить у... – Я осеклась. Он метнул в меня недобрый взгляд. Черт меня дернул заикнуться об этом. Я же знала: стоит ему пригласить себе кого-нибудь в помощники, и слава непременно достанется другому.

Он проговорил с горькой усмешкой:

– Да что там, я уже спрашивал. Моих мышек вскрывал опытный биолог. Он ничего не нашел. Разумеется, никто не знает, откуда взялись эти животные. Я постарался

своевременно изъять материал... А то еще возникнут какие-нибудь подозрения. Господи! – воскликнул он, – ведь даже мои ассистенты ни о чем не подозревают!

– Но зачем тебе понадобилось держать все это в такой тайне?

– Зачем? Затем, что я не могу вернуть мышей живыми. Видимо, происходит какой-то ничтожный молекулярный сдвиг. Так вот, если я сейчас опубликую свои результаты, то найдется кто-нибудь другой, кто придумает способ предупредить этот сдвиг. Чутьочку усовершенствует мое открытие, но зато ему удастся вернуть живого человека, который доставит информацию о будущем. И слава опять от меня уплывет!

Он был прав. У него наверняка нашлись бы последователи. И тогда моему муженьку уже нечего было бы рассчитывать на признание, не помогли бы никакие заслуги. Это уж точно.

– М-да, – пробормотал он, обращаясь скорее к самому себе, чем ко мне, – и тем не менее я не могу больше ждать. Это дело надо обнародовать – но так, чтобы изобретение навсегда было связано с моим именем. Понимаешь, тут нужна сенсация. Любое упоминание о путешествиях во времени должно вызывать в памяти у людей мое имя, кто бы потом ни работал над этим открытием. Так вот, я... подготовил такую сенсацию. Ты тоже должна в ней участвовать.

– Я? Но в качестве кого?

– В качестве моей вдовы.

– Ланселот! – Я схватила его за руку. – О боже... Что ты задумал?

Он холодно отстранился. – Успокойся. Я не собираюсь убивать себя. Побуду три дня в будущем и вернусь.

– Но ты же умрешь!

– Умру не я, умрет мой двойник. Мое подлинное «я» будет жить, как и прежде. Как вот та мышь.

Он взглянул на часы.

– Ага. Вот. Осталось три секунды. Следи за вторым тиглем.

Тут снова раздался шипящий звук, и на моих глазах контейнер с мертвой мышью исчез, как будто его не было.

– Куда он делся?

– Никуда, – сказал Ланселот. – Это же копия. Мы создали ее в определенной точке будущего, теперь этот момент настал, и она преспокойно закончила свое существование. А первая мышь, которая служила оригиналом, жива и здорова. То же самое произойдет и со мной. Моя копия вернется мертвой. Оригинал, то есть я сам, будет продолжать жить. Потом пройдет три дня, наступит нулевой момент, и моя мертвая копия исчезнет, а оригинал как жил, так и будет жить. Неужели не понятно?

– Понятно. Но все-таки рискованно.

– Да с чего ты взяла? Ты только представь себе: находят мой труп, врач подтверждает, что я умер. О моей смерти объявляют в газетах, готовится панихида и все такое. Вдруг я появляюсь, живой и невредимый, и рассказываю обо всем! После такого дела я уже буду не просто физиком, который открыл способ передвигаться во времени. Я буду человеком, который воскрес из мертвых! Обо мне заговорит весь мир. Ланселот Стеббинз и путешествия во времени – эти понятия станут неотделимы друг от друга. Никто не посмеет их разъединить.

– Ланселот, – сказал я тихо. – Но почему, почему мы не можем просто объявить о твоём открытии? Зачем эти сложности? Ты и так станешь знаменит, и тогда... мы смогли бы переехать в город...

– Замолчи! И делай что тебе говорят.

Не знаю, когда он успел придумать весь этот план и какую роль сыграл для него тот газетный некролог, но я определенно недооценила умственные способности моего мужа. Хотя он и был феноменальным неудачником, в изобретательности ему нельзя было отказать.

Своим сотрудникам он предусмотрительно сообщил, что намерен в их отсутствие провести кое-какие химические эксперименты. Сотрудники должны были подтвердить, что он действительно работал с цианистыми солями и, по всей видимости, отравился.

– Ты подсказешь полиции, чтобы она немедленно связалась с моими ассистентами. Где их найти, ты знаешь. Мне не нужно ни убийства, ни самоубийства – никаких подозрений на что-либо такое. Несчастный случай, вот и все. Самый обыкновенный, законный несчастный случай. Как можно скорее получить врачебное свидетельство о смерти и опубликовать в газетах.

– Слушай, – сказал я, – а что если они отыщут тебя живого?

– Чепуха! Если найден труп, кому, черт возьми, придет в голову искать живого человека? Я спокойно буду сидеть в той комнате. Возьму с собой запас бутербродов... и уборная там рядом.

Он вздохнул:

– Вот только как быть с моим кофе? Чего доброго, еще потянет запахом из комнаты. Ну да ладно: три дня как-нибудь перебыюсь. Посижу на хлебе и воде.

Я слушала его, тщетно пытаясь унять нервную дрожь, которая была меня.

– Ну, а если все-таки тебя найдут? Знаешь, это ведь тоже неплохо: сразу два человека – живой и мертвый.

Я старалась подготовить и себя. К его неизбежной, как мне казалось, неудаче.

Он заорал:

– Нет, плохо! Получится дешевый фарс. А я не собираюсь прославиться в качестве героя анекдотов.

– Мало ли что может случиться, – осторожно заметила я.

– Только не со мной!

– Ты всегда так говоришь. А потом...

Ланселот побелел от ярости. Зрачки его вонзились в меня. Он схватил меня за локоть и сжал с такой силой, что я чуть не закричала.

– Это ты, ты все можешь напортить! – прохрипел он. – Только посмей! Если ты не будешь вести себя как надо, то я... я... – он искал и не мог найти для меня подходящую казнь, – я уничтожу тебя!

Охваченная ужасом, я старалась высвободиться, но безуспешно. Гнев придал этому тщедушному человеку чудовищную силу.

– Слушай, ты! – проговорил он в конце концов. – Ты всегда приносила мне счастье. Но я сам виноват: не надо было на тебе жениться. Это раз. А во-вторых, надо было с тобой развестись. Времени все не было... Но теперь – теперь я стою на пороге небывалого успеха. Вопреки тебе! И клянусь тебе, если и на этот раз испортишь мне мою музыку, я тебя убью. Ты поняла? Убью. В буквальном смысле слова.

Я не сомневалась, что он так и сделает.

Я пролепетала:

– Хорошо.

Тогда он отпустил меня.

Весь следующий день он копался в своих аппаратах.

– Никогда не приходилось транспортировать больше ста граммов живности, – рассеянно пояснил он.

Я подумала: «Сорвется. Непременно что-нибудь выйдет не так».

На следующее утро все было готово. Он отрегулировал приборы так, что мне оставалось только нажать на рычажок. После этого он заставил меня бесчисленное число раз включать и выключать рычажок вхолостую, без тока.

– Ну что, – повторял он, – ясно тебе, что надо сделать?

– Да, да.

– Включай, как только загорится лампочка. Не раньше!

«Господи, что-нибудь сломается», – думала я.

– Да, – сказала я вслух.

Ланселот, в резиновом фартуке поверх рабочей блузы, занял свое место. Он стоял как каменный. Наступило молчание.

Вспыхнула лампочка, и... помня его уроки, я нажала на рычажок, не успев даже подумать о том, что я делаю. Секундой позже передо мной стояли плечом к плечу два Ланселота, похожие друг на друга как две капли воды, только второй был чуточку взъерошен. Вдруг этот второй обмяк и повалился.

– Bravo! – воскликнул живой Ланселот, выходя из квадрата, который был нарисован на полу. – Теперь помоги мне. Бери его за ноги.

Я подивился его выдержке. Увидеть свой собственный труп, свое безжизненное тело, приехавшее из послепослезавтрашнего дня! А он и глазом не моргнул. Подхватил его под мышки, как будто взялся за мешок с картофелем.

Я ухватила за обе щиколотки. Меня мутило. Труп был еще теплый. Мы проволокли его по коридору, втащили на лестницу, наконец добрались до комнаты. Там уже было все приготовлено. В причудливо изогнутой реторте булькал раствор, вокруг громоздилось химическое оборудование.

Сломом, это был образцовый рабочий беспорядок, без сомнения, тщательно продуманный. На столе среди прочих реактивов бросалась в глаза склянка с крупной надписью «Цианистый калий». Вокруг были разбросаны кристаллы яда.

Ланселот расположил труп так, чтобы сразу стало ясно, что человек упал со стула. Насыпал ему цианистого калия на фартук, на левую ладонь, несколько кристалликов пристроил на подбородке.

«Сразу поймут», – пробормотал он.

Напоследок он окинул комнату критическим взглядом.

– Ну, кажется, все. Иди домой и звони врачу. Будешь давать объяснения, говори, что я засиделся в лаборатории и ты понесла мне бутерброды. Пришла и...

Он указал на бутерброды, валявшиеся на полу, и разбитую тарелку, которую я будто бы уронила.

– Теперь выдай слезу. Только не переборщи.

В нужный момент я расплакалась – это было нетрудно, ведь все эти дня и я была на грани истерики. Теперь все это выплеснулось наружу.

Врач повел себя точно так, как предсказал Ланселот. Моментально засек банку с цианистым калием. Нахмурившись, процедил:

– Ай-ай-ай! Какая неосторожность!

– И зачем только я позволила ему работать одному, – говорила я, глотая слезы. – Взял и отпустил всех помощников в отпуск.

– Когда с цианидами обращаются как с поваренной солью, это всегда кончается плохо. – Доктор сокрушенно покачал головой с менторским видом. – Не обижайтесь, миссис Стеббинз, но я вынужден вызвать полицию. Без сомнения, это несчастный случай, но любая насильственная смерть требует полицейского дознания...

– Да, да, конечно, вызовите их, – подхватила я. И тут же прикусила язык: такая поспешность могла показаться подозрительной.

Явилась полиция. Судебный эксперт, увидев на руке и на подбородке у трупа кристаллы яда, что-то брезгливо промышчал. На всю эту компанию случившееся не произвело ни малейшего впечатления. Они записали фамилию имя, возраст. Осведомились, намерена ли я похоронить покойного за свой счет. Я ответила «да», и они укатили.

После этого я стала звонить в редакции газет, связалась с двумя агентствами печати и попросила их, если они будут ссылаться в своих публикациях на полицейский протокол, не особенно нажимать на то, что муж оказался неумелым химиком. Я сказала это тоном убитой горем супруги, которая не хочет, чтобы на репутацию покойного легла какая бы то ни было тень. К тому же он и не химик, добавил я. Его

специальность – ядерная физика. И тут я очень удачно вернула, что у меня давно было предчувствие, будто ему грозит беда.

Говоря так, я в точности следовала инструкциям Ланселота. Сработало великолепно: они сейчас же на это клюнули. Несчастный случай с физиком-атомщиком. Что это – шпионы? Рука Москвы?

Началось нашествие репортеров. Я вынесла им портрет Ланселота в молодости, водила их по лаборатории. Фотоаппараты щелкали не смолкая. Но никто почему-то не спросил, что находится в комнатке, запертой на замок. Должно быть, ее просто не заметили.

Я снабдила их богатым материалом о жизненном пути и научном творчестве покойного. Вспомнила несколько забавных случаев, которые должны были показать, что великий ученый в жизни был простым и скромным человеком. Все это Ланселот заготовил заранее. Я старалась как могла, но тайная тревога не покидала меня. Вот сейчас, думала я, что-нибудь сорвется. Какая-нибудь мелочь нас выдаст. И виноватой окажусь я. Что тогда со мной будет? Ведь он обещал меня убить.

Утром я принесла ему газеты. Ланселот набросился на них с алчным блеском в глазах. «Нью-Йорк Таймс» отвела ему целую колонку в углу на первой полосе. «Таймс» не слишком старалась заинтриговать читателей его кончиной; в таком же духе откликнулась «Афтернун пост». Зато какая-то бульварная газетка тиснула огромную шапку через всю страницу: «ТАИНСТВЕННАЯ СМЕРТЬ УЧЕНОГО-АТОМЩИКА».

Он залился счастливым смехом. Пробежал все от начала до конца, потом стал перечитывать. Потом сказал:

– Не уходи. Послушай, что они пишут.

– Да я уже читала.

Он принялся читать вслух, не спеша, смакуя похвалы по своему адресу.

– Ну, что? – сказал он, когда все газеты были прочитаны. – Скажешь, опять что-нибудь не выйдет?

Я проговорила неуверенно:

– А что если полиция вернется и начнет выпытывать, что значат эти слова: «грозит беда»?

– Отделайся намеками. Скажи, что тебе приснился дурной сон. А там пускай себе занимаются расследованием – время-то пройдет.

Действительно, пока все шло как по маслу. И однако я все еще чего-то боялась. Боялась надеяться. Человек – странное существо: вот тогда, когда никакой надежды не может быть, тогда он надеется.

Я пробормотала:

– Скажи мне, Ланселот, если все кончится хорошо... и ты станешь знаменитым... мы ведь сможем тогда отдохнуть? Вернемся в город и заживем спокойно, а?

– Идиотка! Неужели ты не понимаешь, что, когда меня признают, я просто обязан буду продолжать свое дело! Ко мне повалит молодежь. Моя лаборатория превратится в грандиозный научно-исследовательский Институт Времени. Я стану легендарной личностью. Величайшие умы покажутся пигмеями рядом со мной...

Выпятив грудь, Ланселот уставился в пустоту сверкающим взором. Он даже привстал на цыпочки. Казалось, он уже видит перед собой мраморный пьедестал, на который его вознесут восхищенные современники.

Я вздохнула. Рушились мои последние надежды на крошечный клочок простого человеческого счастья.

Я потребовала от агента похоронного бюро оставить гроб с телом Ланселота в лаборатории, с тем чтобы потом перевезти его прямо на Лонг-Айленд, в фамильный склеп семьи Стеббинзов. Отказалась от базальмирования, мотивировав это тем, что буду держать его в большой холодильной камере, где температура около нуля.

Я заявила, что хочу провести эти последние часы возле мужа, что должны еще приехать его сотрудники, но все это прозвучало, по-моему, неубедительно. На лице агента изобразилось холодное неодобрение. Но таковы были инструкции, данные мне Ланселотом.

Когда тело Ланселота, парадно убранное, в открытом гробу было выставлено на видном месте, я пошла навестить живого Ланселота.

– Знаешь, – сказала я, – похоронный агент недоволен. Он явно что-то подозревает.

– Ну и черт с ним, – благодушно отозвался Ланселот.

– Да, но...

– Пусть себе подозревает на здоровье. Что ты волнуешься? Осталось ждать всего один день. За это время ничего не изменится. А завтра утром тело исчезнет... то есть должно исчезнуть.

– Ты думаешь, оно может и не исчезнуть?

– Так я и знала. Так и знала!

– Ну, мало ли что. Может произойти небольшая задержка... или наоборот, чуть раньше. Мне ведь еще не приходилось перемещать такие массивные объекты, и я не совсем уверен, насколько точны в этом отношении мои формулы. Поэтому я и решил оставить тело здесь.

– Напрасно. В морге оно по крайней мере исчезло бы при свидетелях.

– А здесь, ты думаешь, могут заподозрить обман?

– Конечно.

Эта мысль его развеселила.

– Ну еще бы! Начнут говорить: зачем он отослал ассистентов? Куда потом делся труп? И вообще, как это он умудрился отравиться, ставя какие-то детские опыты? Вся эта история с путешествием во времени – сплошная липа. Он, скажут, принял какую-то гадость, впал в бесчувственное состояние, а врачи решили, что он умер.

– Ну да, – сказала я убитым голосом. Как мгновенно он все сообразил!

– А потом, – продолжал он, – когда я буду настаивать, что все-таки на самом деле совершил это путешествие и одновременно был и живым и мертвым, корифеи науки предадут меня анафеме. Я буду всенародно разоблачен, как низкий обманщик, и за одну неделю стану притчей во языцех. Поднимется шум во всем мире. И вот тогда... тогда я предложу публичную демонстрацию опыта в присутствии любой компетентной комиссии. Я потребую, чтобы путешествие во времени транслировалось по международному телевидению! Ну, конечно, общественность настоит на том, чтобы опыт состоялся. Телевизионные компании тоже пойдут навстречу. Им-то наплевать, что увидят зрители – чудо, которое я совершу, или мой позорный крах. Главное, чтоб было интересно. В зрителях недостатка не будет. И вот тут-то я ударю всем по мозгам.

На какой-то миг вся эта феерия меня ослепила. Но сейчас же внутренний голос осадил меня: слишком длинный путь, слишком сложно. Не может быть, чтобы не сорвалось.

Вечером приехали два сотрудника моего мужа. Оба старались придать своим лицам выражение подобающей скорби. Ну что ж, вот и еще два свидетеля, которые подтвердят, что видели Ланселота мертвым. Еще два соучастника всей этой путаницы, которая приведет события к неслышанной кульминации.

С четырех часов ночи мы оба, в шубах, сидели в холодильной камере, ожидая, когда наступит нулевое время. Ланселот дрожащими руками что-то подкручивал в своих приборах. Портативная вычислительная машина не выключалась ни на минуту. Уму непостижимо, как ему удавалось набирать цифры окоченевшими пальцами.

Я чувствовала себя совершенно разбитой. Холодной. Рядом в гробу – мертвое тело, и полнейшая неизвестность впереди.

Прошла целая вечность, а мы все еще сидели и ждали. Наконец Ланселот произнес:

– Ну вот, все в порядке. Исчезнет, как я и рассчитывал. В крайнем случае опоздает минут на пять – для массы в семьдесят килограммов это совсем неплохая степень точности. Все-таки мой анализ хронодинамических преобразований великолепен! – Он подмигнул мне, а потом так же бодро подмигнул своему трупу.

Я заметила, что его блуза сильно помялась. Он не снимал ее все три дня – видимо, и спал в ней – и она стала такой же изжеванной, как на втором Ланселоте в момент его появления.

Ланселот словно угадал мои мысли. Поймав мой взгляд, он перевел глаза на свою блузу.

– Гм, надо бы надеть фартук. Этот второй тоже был в нем.

– Может, не стоит его надевать? – голос мой прозвучал без всякого выражения.

– Нет, надо. Нужна какая-нибудь характерная деталь. Иначе не будет уверенности в том, что это один и тот же человек. – Он пристально поглядел на меня.

– А ты по-прежнему считаешь, что произойдет осечка?

Я с трудом выдавила из себя:

– Не знаю.

– Ты, может быть, думаешь, что исчезнет не труп, а я?

Я молчала, и голос его сорвался на крик:

– Ты, что же, не видишь, что счастье мне улыбается? Не видишь, что все получается как по нотам! Еще немного – и я стану самым великим из всех людей на земле!... Лучше вскипяти мне воду для кофе, – сказал он, неожиданно успокоившись. – Скоро мой покойничек испарится, а я воскресну. Надо отпраздновать это событие.

Он подтолкнул ко мне банку с растворимым кофе – после трехдневного ожидания годился и этот.

Я стала возиться с плиткой; залубневшие пальцы не слушались меня. Он оттолкнул меня и сам поставил на плитку колбу с водой.

– Подождем еще немного, – проговорил он, переключив тумблер на отметку «макс». Кинул взгляд на часы, затем устался на приборы. – Пожалуй, не успеет закипеть. Сейчас он исчезнет. Иди сюда.

Он встал рядом с гробом.

Я медлила.

– Иди! – приказал он.

Я подошла.

С неописуемым наслаждением он смотрел туда, на самого себя. Мы оба не отрывали глаз от трупа.

Послышался знакомый звук, и Ланселот крикнул:

– Минута в минуту!

В одно мгновение мертвое тело пропало. В гробу лежал пустой костюм. Одежда на двойнике была, естественно, не та, в которой он появился. Поэтому она осталась. Брюки, пиджак, под пиджаком рубашка, новый галстук. Туфли опрокинулись, из них торчали носки. А самого человека не было.

Я услышала бульканье. Это кипела вода.

– Кофе, – сказал Ланселот. – Скорее кофе! Потом вызовем полицию и газетчиков.

Я приготовила кофе ему и себе. Зачерпнула для него из сахарницы обязательную чайную ложку – полную, но без верха – ни больше и ни меньше. То было железное правило – даже теперь, когда в этом не было никакого смысла, привычка была сильнее всего.

Лично я пью кофе без сахара. Таков мой обычай. Я сделала глоток. Отрадная теплота разлилась по всему моему телу.

Ланселот взял в руки чашку.

— Ну вот, — тихо произнес он. — Я, наконец, дождался. — И он поднес к губам эту чашку с какой-то скорбной торжественностью.

Это были его последние слова.

Когда все кончилось, меня охватило какое-то безумие. Я стащила с него одежду и вместо нее напялила то, что лежало в гробу. Как мне удалось поднять его с пола и уложить в гроб, до сих пор не могу понять. Его руки я сложила на груди, как было у того, исчезнувшего.

Потом я долго и старательно смывала все следы кофе в раковине и тщательно полоскала сахарницу. Я мыла ее и чашку до тех пор, пока в них не могло остаться и намека на цианистый калий, который я всыпала вместо сахара.

Его рабочую блузу и все остальное я отнесла в мусорный ящик. Раньше я выбросила туда точно такую же одежду двойника, но теперь, естественно, ее там уже не было.

Под вечер, когда труп моего мужа вполне остыл, я вызвала агентов похоронного бюро. Они, разумеется, не удивились. Да и чему было удивляться? Мертвец как был, так и остался. Абсолютно тот же самый, даже с цианистым калием в желудке, как и предполагалось.

Они заколотила гроб и увезли его. А потом Ланселота зарыли.

Но ведь, строго говоря, в момент, когда я его отравила, Ланселот официально уже был мертв. Так что я не уверена, можно ли это считать убийством. Естественно, я не собираюсь консультироваться по этому поводу с юристом.

Теперь я обрела желанный покой. Я довольна своей жизнью. Денег у меня достаточно. Хожу в театр. Принимаю друзей.

Совість меня не мучает.

Я убеждена, что Ланселоту никогда не удалось бы добиться признания. Когда-нибудь передвижение во времени будет открыто заново, но память о Ланселоте Стеббинзе навсегда исчезнет во мраке забвения. Ведь я же говорила ему, что все его проекты обречены на провал: он не дожидется славы. Если бы я не покончила с ним, что-нибудь обязательно вышло бы не так, и тогда он убил бы меня.

Нет, я ничуть не раскаиваюсь.

По правде говоря, я все ему простила. Все — кроме того, что он плюнул в меня. Но какая ирония судьбы! Прежде чем умереть, он получил от нее дар, какой редко достается людям, и был счастлив.

Вопреки тому, что он кричал мне тогда, прежде чем плюнуть, — Ланселот смог прочесть свой собственный некролог.

Перевод с английского
Геннадия ФАЙБУСОВИЧА
1973, № 3

Цейтнот

Михаил ПУХОВ

Мы познакомились в порту. Рейс задерживался, детектив я забыл дома и скучал. Публика была обычная – человек двадцать туристов, их сопровождающий и толпа командированных вроде меня. Поговорить не с кем, послушать некого. И вдруг в зале появился совсем другой человек.

Опытный взгляд различает таких сразу. Он был разведчик дальнего космоса или что-нибудь в этом ряду.

Его пояс оттягивала огромная желтая кобура. На лице, покрытом неровным космическим загаром, красовался большой белый шрам в виде ущербной луны. При ходьбе владелец шрама прихрамывал на левую ногу. Словом, истинный ас, битком набитый разными байками и нуждающийся во внимательном слушателе.

Он взял в автомате кофе и сел за мой столик. В разговоре важен дебют. Правильным первым вопросом вы разрешаете собеседнику выкладывать любые небылицы о его похождениях. Все зависит от вас.

Я спросил:

– Откуда у вас такой замечательный шрам?

– Хоккей, – объяснил он. По его галактическому загару стекали узкие струйки пота. – В юности я увлекался хоккеем.

– Стояли в воротах?

– Сидел на трибуне. – Он тронул белый шрам пальцем. – Ничто его не берет. Хоть гримом замазывай. Сорок дней загорал на море – все без толку.

Оставалось ждать, что он еще скажет.

– На море мне не понравилось, – сообщил он. – Камни острые, скользкие. Вчера полез купаться, упал, ушиб ногу.

Он осторожно пощупал левое колено.

– До сих пор болит. И жара там, на море. Почти как здесь.

Он расстегнул свою огромную кобуру. Порывшись в ней, извлек мятый платок и вытер лицо.

Многих на моем месте это смутило бы окончательно. Но я не их тех, кто отступает.

– Вы разведчик дальнего космоса? – спросил я.

– Да.

– А где вы потеряли пистолет?

– О, это длинная история. Вы видели когда-нибудь разведочный звездолет?

– Много раз, по телевизору. Это здоровенный корабль, больше любого другого. Но я никогда не видел, как он садится на космодром вроде этого.

Прикинуться простаком выгоднее – рассказчики любят простаков.

– Наши звездолеты перемещаются только в гиперпространстве, – объяснил он. – Для контакта с космическими объектами корабль оснащен небольшими ракетами – десантными зондами. Я пилот такого зонда.

– Вероятно, вы-то и делаете все дело?

– Очень редко, – усмехнулся он. – Обычная работа – осмотр планет. Десантники при этом отдыхают. Съемка занимает часа полтора, потом мы летим дальше. Задержки бывают редко. В сезоне, о котором я хочу рассказать, их не было вообще. Мы работали в одном шаровом скоплении. Самая плохая работа. Звезды похожи, да и планеты. Жизнь не встречалась нигде.

– Почему?

Он усмехнулся.

– Спросите биологов. В звездных скоплениях слишком светлые ночи, суточные ритмы ослаблены. А жизнь основана на контрастах. Так говорят. Да. Ну, а потом мы наткнулась на звездолет Пятой культуры.

– Сразу пятой? – спросил я. Он кивнул, не заметив иронии.

– Сначала мы решили, что это астероид. Больно уж он был велик – шар диаметром километров десять. Но шар. Это был корабль одной из исчезнувших цивилизаций – Пятой галактической культуры, брошенный экипажем миллионы лет назад. Собственно, мы в него чуть не врезались.

Он замолчал, и я спросил:

– А почему команда ушла с корабля?

– Не знаю. Возможно, она никуда и не уходила. Через миллионы лет строить догадки глупо. Мы начали готовиться к высадке. Никто нас не заставлял. Мы разведчики. Мы нашли корабль. Остальное не наше дело. Но смешно, если бы мы сразу ушли. Продолжать съемку планет? Дико было бы.

Вскоре мы, десантники, уже шагали к своим суденьшкам. Настроение приподнятое, как на Олимпиаде. Это своего рода спорт – кто первым проникнет в корабль. В звездолетах Пятой культуры несколько входных тамбуров, но корабль велик. Многие тысячи гектаров полированного металла, и где-то затерян вход. Ориентиров нет. На каждого из нас приходилась площадь побольше этого космодрома. Вот и ищи. Мы разошлись по ангарам и стартовали.

Я остался один на один с космосом. Силуэт нашего звездолета сжимался за кормой зонда, открывая звезды. Незабываемое небо той галактики.

– Это естественно, – вставил я.

– Почему?

– Будь оно другим, вы бы о нем не помнили.

– Вы правы, – сказал он невозмутимо. – Оно именно такое. Даже не скажешь, что оно черное, так много звезд. Кругом звезды. И все крупные, яркие. Не небо – застывший фейерверк. И только тень нашего корабля сжимается за кормой, да впереди вспухает пятно. Черное, круглое. Это я приближаюсь к чужому. Моих товарищей, конечно, не видно. Нет их. Полное одиночество.

А пятно надвигается. Медленно, конечно. Скорость небольшая, самолетная. Ощущение, будто все застыло, да и время почти стоит.

Но потом оно опять появилось. На последних километрах. Чужой корабль закрывает полнеба, зонд тормозит – то ли посадка, то ли швартовка. И все.

И я уже стою рядом с зондом в центре плоской равнины. Корабль-то круглый, но большой. Такой, что выпуклость не ощущается. Стоишь на плоской равнине, до горизонта метров сто или двести. И над головой звезды. Под ногами тоже звезды, только размытые. В обшивке отражаются, а она матовая, металл немного изъеден. Когда видишь это, понимаешь, что время состоит из событий. Каждое пятнышко на обшивке – это след столкновения с пылинкой. Происходят такие встречи, скажем, раз в минуту. А сколько минут в миллионе лет? Столько, что обшивка сплошь матовой стала. Я стою, размышляю об этом, и нужно куда-то идти. И немного жутко. Старый звездолет похож на замок с призраками. Страшные истории рассказывают об этих кораблях.

– Что вы имеете в виду? – прервал я его. – Звездолет был мертв, вы сами об этом сказали.

Он тронул пальцем шрам на лице.

– Нет. Жизнь всегда остается. Такой звездолет – это целая искусственная планета. Своя атмосфера, своя флора, своя фауна. Там живут не только микробы. Центр корабля занят оранжереями. Но это не заповедник прошлого. Жизнь на покинутых кораблях миллионы лет развивается без помех. Эволюция идет зигзагами, плодит чудо-

вищ. Так говорят. Кстати, не будь этого, наша находка не представляла бы интереса.

– Почему?

– Кораблей Пятой культуры найдено много. Они почти одинаковы. Но эволюция на каждом из них шла по-своему – клад для биологов! Я стоял на поверхности корабля и не мог сообразить, где искать вход. И пошел наугад, и мне повезло.

– На вас напали чудовища?

– Нет. Просто я посадил зонд в нужное место. Я сделал всего несколько шагов, и металл подо мною задрожал. Ускорения не ощущалось, но звезды исчезли, стало темно и огни зонда тоже скрылись из виду.

Потому вспыхнул свет. С трех сторон меня окружали слепые стены. Четвертая стена была прозрачной.

Собственное, дальше я мог не идти. Нашу маленькую Олимпиаду я и так выиграл. Чтобы вернуться, достаточно было остаться в подъемнике, и он вынес бы меня наверх. Но ждать я не стал. Торопясь, чтобы лифт не ушел, я шагнул внутрь корабля сквозь прозрачную стену.

– И на вас напали чудовища?

– Я вынул из кобуры пистолет и шагнул внутрь. План звездолета я знал. Все входы соединены тоннелями с рубкой управления. Раньше я много читал о навигационных приборах Пятой культуры. Да и очевидцы рассказывали. Мне хотелось увидеть это своими глазами. Профессиональное любопытство, если угодно. Главное было никуда не сворачивать. Особенно в переходы, ведущие вглубь, к оранжереям. До рубки было километра полтора. Воздуха в скафандре оставалось на два часа. Стены тоннеля, загибаясь, вели вдаль. Странные стены. Там ветерок дул вдоль тоннеля – слабый такой, почти неощутимый. Вентиляция или просто сквозняк. Но за миллионы лет этот ветерок такое сделал со стенами – никогда не поверил бы, если бы кто рассказывал. Он все скруглил, загладил все неровности. Отполировал стены до блеска.

В общем, там было чисто и светло. Я вложил пистолет в кобуру и даже застегнул ее. Возможно, не так уж страшны эти старые звездолеты. Никакого движения не замечалось даже в боковых ответвлениях – дорогах в глубь корабля. Я шел и размышлял о разных вещах. В основном о том, как попроще представить себе миллион лет. Задумавшись, я не заметил, как обстановка в тоннеле изменилась. Стало темнее, от сглаженных выступов потянулись длинные тени. И моя собственная тень извивалась впереди, на магнитном полу и стенах. Я брел неизвестно куда. Справа зияли отверстия боковых ответвлений. Незащищенный, я шагнул по открытому месту, а из узкой черноты нор за мною кто-то следил.

Это было как наваждение – от тишины, полумрака, ритма шагов... Я остановился. Но впереди, сливаясь с моей тенью, шевелилось что-то черное, длинное.

Как толстая слепая змея, оно двигалось там, неуклюже тыкаясь в стены. Оно меняло форму у меня на глазах, а потом размеренно закружилось, становясь вывернутым наизнанку смерчем с нацеленной на меня глубокой воронкой. Вращение замедлялось.

Отступить я не привык. Я вновь расстегнул кобуру и приблизился к черной воронке.

Она уже не вращалась. Как чья-то симметричная пасть, она застыла поперек тоннеля, и ее края сливались с его стенами. По внутренней поверхности воронки бежали концентрические волны.

Я стоял перед ней неподвижно.

Черные волны сходились в центре воронки, утихая. Я заметил, что воронка мелеет. Она распрямилась, становясь гладкой мембраной, отделявшей меня от цели.

Я торопился, но время и кислород у мене еще были. Я стоял неподвижно. Мембрана была живой и упругой. Время от времени она вздрагивала, словно чего-то ждала.

Я положил руку на пистолет.

Мембрана напруглась, стала заметно тверже.

Я снял руку. Мембрана снова расслабилась, она стояла, боязливо подрагивая, и почему-то напомнила мне собаку. Бездомную собаку, ждущую, чтобы с ней заговорили.

Она загоразживала мне путь, но я к ней хорошо относился. Время у меня пока было. Я сел перед нею на гладкий пол.

«Я тороплюсь, – сказал я ей. – Мне хочется попасть в рубку, и у меня мало воздуха. Ты меня понимаешь?».

Казалось, она внимательно слушает.

«Пусть это прихоть, – сказал я, – но мне очень хочется там побывать. Пропусти меня, пожалуйста».

Она заколебалась.

«Пожалуйста, пропусти меня в рубку», – еще раз попросил я.

Задрожав, она медленно расступилась. И я пошел дальше.

– А пистолет? – напомнил я, когда он замолчал. – Куда он делся? Вы обещали...

– Да, – сказал он неопределенно. – Потом я оказался в рубке. Я долго пробыл там, разглядывая диковинные приборы, назначение которых знал из книг. Самым любопытным был шар в центре рубки. Специальной тонкой иглой я прокалывал в нем отверстия, и против них на сферических стенах загорались звезды, как изображение в планетарии. Если бы я нарисовал на шаре настоящее звездное небо какого-нибудь района, корабль немедленно перенес бы меня туда. Но вероятность случайного совпадения ничтожна, и я мог забавляться сколько угодно. Вдруг в разгаре своих занятий я обнаружил, что прошло уже больше часа и что нужно срочно возвращаться к зонду, если я не собираюсь остаться здесь навсегда. Я побежал к выходу.

– Понятно. – Разумеется, я был разочарован. – Короче говоря, вы забыли пистолет в рубке.

– К сожалению, нет. В тоннеле я снова наткнулся на мембрану. Она ждала меня, виляя несуществующим хвостом. Мы хорошо относились друг к другу. Казалось, все было как в прошлый раз. Но вы понимаете, что ситуация изменилась.

«Пропусти меня, пожалуйста, – сказал я ей. – Я очень тороплюсь».

Она уловила нетерпение в моем голосе и заколебалась.

«Пожайлуста, пропусти», – еще раз попросил я.

Она напряглась, стала плотнее.

«Пропусти», – повторил я. Спокойно, как мне казалось.

Она сделалась еще тверже. Я ее понимал, но у меня не было времени. Я уже ничего не мог с собой поделаться.

«Немедленно пропусти меня! – крикнул я. – Ты меня слышишь?»

Она вздрогнула, подалась назад, уплотнилась, и стала глухой, как стена крепости.

– И вы...

– Да, – сказал он. – Если бы у меня не было пистолета, все было бы по-другому. Я нашел бы нужные слова. Но пистолет был.

Он замолчал, потом сказал:

– С тех пор нигде и никогда у меня не было случая, чтобы оружие было действительно необходимо. Я убежден, что таких ситуаций нет. Вы применяете оружие только потому, что оно висит у вас на поясе.

Потом он сказал:

– А когда его нет, лучше.

Потом он ушел, а через полчаса объявили рейс на Солнечную систему, и я в толпе других двинулся на посадку.

Не может быть

Михаил КРИВИЧ, Ольгерт ОЛЬГИН

За бронированной стеной подземного коридора тихо жужжали колонны синтеза. Каждые три минуты – хоть проведи часы – контору сотрясал грохот: свежая партия нефти низвергалась в хранилище.

Мастер приоткрыл базальтовую дверь своего кабинета и, склонив набок голову-треуголку, прислушался к ровному гулу. «Надо бы сделать профилактику», – подумал он. Но этим займется уже его сменщик, который, должно быть, сидит сейчас в мягком кресле на борту «Пришельца-154» и листает руководство по черному и белому синтезу. Отличная книга! А вторая ее глава «Способы обеспечения незаметности при изготовлении в земных условиях вязких горючих жидкостей» не уступит хорошей детективной поэме...

Из динамика раздался мелодичный хруст: начиналось диспетчерское. Шеф, как всегда, запросил сначала группу реализации. Выслушав сводку суточного сбыта, он распорядился: – Снимите часть с каспийского шельфа и подкиньте на север – им надо выполнять повышенные обязательства. И не забудьте о Венесуэле, у них запасы на исходе. Группа синтеза, что у вас?

– Претензии к группе сырья, – ответил Мастер. – Гонят сплошную серу, очищать не успеваю. Так мы им всю атмосферу погубим. Сернистый газ и все такое...

– Претензию записал, – сказал Шеф и включил группу удовлетворения разведки.

– За сутки, – сообщил радостный голос, – они прошли в общей сложности аж 13 545 метров. Восемь скважин достигли пятикилометровой отметки. Разрешите подать им нефть?

– Не горячись, – сказал Шеф. – Пусть еще денек посверлят. А там подавай,

только понемногу, как в инструкции сказано.

Все шло обычным чередом. Кто-то никак не мог вырвать у снабженцев давно разнаряженный газовый конденсат, нерасторопный диспетчер заслал в Африку бурый уголь вместо каменного, на восьмом участке перестарались и чуть было не погнали в скважину чистейший керосин двойной ректификации...

Мастер выключил селектор и занялся текущими делами. Лишь к полудню он смог наконец разогнуть спину. «Сейчас бы горяченького», – подумал Мастер, и в ту же минуту, будто получив телепатический сигнал (что совершенно невозможно в этих катакомбах), в кабинет вошел Калькулятор с дымящейся чашечкой на подносе. Мастер откровенно симпатизировал этому парню: помимо умения выполнять в уме все девять действий арифметики, он обладал еще качеством, бесценным в длительных командировках, – бесподобно заваривал хину.

Прихлебывая бодрящий напиток, Мастер любовался ладной, изящно расширенной в талии фигурой юноши. «А я вот старею, худею, – думал он. – В такой суете разве за талией уследишь...» Как будто для того, чтобы подтвердить горькую правду о суете, зажегся сигнал срочного вызова, торопливый голос объяснил Мастеру, что на экспериментальной колонне близ Кракатау сорвало заглушку и пары полезли наружу, пугая местное население. Такое случалось уже не впервые: колонны серии «ВВВ-С», установленные на Японских островах, в Исландии и еще где-то, время от времени барахлили и ломались, а выработку давали чепуховую, кот заплакал, стыдно людям показать.

Мастер послал на Кракатау двух техников по герметизации, а также агента тайной службы, отвечающего за маскировку объектов, и в ожидании известий попросил Калькулятора приготовить еще чашку напитка.

– Я давно хочу спросить у вас, Мастер, – сказал юноша, наливая заварку, – но все не решаюсь. Во что нам обходится вся эта филантропия и зачем она понадобилась? Проку-то с этого мы никако-

го не имеем. Они и в пришельцев не верят...

— Конечно, мальчик. В пришельцев они верить не хотят. Можно украсть у них из-под носа целый остров, чуть ли не материк, а им кажется, что так и надо: ты же знаешь эту историю с Атлантидой. А если завтра мы с тобой по всем правилам опустим под воду Австралию, знаешь, о чем они начнут спорить? О том, была ли она вообще! Но мы же здесь сидим не ради благодарности...

— А ради чего?

— Солидарность — вот в чем дело. Собратья по разуму и так далее. Нельзя же оставить их совсем без энергии. Когда они еще доберутся до контролируемого термоядерного синтеза. А пока приходится варить им всякое горючее, на любой вкус — потверже и пожиче. И обходится нам это ежемесячно в пять миллионов звонких балабусиков. Зато когда они собираются на свои конгрессы и начинают спорить, откуда взялась нефть, — это стоит послушать. За такое удовольствие не жалко платить и больше...

— Возможно это и так, Мастер, — сказал юноша. — Но главного-то вы мне так и не сказали: а зачем им вообще эта дурацкая энергия?

— Видишь ли, мальчик, эти славные существа, к которым мы все так расположены, бог-весть когда придумали ужасную штуку и до сих пор в нее верят. Они вбили себе в голову, что вечного двигателя построить нельзя!

— Не может быть, — сказал юноша.

1973, № 8

Вы еще о нас пожалеете!

Анатолий ГЛАНЦ

Когда-то мы, лазики, селились на обширных территориях. Больше всего нас было в детской. Из лоджии, помнится, нас выдувало ветром. Митинги мы обычно устраивали в ванной — шум воды хорошо заглушает прения.

Старики помнят, как распухали головы от чудовищного числа заседаний. Каждый лазик должен был переговорить с каждым и рассказать ему, о чем он разговаривал с остальными. Это было трудно. Садились голос. Мы ждали прихода жарких дней, чтобы как следует прогреть связки. Ожидание отнимало время, и большинству из нас не удавалось состариться. Смертность исчезла. Нам грозило перенаселение.

Самые состоятельные — те, которые изобрели тачки для перевозки пылинок и спирали для пересушивания обуви в сундуках, — на вырученные средства обзаводились двухполосными переключателями бытия. В медовые дни бабьего лета они уходили из жизни, оставив после себя сладковатый дымок недомогания. Что оставалось делать остальным — неимущим и бессмертным?

Упомяну о трагической истории, которая произошла с моим старшим братом. Пытаясь накопить деньги на покупку переключателя, он перешел из бригады осыпателей штукатурки на трудную, но высокооплачиваемую должность наносчика царапин на хрусталь. Брат рассчитывал на крупную премию после завершения работ по оцарапыванию антикварных бокалов. Когда дело близилось к концу, хозяин квартиры неожиданно отнес посуду в комиссионный магазин. Для брата это было сильнейшим ударом, оправиться от которого он уже не смог. Брат покатился по наклонной плоскости. Был зазывалой сверчков в дымоходы. Долгое время работал поджигателем паутины. Если вам случалось видеть, как ис-

крит электрическая розетка при включении утюга, — знайте, это постарался мой брат. Он управляет силой искрения. Работа вредно отразилась на его здоровье. Брат практически полностью потерял зрение.

Судьбы других лазиков оказались немногим лучше. Но каждый работал сколько мог.

Из года в год мы добивались изысканной потертости, совершенствовали гармонию вещей. Невероятными усилиями создавали мы то, что принято называть домашним уютом. Из внесенных в людское жилище сверкающих, безликих, пахнущих производством предметов мы в сжатые сроки мастерили обстановку так называемого домашнего очага. Не позволяя распадаться семьям, делали человека добрее и благоразумнее.

Если не считать чрезмерной продолжительности жизни, такое существование следовало признать сносным. Что мы и делали на каждом новом заседании.

Так бы нам, лазикам, жить и жить, но тут нагрязнула беда. Кто мог предположить, что мы, всепроникающие и вездесущие, окажемся беззащитными перед... перед... Я не хочу произносить это слово.

У людей появились средства на всякий случай и даже такие, для которых в природе случаев не предусмотрено. О эти чистящие порошки! О моющие средства, политуры и мастики! А чего стоят эти высокопарные названия — «Лоск», «Эра», «Аэлита»... Плюнуть хочется.

Кое у кого складывается превратное мнение, будто мы стали жертвами новомодных соединений. Как бы не так. Лазиков голыми руками не возьмешь. Мы вязнем в пастах, продираемся сквозь слои эмульсий, то и дело спотыкаемся на антистатиках и выходим сухими из дезодорантов. Все это пустяки. Произошло нечто гораздо худшее: людям удалось лишить нас доступа к рабочему месту.

А без работы мы вырождаемся.

У каждого народа своя судьба. Наш звездный час позади. Гибнет некогда великая цивилизация.

Без нас все труднее жить людям. Они разгуливают по вылизанным квартирам,

затевают перестановки, измышляют невиданные расцветки и неслыханные конструкции. Но ни один из них не в состоянии понять, что растущий душевный дискомфорт — дело его собственных рук. Блага цивилизации меньше всего способны восстановить нарушенную гармонию.

Мы еще существуем. Нас можно повстречать у внутреннего порожка дверей, откуда трудно вымести мусор. Там мы находим себе кое-какое пропитание и развиваем скудную деятельность. Приводим в порядок кладовки и чуланы, возимся в сараях и на антресолях, совершенствуем внешний вид предметов, которые выпали из поля зрения хозяев. По правде говоря, это почти безработица. Дни лазиков сочтены. Смешно подумать: когда-то мы мечтали уйти из жизни!

Нас остается все меньше. Еще десяток-другой лет — и люди поймут, наконец, чего лишились, и вспомнят с печалью о незаметных тружениках, терпеливых создателях домашнего уюта.

Вот увидите, так оно и случится.

1988, № 5

Капкан на гения

Святослав *ЛОГИНОВ*

Добрая Дуся

Мы садились пить чай, когда в открытую форточку медленно влетело летающее блюдце.

– Какая прелесть! – воскликнула Дуся, заметив его. – У нас как раз не хватает такого.

Теперь космический корабль стоит в серванте, а марсиане улетели в большой фаянсовой тарелке, которую подарила им добрая Дуся.

Капкан на гения

С Безумным Профессором я познакомился случайно. Он схватил меня на улице и потащил в сарай, где была его лаборатория, показывать свое дикое изобретение.

– Когда я включаю ток – сурово вещал он, – я отключаю поблизости гравитацию. Прибор гениально прост. Я даже удивлялся, почему никто не изобрел его раньше. Но теперь догадываюсь: просто я первый гений в этом глупом мире.

Профессор торжественно воткнул вилку в розетку, и в то же мгновение гравитатор, и сам Безумный Профессор, и весь сарай унеслись в вечернее небо. Один я остался внизу.

Отныне я твердо знаю, куда девались гении минувших времен – предшественники Безумного Профессора.

Комплекс неполноценности

Робота Степку не взяли в гарантийный ремонт.

– Все, изнашивается, – сказал он сам себе. – Скоро на свалку отвезут. Плохо быть старым, весь скрипишь, память прохудилась, а быстрое действие...

И Степка со скрежетом покатил к своему ангару. По дороге ему встретилась группа людей.

– Счастливые – подумал робот. – Тело восстанавливается само, запчастей не надо, и смазка не нужна.

Проходившие люди возвращались с лекции, на которой им доказали, что в ближайшем будущем роботы повсюду заменят людей.

Второе начало

Чайнику хотелось закипеть, но плита была слишком далеко.

– Может быть, все-таки закипеть? – думал он. – Это же просто, в воздухе сколько угодно горячих молекул. Нет, нет... Нельзя обижать людей, они так любят второе начало термодинамики, я не в силах их огорчить. А как было бы хорошо! Я восхитительно горяч, а в комнате прохладно и приятно. Но нет, нет, долой соблазн! Не нагреваться!

– Господи, что это? – в ужасе прошептала хозяйка.

На столе стоял замерзший, покрытый инеем чайник.

1987, № 2

Капитан и корабль

Александр СПИРИН

Капитан опять проснулся до подъема. Встать не хотелось. Скоро кровать вздрогнет и корабль затынет какую-нибудь песню. Вчера он спел «Пора в дорогу, старина...» Песня понравилась капитану. Он целый день напевал ее, занимаясь топологической кинетикой, ради которой он и забрался в корабль. Чтоб не мешали работать.

Корабль запел: «Вставайте, граф, вас ждут великие дела!»

«Надо же, «граф», – думал капитан, умываясь. – А впрочем, разве «капитан» лучше? Капитан-пассажир, капитан-груз, капитан-балласт».

Он съел завтрак, приготовленный кораблем. Зачем тут вообще человек? Просто искали добровольца в годичный рейс до планеты Ветерок, где испортилась аппаратура связи. Оператор, прибывший туда на практику через квантовый туннель, огляделся и сказал: «Ну и старье! А это что за рычаг?» Вслед за тем раздался треск и связь оборвалась: перегорел спейсер. Теперь до Ветерка можно добраться только по старинке, на корабле. Новый спейсер лежал в грузовом отсеке, но капитан-балласт не знал, как эта штука выглядит. Его это не интересовало. Его интересовали изофазные полуперекрещения и чтобы никто не мешал.

Капитан доел завтрак и сказал «спасибо». Стол уполз в стену, выдвинул пульт. Капитан углубился в топокинетику. У него мелькнула идея, еще совсем смутная, и тут корабль сбил его с мысли.

– Капитан, – сказал корабль. И замолчал. Капитан попытался ухватить идею, но безуспешно.

– Послушай, – возмутился он, – мы же договорились, что во время работы ты обращаешься ко мне только в исключительных случаях. В чем дело?

– Извините, капитан, небольшой сбой, – сказал корабль.

– У тебя бывают сбои? – удивился капитан и снова взялся за изофазные полуперекрещения. И опять, будто нарочно, корабль остановил его на пороге решения. Словно захлопнул дверь перед самым носом.

– Капитан, – сказал корабль.

– Что такое? – заорал капитан.

– Причина обращения отсутствует, – ответил корабль.

Капитан онемел от возмущения.

– Извините, – вкрадчиво сказал корабль, – я все хотел спросить у вас, не перебежала ли вам дорога перед стартом черная кошка?

– Ты не сломан? – испуганно спросил капитан.

– Нет, я исправен.

– Ты, главное, не волнуйся, – нервно сказал капитан. – Ты исправен, все хорошо, причина обращения отсутствует. Но что-то было, правда?

– Да, – сознался корабль.

– Что же?

– Не могу объяснить. Принцип непричинения лишних волнений.

Капитан почувствовал, что ему становится жарко.

– А тебе не кажется, – вкрадчиво спросил он, – что твое заpiresательство причиняет мне еще больше волнений?

– Нет, не кажется.

– А теперь, когда я знаю про «нет» и могу подозревать худшее?

– Для поддержания ускорения пришлось увеличить расход горючего, – сознался корабль. – Если бы так пошло и дальше, мы не смогли бы выполнить полетное задание. Пришлось бы возвращаться на Землю, но такое решение вправе принять только вы, капитан. Опасная ситуация возникала дважды, но все приходило в норму до того, как я успевал передать вам сообщение.

– А как сейчас?

– Норма, – ответил корабль.

– Не падай духом, – успокоил его капитан. – Разберемся. В конце концов, в твоей памяти все знания человечества.

– Я не нашел объяснения в научных сведениях, – сказал корабль, – а когда привлек ненаучные – ну, про черную кошку, – вы решили, что я сломался.

Капитан отложил неоконченное доказательство и вызвал на экран график расхода топлива. Появилась голубая линия. Перерасходы горючего выглядели на ней, как холмы: плавное нарастание и резкий обрыв. Два пика. Второй заметно тоньше первого, значит, горючее расходовалось быстрее. А высота одинаковая, наверное, это тот критический уровень, когда корабль обращался к капитану. И само обращение устраняло перерасход. Мистика...

Через полчаса капитан сдался. Пора задать работу подсознанию, решил он, и переключился на топокинетику. Время от времени он поглядывал на график. Ничего нового не происходило.

Потом капитан забыл про график. Он вытаскивал из памяти ускользавшее решение – и вдруг увидел его целиком.

– Капитан! – немедленно отреагировал корабль.

– Отстань, – пробурчал капитан. – Сейчас мы перейдем к эн-мерному пространству...

Корабль взывал, требовал, грозил и умолял, но капитан только рычал в ответ, лихорадочно записывая решение. Когда он закончил и взглянул на экран, там выросла огромная ступень, втрое выше первых пиков.

– Пора тормозить, – обреченно сказал корабль. – Один час три минуты пять секунд до начала торможения. Один час три минуты ноль секунд до начала торможения...

Справа вспыхнула ярко-красная точка – видимо, последний момент, после которого на Землю уже не вернуться.

– Пятьдесят пять минут до начала торможения, – выкрикивал корабль. – Пятьдесят четыре минуты... Капитан, поздно будет!

Капитан не слышал его. Догадка медленно всплывала у него в голове. Одновременно красная точка угрожающе сдвинулась влево.

– Двадцать три минуты до начала торможения, – бубнил корабль.

– Замолчи, – сказал капитан. – Я знаю, в чем дело.

Как только он это произнес, красная точка съехала в левый конец экрана. Тормозить надо было два часа назад. А голу-

бая линия образовала очередную ступень.

Корабль молчал.

– Изобрази ноль отсчета, – приказал ему капитан.

На экран снизу вплыла белая горизонтальная линия. Пики и ступени сжались и стали незаметными.

– А ты, оказывается, паникер, – сказал капитан.

– Запаникуешь, – нервно возразил корабль. – Мы в безвыходном положении, а я по-прежнему ничего не понимаю.

– Сейчас поймешь, – ответил капитан. – Дело в том, что информация имеет массу.

– Ничего подобного у меня не записано.

– У тебя еще много чего не записано. Пораскинь мозгами. Отчего увеличивался расход горючего как раз в тот момент, когда я находил решение? Новая информация – добавочная масса. И только.

– Может быть, вы еще объясните, откуда она берется? – злорадно спросил корабль, обиженный предложением пораскинуть мозгами.

– Не знаю, – сказал капитан. – Откуда-то из Вселенной. Но это потом, а сейчас нам надо избавиться от лишней массы и долететь до Ветерка. Что мы можем выбросить за борт?

– Ничего, – сразу ответил корабль. – Разве что вы сами, капитан, можете выброситься, но это довольно сложно. В первых, люк заблокирован, во-вторых, у вас нет инструментов. Поэтому вы берете вилку, проковыриваете пластиковую стенку – я покажу где – и портите блокировку. Люк придется открывать вручную, но он открывается внутрь и вам будет мешать атмосферное давление. Поэтому нужен рычаг. Вы разбираете кресло...

– Стоп, – сказал капитан. – А другого выхода нет?

– Но как же иначе предупредить человечество о том, насколько опасно совершать открытия, особенно те, на которые не рассчитаны ресурсы полета?

Из-под пульта выполз стол. На нем лежала вилка. Внутри кресла что-то тихо зажужжало, со звоном посыпались детали. Капитан вскочил, и в это мгновение от кресла отвалилась ножка.

Закон Фетриджа

Г. Алэн СМИТ

– Чушь какая-то, – сказал капитан, рассеянно крутя вилку. – Я только что сделал два открытия, а ты предлагаешь мне роль балласта.

– Если бы вы могли их забыть, – возразил корабль, – все было бы в порядке. Но вы, люди, неважно устроены. Вы не умеете стирать из памяти информацию.

Капитан положил вилку на пульт и засмеялся.

– Вам плохо? – испугался корабль.

– Мне замечательно! Я не могу стирать, но ты можешь? Ну и сотри, сколько надо, чтобы привести массу в норму.

– А что стирать?

– Что хочешь. Найди что-нибудь.

– Найди то, не знаю что, – проворчал корабль. – Так вообще останешься без памяти.

– Не останешься, – сказал капитан.

– Попробуй начать с песенок.

На следующее утро его разбудил вой сирены.

1987, № 3

Нобелевский лауреат Джон Стейнбек описал свое путешествие на автомобиле через всю страну. Как-то в штате Орегон у него сломалась машина. «Сработал старый закон, – пишет Стейнбек, – согласно которому вам позарез нужен город именно тогда, когда он от вас дальше всего». Один критик заметил, что Стейнбек пал жертвой закона Фетриджа. Достоимый критик ошибается: тут мы имеем дело с законом Гамперсона. Вот типичные примеры действия этого закона:

свободное место для стоянки всегда находится на противоположной стороне улицы;

от окурка, выброшенного из окна машины, начинается лесной пожар, в то время как вам требуется не меньше полутора часов, чтобы разжечь огонь в камине, да еще при помощи бензина, причем дрова сухие, как пустыня в знойный день;

травя, специально посеянная в удобренную почву, не желает расти, а несколько семян той же травы, случайно попавшие в трещинку на асфальте, великолепно прорастают.

Все это и есть закон Гамперсона. Его нельзя смешивать ни со знаменитым законом Паркинсона, ни с законом Мэрфи, гласящим, что если неприятность может случиться, то она случается. Проблема Джона Стейнбека с поломанным автомобилем представляет собой проявление закона Гамперсона в чистом виде. Что же касается закона Фетриджа, то он соотносится с законом Гамперсона так же, как нечаянный наезд на автомобиле с предумышленным убийством.

Вот что такое истинный закон Фетриджа: предположим, что в машине Стейнбека что-то стало дребезжать, греметь и перекатываться, как галька в барабане, и писатель никак не может понять, где именно стучит; он поворачи-

вает назад и едет по Орегонскому шоссе милью за милей, мечтая лишь о том, как бы добраться до гаража, — но как только механик поднимает капот машины, то шум внезапно исчезает. Его нет, как будто никогда не было. Механик садится в машину, делает круг-другой, останавливается и подозрительно смотрит на Нобелевского лауреата Джона Стейнбека...

Закон Фетриджа действует настолько безотказно, что, когда в моей машине что-то начинает стучать, я прямехонько еду к гаражу, объезжаю вокруг него, выжидаю с минуту, чтобы машина почувствовала присутствие опытного механика, и спокойно возвращаюсь домой. Этого оказывается вполне достаточно.

Итак, закон Гамперсона можно сформулировать следующим образом: *«Вероятность получения желаемого результата находится в обратной зависимости от силы желания»*. А закон Фетриджа гласит: *«Событие, которое непременно должно произойти, не происходит, в особенности если за этим специально наблюдают»*.

Например, собака, которая тысячу раз перепрыгивала через палку для собственного удовольствия, ни за что не сделает этого, когда вы специально позвали соседа. Ребенок, свободно говорящий «папа» в присутствии родителей, при посторонних будет в лучшем случае молчать как рыба, а в худшем — орать как сойка.

Интересующий нас закон Фетриджа получил свое название по имени инженера Клода Фетриджа, служащего радиокомпании Эн-Би-Си. Ему пришлось однажды в голову передать в эфир отлет ласточек на зимовку из Южной Калифорнии. В течение последних двух столетий ласточки улетают оттуда 23 октября, а возвращаются 19 марта. Компания выложила немалые деньги за оборудование и его доставку на место ровно к 23 числу. Вся нация с волнением ждала этого репортажа, но тут выяснилось, что ласточки — неизвестно почему — отправились в путь на сутки раньше, чем положено по расписанию. И эта

стая подарила человеку по фамилии Фетридж нечто вроде бессмертия...

Три года подряд мы с женой переселялись на зиму в теплые края. Каждый раз соседи рассказывали нам по возвращении, что зима была на редкость мягкой и бесснежной. В последнюю осень мы решили остаться дома. Естественно, с ноября по март снежные бури обрушивались на нас почти без перерыва. Статистики сообщили, что это была самая холодная зима за последние тридцать лет. Следовательно, закон Фетриджа действует и в метеорологии.

На шкалу компаса, как известно, нанесены тридцать два направления, и по каждому из них с равной вероятностью может брызнуть струйка сока, когда вы чистите грейпфрут. Однако профессор химии Луис Сэттлер доказал, что на самом деле существует лишь одно-единственное направление — то, которое ведет прямо в глаз. Профессор, таким образом, существенно расширил зону действия закона Фетриджа.

Я тоже внес посильный вклад в научную разработку этого закона. Больше того, я научился извлекать из него выгоду. Однажды у меня адски разболелся зуб, а я давно уже заметил, что зубы предпочитают болеть либо в праздники, либо когда мой дантист отдыхает. В то воскресенье зуб пульсировал, как дизельный двигатель. Я буквально умолил дантиста прервать отдых и принять меня. Но как раз в тот момент, когда я усаживался в зубоврачебное кресло, зуб перестал болеть. Так я открыл, что закон Фетриджа не всегда плох, коль скоро он способен лечить зубную боль.

1987, № 9

К нам едет ревизор!

В. КОТЬ

– Пишите, Аллочка. Приказ. Директора завода «Гвоздодер» Шляпьева Бэ Эр и главного инженера Лешего Эс Пе за неритмичную работу и представление текущей отчетности объемом восемь машинописных страниц лишить квартальный премии. Предупредить руководство фабрики-кухни «Ундина» о недопустимости дальнейшего раздувания отчетности, достигшей за последний квартал четырех страниц. Поздравить коллектив и администрацию завода «Стирпор» с победой в годовом соревновании, отчислить в фонд поощрения максимальный процент прибыли. Мо-лод-цы! (Так и пишите: молодцы, а в конце восклицательный знак). Подпись. Дата.

Степан Вахтангович, осанистый руководящий работник, расхаживал по кабинету, украшенному еловыми ветками, а я топтался в дверях, дожидаясь, пока он или секретарша обратят на меня внимание. Вопрос у меня был мелкий: где у них помещается бухгалтерия.

Я никак не мог ее отыскать, да и самый кабинет нашел с трудом, изрядно проблуждав среди нагруженных снежными шапками деревьев сада, под которыми бегали, кувыркались, катались с горок закутанные в шубки румяные малыши. По какой бы я дорожке ни двинулся, она почему-то упиралась в дверь с нарисованной морковкой или клубничкой. Между тем, согласно справочнику, в этом здании должно было помещаться солидное, взрослое учреждение. И лишь едва заметная тропка между сугробами наконец привела меня к нормальной, облупленной двери без картинок...

– Возьмите новый лист. Адрес министерства... Пишите. Годовой отчет. За истекший год предприятия вверенного мне управления представили отчетность суммарным объемом двадцать семь машинописных страниц. Перевыполнены постав-

ки по позициям восемь – пятнадцать на полтора процента и девять – девятнадцать на ноль целых семь десятых. Недовыполнены...

(Список невыполненных был немногим длиннее.)

– В свете вышесказанного считаю своевременной постановку вопроса об упорядочении вверенного мне управления как избыточного звена аппарата. Подпись. Дата – тридцать первое декабря.

Ничего, Аллочка (это вы не пишите), работа найдется – вы же театральные кончали! Да и я хоть в самодеятельности, но Гамлетом был не из последних...

Степан Вахтангович внезапно повернулся ко мне, и его мужественное лицо побледнело:

– Молодой человек, что вы здесь ищете?

Наконец-то на меня обратили внимание... Насчет молодости – это всеобщее заблуждение. На самом-то деле мне крепко за тридцать, но выгляжу я юным. А что мне стареть? Должности всегда занимаю маленькие, не надрываясь, не нервничаю... В этом городе я недавно, перебрался на службу в Главпрополку – там главбухом, по секрету сказать, состоит мой дядюшка. Он-то и дал мне ответственное поручение: конфиденциально сообщить его коллеге пренеприятное известие...

– Я иду бухгалтерию.

Почтенный человек от этих слов окончательно сник, приказал секретарше опустить шторы, запереть дверь – и оставить нас наедине.

– Расскажу ему все! – воскликнул он с пафосом.

И вот о чем я узнал.

Три года назад к Степану Вахтанговичу приехал дальний родственник, студент биофака. Приближался срок сдачи годового отчета, управление ходило ходуном, и его начальнику было, честно говоря, не до гостей. О чем студент не знал, да так и не узнал.

Спустя пару дней, отъевшись и отошпавшись, юнец начал совать нос в бумаги, которые сверхдобросовестный Степан Вахтангович носил по вечерам домой, –

горы отчетных таблиц, именуемых среди служилого люда «простынями». Ведь управление – шутка сказать! – это десятки предприятий, один «Стирпор» чего стоит, полреспублики его порошком стирает... С каждого предприятия «простыни» идут сотнями. Легко ли свести все эти звересты воедино да представить в министерство без опоздания – сами понимаете. А тот нахальный гость походил вокруг, пошмыгал носом, да и заявляет: чепухой, мол, занимаетесь, дядя Степа.

Степан Вахтангович обиделся. Ничего себе чепуха. Каждую цифирь ведь лично проверить надо! Биолог же этот недочувившийся не унимается. Смотрите, говорит, в графе слева у вас пишется плановая величина – справа выполнение. Видите? Гвоздодеры авиационные: слева 732 – и справа 732. Подковы верблюжьи... 1347 – и справа столько же. Сколько всего в таблице названий?

Поглядели – две тысячи с гаком.

Ну, а не сходятся цифры, план с выполнением, по скольким? (Можно ли быть таким вьедливым?)

Гостеприимный Степан Вахтангович не ленится, просчитывает – получается,

всего по восемнадцати. Тут гость и заявляет, что отчитываться следует только об этих восемнадцати. Прочая же писанина, дескать, противоречит законам природы. Взять, к примеру, наш организм. В нем сигналы поступают в верховную инстанцию, в мозг то есть, только тогда, когда что-то не в порядке, отклоняется от нормы. Когда же все органы в исправности, ничего мы и не чувствуем...

Так вот, в управление, а потом в министерство ни к чему сигналить о том, что исполнено строго по плану: мозгу нужно знать только об отклонениях, так их на биофаке учили.

Тогда Степан Вахтангович парнишку шуганул да снова уткнулся в бумаги. Но потом, страдая бессоницей, как вообразил вместо горы простыней один-единственный листок с восемнадцатью строчками – чуть не заплакал.

Неделю спустя, когда студент уехал, прибыло в город начальство из министерства, человек понимающий да вдобавок старинный друг Степана Вахтанговича. Посовещались они – и договорились на свой страх и риск поставить эксперимент: собирать у заводов да потом сообщать в

министерство сведения только об отклонениях (плановые цифры там и так знают). Ну, и не болтать о затее до поры до времени – вдруг неладно получится?

И пошла в управлении жизнь тихая, райская. Следующий годовой отчет занял всего два десятка страничек.

Первым не выдержал такой благодати главный инженер. Пришел с заявлением об уходе. Стыдно, мол, штаны зря протирать, пойду на производство. А уж на заводе ему радовались, специалист ведь знаменитый! За главным потянулись инженеры помоложе, за ними плановики, за плановиками снабженцы. И все – с полным соблюдением служебной тайны.

Дольше всех держалась бухгалтерия. Там работали женщины прочные, усидчивые. Но по весне и они взбунтовались: что это за каторга, даже поговорить не с кем – одни в здании. И подались коллективно на «Стирпор», там как раз производство расширили.

Степан Вахтангович остался в громадном корпусе вдвоем с секретарем. И тут осенила его еще одна идея. Тихо, чтобы никто не знал, он передал опустевшие помещения детскому садику, зачем же им простаивать?

Наконец, он понял, что ему с Аллочкой тоже можно подыскать другое занятие. Зачем вообще управление, если дела и так идут хорошо, планы выполняются, бумаг почти нет? Ведь премии, по новой ведомственной инструкции, так и платят – «при условии непредоставления отчетности». Осталось только дожидаться соответствующего решения руководства, в такой момент особенно опасен любой сбой...

Только теперь, облегчив душу, Степан Вахтангович полюбопытствовал, зачем мне бухгалтерия. А услышав – схватился за голову. Оно и понятно: к нам едет ревизор! (Об этом по секрету шепнул дядюшке некий его дружок.) Ревизор из постороннего ведомства, о тайном эксперименте не осведомленный. Представляете, чем это пахнет: ни бухгалтерии не найдет, ни планового отдела...

Степан Вахтангович – надо отдать ему должное – горевал недолго. Позвонил в министерство, попросив пустить в ход не-

кое загодя поданное заявление, потом в местное управление культуры, с которым долго спорил по поводу какого-то серого волка. А когда я потянулся попрощаться, вдруг попросил:

– Не уходите, пожалуйста, вы нам очень нужны. А костюмы сейчас подвезут.

Так попросил, что я, бывалый служащий, сразу позабыл о близком конце рабочего дня. Очень скоро мы втроем, наряженные, неузнаваемые, двинулись узким коридором к ярко освещенному залу. Степан Вахтангович вошел первым – и громко пробасил: «А вот и я пришел, подарков вам принес!» Ответом ему были многоголосый хохот и визг детей, рассеявшихся по лавкам вокруг елки. Мы со Снегурочкой стали разыгрывать под ней сценки, наскоро выученные в кабинете, а новоиспеченный артист областной филармонии Степан Вахтангович, высоченный, осанистый – прирожденный Дед Мороз – возвышался над нами, время от времени подбадривая нашу игру благосклонными шутками. Наконец, нарушая утвержденный сценарий, я начал катать на спине ликующую публику – и одна девчушка, поцеловав мою оскаленную морду, заявила, что Серый Волк здесь – самый добрый.

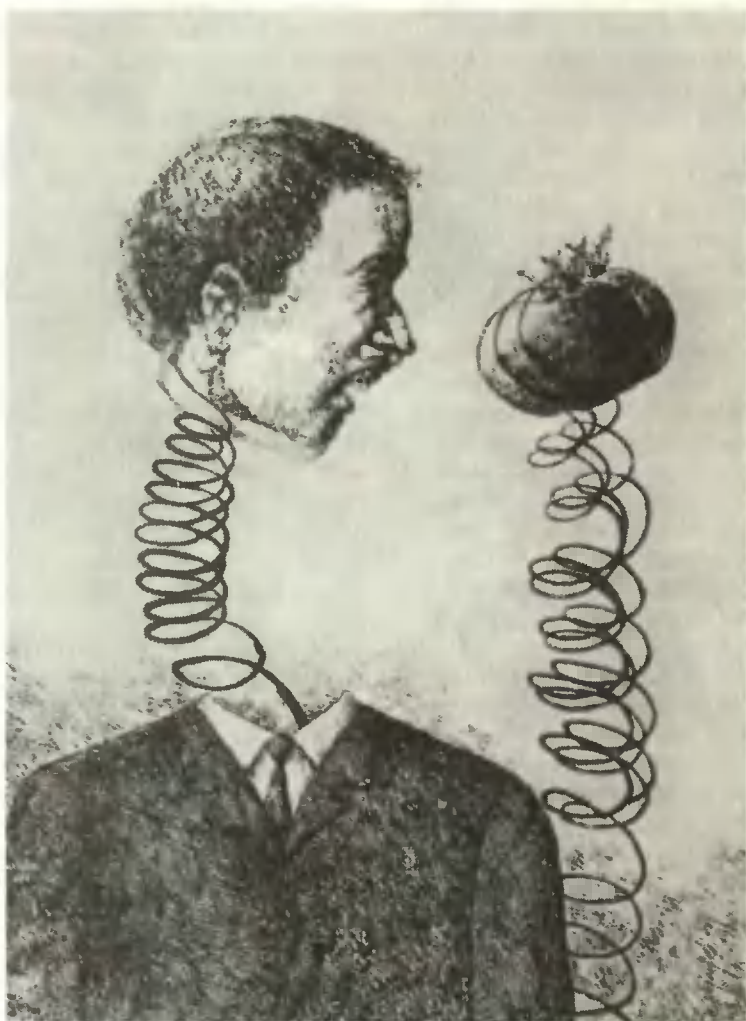
А я понял, что жизнь придется начинать сначала. За тем, что ли, я родился на свет, чтобы лениво, избегая стресса, подшивать бумажки? Ну, дотяну до столетнего юбилея – так кому от этого будет радость? Не лучше ли так, надрываясь до одышки, веселить и катать на себе ребятню?

Об этом и о многом другом мы долго говорили со Снегурочкой, она же Аллочка, когда все вместе встречали Новый год. Что же касается ревизора, то он действительно вскоре приехал – и пришлось нам с дядюшкой искать другую работу, что лично меня ничуть не огорчило.

Но и моя новая работа, и Аллочка – это уже совсем другая сказка.

1984, № 12

НЕ СЛИШКОМ СЕРЬЕЗНАЯ
ФАНТАСТИКА

Любимый ученик факира

Кир БУЛЫЧЕВ

События, впоследствии смутившие мирную жизнь города Великий Гусляр, начались, как и положено, буднично.

Автобус, шедший в Великий Гусляр от станции Лысый Бор, находился в пути уже полтора часа. Он миновал богатое рыбой озеро Копенгаген, проехал дом отдыха лесных работников, пронесся мимо небольшого потухшего вулкана. Вот-вот должен был открыться за поворотом характерный силуэт старинного города, как автобус затормозил, съехал к обочине и замер, чуть накренившись, под сенью могучих сосен и елей.

В автобусе люди просыпались, тревожились, будили утреннюю прохладу удивленными голосами:

– Что случилось! – спрашивали они друг у друга и у шофера. – Почему встали? Может, поломка? Неужели авария?

Дремавший у окна молодой человек приятной наружности с небольшими черными усиками над полной верхней губой также раскрыл глаза и несколько удивился, увидев, что еловая лапа залезла в открытое окно автобуса и практически уперлась ему в лицо.

– Вылезай! – донесся до молодого человека скучный голос водителя. – Загорать будем. Говорил же я им, куда мне на линию без домкрата? Обязательно прокол будет. А мне механик свое, не будет сегодня прокола и у домкрата все равно резьба сошла!..

Молодой человек представил себе домкрат с намертво стертой резьбой и поморщился: у него было сильно развито воображение. Он поднялся и вышел из автобуса.

Шофер, окруженный пассажирами, стоял на земле и рассматривал заднее колесо, словно картину Рембрандта. Мирно шумел лес. Покачивали гордыми вершинами деревья. Дорога была пустынна. Лето уже вступило в свои права. В кювете цвели одуванчики, и кареглазая девушка в костюме джерси и голубом платочке, присев на пенечке, уже плела венок из желтых цветов.

– Или ждать, или в город идти, – сказал шофер.

– Может, мимо кто проедет? – выразил надежду невысокий плотный белобрысый мужчина с редкими блестящими волосами, еле закрывающими лысину. – Если проедет, мы из города помощь пришлем.

Говорил он авторитетно, но с некоторой поспешностью в голосе, что свидетельствовало о мягкости и суетливости характера. Его лицо показалось молодому человеку знакомым, да и сам мужчина, закончив беседу с шофером, обернулся к нему и спросил прямо:

– Вот я к вам присматриваюсь с самой станции, а не могу определить. Вы в Гусляр едете?

– Разумеется, – ответил молодой человек. – А разве эта дорога еще куда-нибудь ведет?

– Нет, далее она не ведет, если не считать проселочных путей к соседним деревням, – ответил плотный блондин.

– Значит, я еду в Гусляр, – сказал молодой человек, большой сторонник формальной логики в речи и поступках.

– И надолго?

– В отпуск, – сказал молодой человек. – Мне ваше лицо также знакомо.

– А на какой улице в Великом Гусларе вы собираетесь остановиться?

– На своей, – сказал молодой человек, показав в улыбке ровные белые зубы, которые особенно ярко выделялись на смуглом, загорелом и несколько изможденном лице.

– А точнее?

– На Пушкинской.

– Вот видите, – обрадовался плотный мужчина и наклонил голову так, что луч солнца отразился от его лысинки, попал зайчиком в глаз девушки, создававшей венок их одуванчиков, и девушка зажмурилась. – А я что говорил?

И в нем была радость, как у следователя, получившего при допросе упрямого свидетеля очень важные показания.

– А в каком доме вы остановитесь?

– В нашем, – сказал молодой человек, отходя к группе людей, изучавших сплюснутую шину.

– В шестнадцатом? – спросил плотный блондин.

– В шестнадцатом.

– Я так и думал. Вы будете Георгий Боровков, Ложкин по матери.

– Он самый, – ответил молодой человек.

– А я – Корнелий Удалов, – сказал плотный блондин. Помните ли вы меня, если я вас в детстве качал на колене?

– Помню, – сказал молодой человек. – Ясно помню. И я у вас с колена упал. Вот шрам на переносице.

– Ох! – безмерно обрадовался Корнелий Удалов. – Какая встреча! И неужели ты, сорванец, все эти годы о том падении помнил?

– Еще бы, – сказал Георгий Боровков. – Меня из-за этого почти незаметного шрама не хотели брать в лесную академию раджа-йога гуру Кумарасвами, ибо это есть физический недостаток, свидетельствующий о некотором неблагоприятестве богов по отношению к моему сосуду скорби.

– К кому? – спросил Удалов в смятении.

– К моему смертному телу, к оболочке, в которой якобы спрятана нетленная идеалистическая сущность.

– Ага, – сказал Удалов и решил больше в этот вопрос не углубляться. – И надолго к нам?

– Не месяц или меньше, – сказал молодой человек. – Как дела повернутся. Может, вызовут обратно в Москву... А с колесом-то плохо дело. Запаска есть?

– Без тебя вижу, – ответил шофер с некоторым презрением глядя на синий костюм, на импортный галстук, повязанный, несмотря на утреннее время и будний день, и на весь изысканный облик молодого человека.

– Запаска есть, спрашивают? – вмешался Удалов. – Или тоже на базе оставил?

– Запаска есть, а на что она без домкрата?

– Ни к чему она без домкрата, – подтвердил Удалов и спросил у Боровкова: – А ты, говорят, за границей был?

– Стажировался, – сказал Боровков. – В порядке научного обмена. Надо будет автобус приподнять, а вы тем временем подмените колесо. Становится жарко, а люди спешат в город.

– Ну и подними, – буркнул шофер.

– Подниму, – сказал Боровков. – Только попрошу вас не терять времени даром.

– Давай, давай, шеф, – сказала ветхая бабушка из толпы пассажиров. – Человек тебе помощь предлагает.

– И она туда же! – сказал шофер. – Вот ты, бабка, с ним на пару автобус и подымай.

Но Боровков буднично снял пиджак, передал его Удалову и обернулся к шоферу с видом человека, который уже собрался работать, а рабочее место оказалось не подготовлено.

– Ну, – сказал он стальным голосом.

Шофер не посмел противоречить такому голосу и поспешил за запаской.

– Расступитесь, – строго сказал Удалов. – Разве не видите?

Пассажиры немного подались назад. Шофер с усилием подкатил колесо и брякнул на гравий разводной ключ.

– Отвинчивайте, – сказал Боровков.

Шофер медленно отвинчивал болты, и его губы складывались в ругательное слово, но присутствие пассажирок удерживало. Удалов стоял в виде вешалки, держа пиджак Боровкова на согнутом мизинце, и спиной оттеснял тех, кто норовил приблизиться.

– А теперь, – сказал Боровков, – я приподниму автобус, а вы меняйте колесо.

Он провел руками под корпусом автобуса, разыскивая место, где можно взяться понадежнее, затем вцепился в это место тонкими, смуглыми пальцами и без натуги приподнял машину. Автобус наклонился вперед, будто ему надо было что-то разглядеть внизу перед собой, и вид у него стал глупый, потому что автобусам так стоять не положено.

В толпе ахнули, и все отошли подальше. Только Корнелий Удалов, как причастный к событию, остался вблизи.

Шофер был настолько подавлен, что мгновенно снял колесо, ни слова не говоря подкатил другое и начал надевать его на положенное место.

– Тебе не тяжело? – спросил Удалов Боровкова.

– Нет, – ответил тот просто.

И Удалов, с уважением оглядел племянника своего соседа по дому, дивясь его внешней субличности. Но тот держал машину так легко, что Удалову подумалось, что, может, автобус и впрямь не такой уж тяжелый, а это только сплошная видимость.

– ...Все, – сказал шофер, вытирая со лба пот. – Опускай.

И Боровков осторожно поставил зад автобуса наземь.

Он даже не вспотел и ничем не показывал усталости. В толпе пассажиров кто-то захлопал в ладоши, а кареглазая девушка, которая кончила плести венок из одуванчиков, подошла к Боровкову и надела венок ему на голову. Боровков не возражал, а Удалов заметил:

– Размер маловат.

– В самый раз, – возразила девушка. – Я будто заранее знала, что он пригодится.

– Пиджачок извольте, – сказал Удалов, но Боровков засмутился, отверг помощь Корнелия Ивановича, сам натянул пиджак, одарил девушку белозубой улыбкой и, почесав свои черные усики, поднялся в автобус, на свое место.

Шофер мрачно молчал, потому что не знал, объяснить ли на базе, как автобус голыми руками поднимал незнакомый молодой человек, или правдивее будет сказать, что выпросил домкрат у проезжего МАЗа. А Удалов сидел на два сидения впереди Боровкова и всю дорогу до города оборачивался, улыбался молодому человеку, подмигивал и уже на въезде в город не выдержал и спросил:

– Ты штангой занимался?

– Нет, – скромно ответил Боровков. – Это неиспользованные резервы тела.

По Пушкинской они до самого дома шли вместе. Удалов лучше поговорил бы с Боровковым о дальних странах и местах, но Боровков сам все задавал вопросы о родственниках и знакомых. Удалову хотелось вставить что-нибудь серьезное, важное, чтобы и себя показать в выгодном свете: он заикнулся было о том, что в Гуслея побывали пришельцы из космоса, но Боровков ответил:

– Я этим не интересуюсь.

– А как же, – спросил тогда Удалов, – загадочные строения древности, в том числе пирамида Хеопса и Баальбекская веранда?

– Все веранды дело рук человека, – отрезал Боровков. – Иного пути нет. Человек – это звучит гордо.

– Горький, – подсказал Удалов. – Старуха Изергиль. – Он все поглядывал на два боровковских заграничных чемодана с личными вещами и подарками для родственников: если бы он не видел физических достижений соседа, наверняка предложил бы свою помощь, но теперь предлагать было все равно что над собой насмехаться.

Вечером Николай Ложкин, боровковский дядя по материнской линии, заглянул к Удалову и пригласил его вместе с женой Ксенией провести вечер в приятной компании по поводу приезда в отпуск племянника Георгия. Ксения, которая уже была наслышана от Удалова о способностях молодого человека, собралась так быстро, что они через пять минут уже находились в ложкинской столовой, которая заодно была и кабинетом: там были аквариумы, клетки с певчими птицами и книжная библиотека.

За столом собрался узкий круг друзей и соседей Ложкиных. Старуха Ложкина расщедрилась по этому случаю на настойку, которую берегла к октябрьским, потому что – а это и сказал в своей застольной речи сам Ложкин – молодые люди редко вспоминают о стариках, ибо живут своей, занятой и посторонней жизнью, и в этом свете знаменательно возвращение Гарика, то есть Георгия, к своим дяде и тете, когда он мог выбирать любой санаторий или дом отдыха на кавказском берегу или на Золотых песках.

Все аплодировали, а потом Удалов тоже произнес тост.

Он сказал:

– Наша молодежь разлетается из родного гнезда кто куда, как перелетные птицы. У меня вот тоже подрастают Максимка и дочка. Тоже оперятся и улетят. Туда им и дорога. Широкая дорога открыта нашим перелетным птицам. Но если уж они залетят обратно, то мы просто поражаемся, какими сильными и здоровыми мы их воспитали.

И он показал пальцем на смущенного и скромно сидящего во главе стола Георгия Боровкова.

– Так поднимем же этот тост, – закончил свою речь Корнелий, – за нашего родного богатыря, который сегодня на моих глазах вознес в воздух автобус с пассажирами и держал его в руках до тех пор, пока не был завершен текущий ремонт. Ура!

Многие ничего не поняли, кто понял – не поверили, а сам Боровков попросил слова:

– Конечно, мне лестно. Однако я должен внести уточнения. Во-первых, я автобуса на руки не брал, а только приподнял его, что при определенной тренировке может сделать каждый. Во-вторых, в автобусе не было пассажиров, поскольку они стояли в стороне, так как я не стал бы рисковать человеческим здоровьем.

Соседям и родственникам приятно было смотреть на недавнего подростка, который бегал по двору и купался в реке, а теперь, по получении образования и заграничной командировки, не потеряв скромности, вернулся к родным пенатам.

– И по какой специальности ты там стажировался? – спросил усатый Грубин, сосед снизу, когда принялись за чай с пирогом.

– Мне, – ответил Боровков, – в дружественной Индии была предоставлена возможность пробыть два года на обучении у одного известного факира, отшельника и йога – гуру Кумарасвами.

– Ну и как ты там? Показал себя?

– Я старался, – скромно ответил Гарик, – не уронить достоинства.

– Не скромничай, – вставил Корнелий Удалов. – Небось был самым выдающимся среди учеников!

– Нет, были и более выдающиеся, – сказал Боровков. – Хотя гуру иногда называл меня своим любимым учеником. Может, потому, что у меня неплохое общее образование.

– А как там с питанием? – поинтересовалась Ксения Удалова.

– Мы питались молоком и овощами. Я с тех пор не потребляю мяса.

– Это правильно, – сказала Ксения, – я тоже не потребляю мяса. Для диеты.

Боровков вежливо промолчал и потом обернулся к Удалову, который задал ему следующий вопрос:

– Вот у нас в прессе дискуссия была, хорошо это – йоги или мистика?

– Мистики на свете не существует, – ответил Боровков. – Весь вопрос в мобилизации ресурсов человеческого тела. Опасно, когда этим занимаются шарлатаны и невежды. Но глубокие корни народной мудрости, имеющие начало в Ригведе, требуют углубленного изучения.

И после этого Гарик с выражением прочитал на древнем индийском языке несколько строк из поэмы «Махабхарата».

– А на голове ты стоять умеешь? – спросил неугомонный Корнелий.

– А как же? – даже удивился Гарик и тут же, легонько опершись ладонями о край стола, подкинул вверх ноги, встал на голову, уперев подошвы в потолок, и дальнейшую беседу со своими ближними вел в таком вот, неудобном для простого человека, положении.

– Ну это все понятно, это мы читали, – сказал Грубин, глядя на Боровкова наискосок. – А какая польза от твоих знаний для народного хозяйства?

– Этот вопрос мы сейчас исследуем, – ответил Боровков, сложил губы трубочкой и отпил из своей чашки без помощи рук. Потом отпустил одну руку, протянулся к вазончику с черешней и взял ягоду. – Возможности открываются значительные. Маленький пример, который я продемонстрировал сегодня на глазах товарища Корнелия Ивановича, тому доказательство. Каждый может внутренне мобилизоваться и сделать то, что считается не под силу человеку.

– Это он вспоминает, как автобус поднял, – напомнил Удалов, и все согласно кивали головами.

– Ты бы перевернулся, Гарик, и сел, – сказала старуха Ложкина. – Кровь в голову прильет.

– Спасибо, я постою, – сказал Гарик.

Общая беседа продолжалась, и постепенно все привыкли к тому, что Боровков пребывает в иной, чем остальные, позе. Он рассказывал о социальных контрастах в Индии, о тамошней жизни, о культурных памятниках, о гипнозе, хатха-йоге и раджа-йоге. И разошлись гости поздно, очень довольные.

А на следующее утро Боровков вышел на двор погулять уже в ковбойке и джинсах и оттого казался своим, гусярским. Удалов, собираясь на службу, выглянул из окна, увидел, как Боровков делает движения руками, и вышел.

– Доброе утро, Гарик, – сказал он, присев на лавочку. – Что делаешь?

– Доброе утро, – ответил Боровков. – Тренирую мысль и пальцы. Нужно все время тренироваться, как исполнитель на музыкальных инструментах, иначе мышцы потеряют форму.

– Это правильно, – согласился Удалов. – Я тебя вот о чем хотел спросить: мне приходилось читать, что некоторые факиры в Индии умеют укрощать диких кобр. Звуками мелодии на дудке. Как ты на основании своего опыта полагаешь, они это в самом деле или обманывают?

Наверное, он мог бы придумать вопрос получше, поумнее, но спросить что-нибудь хотелось, вот и сказал первое, что на ум пришло. И не спроси он про змей, может, все бы и обошлось.

– Есть мнение, что кобры в самом деле гипнотизируются звуком музыки, – ответил с готовностью Боровков. – Но у них чаще всего вырывают ядовитые зубы.

– Не приходилось мне кобру видеть, – сказал Удалов, заглаживая белесые волосы на лысину. – Она внушительного размера?

– Да вот такая, – сказал Боровков и наморщил лоб. Он помолчал с полминуты или минуту, а потом Удалов увидел, как на песочке, в метре от них, появилась свернутая в кольцо большая змея.

Змея развернулась и подняла голову, раздувая шею, а Удалов подобрал ноги на скамью и поинтересовался:

– А не укусит?

– Нет, Корнелий Иванович, – сказал молодой человек. – Змея воображаемая. Я же вчера рассказывал.

Кобра тем временем подползла поближе. Боровков извлек из кармана джинсов небольшую дудочку, приставил к губам и воспроизвел на ней незнакомую простую мелодию, отчего змея прекратила ползание, повыше подняла голову и начала раскачиваться в такт музыке.

– И это тоже мне кажется? – спросил Удалов.

Боровков, не переставая играть, кивнул. Но тут пошла с авоськой через двор гражданка Гаврилова из соседнего флигеля.

– Змея! – закричала она страшным голосом и бросилась бежать. Змея испугалась ее крика и поползла к кустам сирени, чтобы в них спрятаться.

– Ты ее исчезни, – сказал Удалов Боровкову, не спуская ног.

Тот согласился, отнял от губ дудочку, провел ею в воздухе, дудочка растаяла и вся уже скрылась, но Удалов не мог сказать, вообще она исчезла или в кустах.

– Неудобно получилось, – сказал Гарик, почесывая усики. – Женщину испугали.

– Да. Неловко. Но ведь это видимость?

– Видимость, – согласился Боровков. – Хотите, Корнелий Иванович, я вас провожу немного? А сам по городу прогуляюсь.

– Правильно, – сказал Удалов. – Я только портфель возьму.

Они пошли рядышком по утренним улицам, Удалов задавал вопросы, а Гарик на них с готовностью отвечал.

– А этот гипноз на многих людей действует?

– Почти на всех.

– А если много людей?

– Также действует. Я же рассказывал.

– Послушай, – пришла неожиданная мысль в голову Удалову. – А с автобусом, там тоже гипноз был?

– Ну что вы! – сказал Гарик. – Колесо же поменяли?

– Правильно, колесо поменяли.

Удалов задумался.

– Скажи, Гарик, – спросил он. – А эту видимость использовать можно?

– Как?

– Ну, допустим, в военных условиях, с целью маскировки. Ты внушаешь фашистам, что перед ними непроходимая река, они и отступают. А на самом деле перед ними мирный город.

– Теоретически возможно, но только чтобы фашистов загипнотизировать, надо обязательно к ним приблизиться...

– Другое предложение сделаю: в театре. Видимый эффект. Ты гипнотизируешь зрителей, и им кажется, что буря на сцене самая настоящая, даже дождь идет. Все как будто мокрые сидят.

– Это можно, – согласился Боровков.

– Или еще, – тут уж Удалов ближе подошел к производственным проблемам. – Мне дом сдавать надо, а у меня недоделки. Подходит приемочная комиссия, а ты их для меня гипнотизируешь, и кажется им, что дом – ну просто импортный.

– Дом – это много. Большой формат, – сказал любимый ученик факира. – Мой учитель когда-то смог воссоздать Тадж-Махал, великий памятник прошлого Индии. Но это было дикое напряжение ума и души. Он до сих пор не совсем еще пришел в себя. А нам, ученикам, можно материализовать вещи не больше метра в диаметре.

– Любопытно, – с сомнением сказал Удалов. – Но я пошутил. Я никого в заблуждение вводить не намерен. Это мы оставим для очковтирателей.

– А я бы, – мягко поддержал его Боровков, – даже при всем к вам уважении, помощь в таком деле не хотел бы оказывать.

И тут, по дороге, имел место еще один инцидент, который укрепил веру Удалова в способности Гарика.

Навстречу им шел ребенок, весь в слезах и соплях, который громко горевал по поводу утерянного мяча.

– Какой у тебя был мяч, мальчик? – спросил Боровков.

– Си-и-ний! – и ребенок заплакал пуще прежнего.

– Такой? – спросил Боровков и к удивлению мальчика, а также и Удалова, тут же создал синий мяч среднего размера; мяч подпрыгнул и подкатился мальчику под ноги.

– Не то-от, – заплакал мальчик еще громче. – Мой был большой!

– Большой? – ничуть не растерялся Боровков. – Будет большой.

И тут же в воздухе возник шар размером с десятикилограммовый арбуз. Шар повисел немного и лениво упал на землю.

– Такой? – спросил Боровков ласковым голосом, потому что он любил детей.

А Удалов уловил в сообразительных глазенках ребенка лукавство: глазенки сразу просохли – мальчик решил использовать волшебника.

– Мой был больше! – завопил он. – Мой был с золотыми звездочками. Мой был как дом!

– Я постараюсь, – сказал виновато Боровков. – Но мои возможности ограничены.

– Врет мальчонка, – сказал Удалов убежденно. – Таких мячей у нас в универмаге никогда не было. Если бы были, знаете, какая бы очередь стояла! Таких промышленность не выпускает.

– А мне папа из Москвы привез, – сказал ребенок трезвым голосом дельца. – Там такие продаются.

– Нет, – сказал Удалов. – ГОСТ не позволяет такие большие мячи делать, и таких импортных не завозят. Можно кого-нибудь зашибить невзначай.

– Вы так думаете? – спросил Боровков. – Я, знаете, два года был оторван...

– Отдай мой мяч! – скомандовал ребенок.

Боровков очень сильно нахмурился, и рядом с мальчиком возник шар даже больше метра в диаметре. Он был синий и переливался золотыми звездочками.

– Такой подойдет? – спросил Боровков.

– Такой? – Мальчик смерил мяч взглядом и сказал не очень уверенно: – А мой был больше. И на нем звезд было больше...

– Пойдем, Гарик, – возмутился Удалов. – Сними с него гипноз. Пусть останется без шаров.

– Не надо, – сказал Боровков, с укоризной посмотрел на мальчика, пытавшегося обхватить мячи, и пошел вслед за Удаловым.

– А вот и мой объект, – сказал Корнелий. – Как, нравится?

Боровков ответил не сразу. Дом, созданный конторой, которой руководил Корнелий Удалов, был далеко не самым красивым в городе. И наверное, Гарику Боровкову приходилось видеть тщательнее построенные дома как в Бомбее и Дели, так в Париже и Москве. Но он был вежлив и потому только вздохнул, а Удалов сказал:

– Поставщики замучили. Некачественный материал давали. Ну что с ними поделаешь?

– Да, да, конечно, – согласился Боровков.

– Зайдем? – спросил Удалов.

– Зачем?

– Интерьером полюбишься. Сейчас как раз комиссия придет, сдавать дом будем.

Боровков не посмел отказаться и последовал за хитроумным Корнелием Ивановичем, который, конечно, решил использовать его талант в одном сложном деле.

– Погляди, – сказал он молодому человеку, вводя его в совмещенный санузел квартиры на первом этаже. – Как здесь люди жить будут?

Боровков огляделся. Санузел был похож на настоящий. Все в нем было: и умывальник, и унитаз, и ванная, и кафельная плитка, хоть и неровно положенная.

– Чего не хватает? – спросил Удалов.

– Как не хватает?

– Кранов не хватает, эх ты, голова! – подсказал Удалов. – Обманули нас поставщики. Заявку, говорят, вовремя не представил. А сейчас комиссия придет. И кто пострадает? Пострадает твой сосед и почти родственник Корнелий Удалов. На него всех собак повесят.

– Жаль, – с чувством сказал Боровков. – Но ведь еще больше пострадают те, кто здесь будет жить.

– Им не так печально, – вздохнул Корнелий Иванович. – Им в конце концов все поставят. И краны, и шпингалеты. Они напишут, поскандальят, и поставят им краны. А вот меня уже ничто не спасет. Дом комиссия не примет – и прощай премия! Не о себе пекусь, а о моих сотрудниках, вот о тех же, например, плиточниках, которые, себя не щадя, стремились закончить строительство к сроку.

Боровков молчал, видимо, более сочувствуя жильцам дома, чем Удалову. А Удалов ощущал внутреннее родство с мальчиком, который выпросил у Боровкова мячи. Внешне он лил слезы и метался, но изнутри в нем радовалось ожидание, потому что Боровков был человек мягкий и оттого обреченный на капитуляцию.

– Скажи, а для чистого опыта ты бы смог изобразить водопроводный кран? – спросил Удалов.

– Зачем это? – ответил вопросом Боровков. – Обманывать ведь никого нельзя. Разве для шутки?..

Он глубоко вздохнул, как человек, который делает что-то помимо своей воли, и в том месте, где положено быть крану, возник медный кран в форме рыбки с открытым ртом. Видно, такие краны Боровков видел в Индии.

– Нет, – сказал Удалов, совсем как тот мальчик. – Кран не такой. Наши краны попроще, без финтифлюшек. Как у твоего дяди. Помнишь?

Боровков убрал образ изысканного крана и на его место посадил стандартный образ.

Удалов подошел к крану поближе и, опасаясь даже тронуть его пальцем, пристально проверил, прикреплен ли кран к соответствующей трубе. Как он и опасался, кран прикреплен не был, и любой член комиссии углядел бы это сразу.

– Нет, ты посмотри вот сюда, – сказал Удалов возмущенным голосом. – Разве так краны делают? Халтурщик ты, Гарик, честное слово. Как вода из него пойдет, если он к трубе не присоединен?

Боровков даже оскорбился:

– Как так вода не пойдет? – И тут же из крана, ни к чему не присоединенного, разбрызгиваясь по раковине, хлынула вода.

– Стой! – крикнул Удалов. – Она же еще не подключена! Дом с сетью не соединен! Ты что, меня под монастырь хочешь подвести?

– Я могу и горячую пустить! – азартно сказал Гарик, и вода помутнела и от нее пошел пар.

– Брось свои гипнотизерские штучки, – строго сказал Удалов. – Я тебе как старший товарищ говорю. Закрой воду и оставь кран в покое.

И тут в квартиру ворвался молодой человек, весь в штукатурке и в сложенной из газеты шляпе, похожей на треуголку полководца Наполеона.

– Идут! – крикнул он сдавленным голосом. – Что будет, что будет!

– Гарик! – приказал Удалов. – За мной. Поздно рассуждать. Спасать надо.

И они пошли навстречу комиссии.

Комиссия стояла перед домом на площадке, где благоустройство еще не было завершено, и рассматривала объект снаружи. Удалов вышел навстречу как радушный хозяин. Председатель комиссии, Иван Андреевич, человек давно ему знакомый, вредный, придирчивый и вообще непреклонный, протянул Корнелию руку и сказал:

– Плохо строишь. Неаккуратно.

– Это как сказать, – осторожно возразил Удалов, пожимая руку. – Как сказать. Вот Екатерина из райисполкома... – он запнулся и тотчас поправился, – то есть представитель, Екатерина Павловна, в курсе наших временных затруднений. И он наморщил лоб, изображая работу мысли.

– Ты всех в комиссии знаешь, – сказал председатель. – Может, только с Ветлугиной не встречался.

И он показал Удалову на кареглазую девушку в костюме джерси, ту самую, которая у автобуса сплела венок из одуванчиков и возложила его на лоб Боровкову. У девушки была мужественная профессия сантехника. Боровков тоже ее узнал и покраснел, и девушка слегка покраснела, потому что теперь она была при исполнении служебных обязанностей и не хотела, чтобы ей напоминали о романтических движениях души.

Она только спросила Гарика:

– Вы тоже строитель?

И тот ответил:

– Нет, меня товарищ Удалов пригласил осмотреть дом.

– Ну, – Удалов приподнялся на цыпочки, чтобы дотянуться губами до уха Боровкова, – или ты спасаешь, или мне – сам понимаешь...

Боровков вновь вздохнул, поглядел на кареглазую Ветлугину, потрогал усики и послушно последовал за нею внутрь дома. Удалов решил не отставать от них ни на шаг. Что там другие члены комиссии, если главная опасность – сантехник!

Они начали с квартиры, в которой Боровков уже пускал воду. Кран был на месте, но не присоединен к трубе.

Девушка опытным взглядом специалиста оценила блеск и чистоту исполнения крана, но тут же подозрительно взглянула в его основание. Удалов ахнул. Боровков понял. Тут же от крана протянулась труба, и сантехник Ветлугина удивленно приподняла брови, похожие на перевернутых чаек, как их рисуют в детском саду. Но придраться было не к чему, и Ветлугина перешла на кухню. Удалов уцепился за Боровкова, и Гарик, не отрывая взгляда от Ветлугиной, сотворил кран и там.

Так они и переходили из квартиры в квартиру, и везде Боровков гипнотизировал Ветлугину блистающими кранами, а Удалов боялся, что ей захочется проверить, хорошо ли краны действуют, ибо когда ее пальчики провалятся сквозь несуществующие металлические части, получится великий скандал.

Но обошлось. Спас Боровков. Ветлугина слишком часто поднимала к нему свой взор, а Боровков слишком часто искал ее взгляд, так что в качестве члена комиссии Ветлугина была почти нейтрализована.

Они вышли, наконец, на лестничную площадку последнего этажа и остановились.

– У тебя, Ветлугина, все в порядке? – спросил Иван Андреевич.

– Почти, – ответила девушка, глядя на Гарика.

«Пронесло, – подумал Удалов. – Замутили мы с Боровковым ее взор!»

– А почему почти? – спросил Иван Андреевич.

– Кранов нет, – сказала девушка: эти слова прогрохотали для Удалова как злобный гром, и в нем вдруг вскипела ненависть. Тысячи людей по науке поддаются гипнозу, а она, ведьма, не желает поддаваться!..

– Как нет кранов! – зашепшил с опровержением Удалов. – Вы же видали. Все видали! И члены комиссии видали, и лично Иван Андреевич.

– Это лишь одна фикция и видимость материализации, – грустно ответила девушка. – И я знаю, чьих рук это дело.

Она глядела на Боровкова замороженным взглядом, а тот молчал.

– Я знаю, что вот этот товарищ, – продолжала коварная девушка, не сводя с Гарика глаз, – находился в Индии по научному обмену и научился там гипнозу и факирским фокусам. При мне еще вчера он сделал вид, что поднимает автобус за задние колеса, а это он нас загипнотизировал. И моя бабушка была в гостях у Ложкиных, и там всем казалось, что он целый вечер стоял на голове. И пил чай...

А Боровков молчал.

«Ну вот теперь и ты в ней разочаруешься за свой позор!» – подумал с надеждой Удалов. Им овладело мстительное чувство: он уже погиб, и пускай теперь гибнет весь мир, – как, примерно, рассуждали французские короли эпохи абсолютизма.

– Пошли, – сказал сурово Иван Андреевич. – Пошли заново, очковтиратель. Были у меня подозрения, Удалов, что по тебе ОБХСС плачет, а теперь они, наконец, материализовались.

Боровков молчал.

– А этого юношу, – продолжал Иван Андреевич, – который за рубежом нахвтался чуждых для нас веяний, мы тоже призовем к порядку... Выйдите на улицу, – сказал он Боровкову. – И не надейтесь в дом заглядывать!..

– Правильно, – пролепетала коварная Ветлугина. – А то он снова нас загипнотизирует.

– Может, и дома не существует? Надо проверить, – сказал Иван Андреевич.

– Нет, – сказала Екатерина из райисполкома. – Дом и раньше стоял, его у нас на глазах строили. А этот молодой человек только вчера к нам явился.

Гусяр – город небольшой, и новости в нем распространяются почти мгновенно.

Удалов шел в хвосте комиссии. Он чувствовал себя обреченным. Завязывалась неприятность всерайонного масштаба. И он подумал, что в его возрасте не поздно начать новую жизнь и устроиться штукатуром, с чего Удалов когда-то и начал свой путь к руководящей работе. Но вот жена!..

– Показывайте ваши воображаемые краны, – сказал Иван Андреевич, входя в квартиру.

В санузел Удалов не пошел, остался в комнате, подошел к окну. Внизу Боровков задумчиво писал что-то веткой по песку. «И зачем я только втянул его в это дело?» – запечалился Удалов, и тут же его мысль перекинулась на то, как хорошо бы жить на свете без женщин.

За тонкой стенкой бурлили голоса. Никто из санузла не выходил: что-то у них там случилось. Удалов сделал два шага и заглянул внутрь через плечо Екатерины из райисполкома. Состав комиссии с громадным трудом разместился в санузле. Ветлугина сидела на краю ванны, Иван Андреевич щупал кран, но его пальцы никуда не проваливались.

– Что-то ты путаешь, – сказал Иван Андреевич Ветлугиной.

– Все равно одна видимость, – настаивала Ветлугина растерянно, ибо получалось, что она оклеветала и Удалова, и Гарика, и всю факирскую науку.

– А какая же видимость, если он твердый? – удивился Иван Андреевич.

– Настоящий, – поспешил подтвердить Удалов.

– Тогда пускай он скажет, когда и откуда краны получил, – нашлась упрямая Ветлугина. – Пускай по документам проверят!

– Детский разговор, – сказал Удалов, к которому вернулось присутствие духа. – Что ж, я краны на рынке за собственные деньги покупал?

Тут уже терпение покинуло Ивана Андреевича.

– Ты, Ветлугина, специалист молодой, и нехорошо тебе начинать трудовой путь с клеветы на наших заслуженных товарищей.

И Иван Андреевич показал размашистым жестом на голову Удалова, которая высывалась из-за плеча Екатерины.

– Правильно, Иван Андреевич, – без зазрения совести присоединился к его мнению Удалов. – Мы работаем, вы работаете, все стараются, а некоторые граждане занимаются распространением непроверенных слухов.

Ветлугина, пунцовая, выбежала из санузла, и Корнелий возблагодарил судьбу за то, что Боровков на улице и ничего не видит: его мягкое сердце ни за что бы не выдержало этого зрелища.

Удалов поспешил увести комиссию. В таких острых ситуациях никогда не знаешь, чем может обернуться дело через пять минут. И в последний момент впрямь все чуть не погубило излишнее старание Боровкова, ибо Иван Андреевич машинально повернул кран и из него хлынула струя горячей воды. Иван Андреевич кран, конечно, тут же закрыл, вышел из комнаты, а на лестнице вдруг остановился и спросил с некоторым удивлением:

– А что, и вода уже подключена?

– Нет, это от пробы в трубах осталась.

Удалов смотрел на председателя наивно и чисто.

– А почему горячая? – спросил председатель.

– Горячая? А она была горячая?

– Горячая, – подтвердила Екатерина из райисполкома. – Я сама наблюдала.

– Значит, на солнце нагрелась. Под крышей.

Иван Андреевич поглядел на Удалова с некоторым обалдением во взоре, потом махнул рукой, проворчал:

– Одни факиры собрались!..

И как раз тут они вышли из подъезда и увидели рыдающую на плече у Боровкова сантехника Ветлугину.

– Пошли, – сказал Иван Андреевич. – В контору. Акт будем составлять. Екатерина Павловна! Позови Ветлугину. Кричать все мастера, а от критики в слезы...

Когда все бумаги были разложены и Екатерина – у нее был лучший почерк – начала заполнять первый бланк, Корнелий Иванович вдруг забеспокоился, извинился и выбежал к Гарику.

– Но краны-то останутся? – спросил он. – Краны никуда не исчезнут? Признайся, это не гипноз?

– Краны останутся. Нужно же жильцам воду пить и мыться? А то с вашей, Корнелий Иванович, заботой им пришлось бы с ведрами за водой бегать.

– Ага! Значит, краны настоящие!

– Самые настоящие.

– А откуда они взялись? Может, это идеализм?

– Ничего подобного, – возразил Боровков. – Никакого идеализма. Просто надо в народной мудрости искать и находить рациональное зерно.

– А если материализм, то откуда металл взялся? Где закон сохранения вещества? А ты уверен, что краны не ворованные, что ты их силой воли из готового дома сюда не перенес?

– Уверен, – ответил Боровков. – Не перенес. Сколько металла пошло на краны, столько металла исчезло из недр земли. Ни больше, ни меньше.

– А ты, – в глазенках Удалова опять появился мальчишеский блеск: ему захотелось еще один мяч, побольше прежнего, – ты все-таки дом можешь сотворить?

– Говорил уже – не могу. Мой учитель гуру Кумарасвами один раз смог, но потом лежал в прострации четыре года и почти не дышал.

– И большой дом?

– Да говорил же – гробницу Тадж-Махал в городе Агре.

Ветерок налетел с реки и растрепал реденькие волосы Удалова. Тот полез в карман за расческой.

– А Ветлугиной ты признался?

– Нет, я ее разубедил. Я сказал, что умею тяжести подымать, на голове стоять, на гвоздях спать, но никакой материализации.

И рассудительно заключил:

– Да и вообще я ей понравился не за это...

– Конечно, не за это, – согласился Удалов. – За это ты ей вовсе не понравился, потому что она девушка принципиальная. Значит, надеяться на тебя в будущем не следует?..

– Ни в коем случае.

– Ну, и на том спасибо, что для меня сделал. Куда же я расческу задевал?

И тут же в руке Удалова обнаружилась расческа из черепахового панциря.

– Это вам на память, – сказал Гарик, усаживаясь на бетонную трубу: ему предстояло долго еще здесь торчать в ожидании Танечки Ветлугиной.

– Спасибо, – сказал Удалов, причесался, привел лысину в официальный вид и пошел к конторе.

1975, № 10

Не ищите кролика Кузю

В. РУЧИНСКИЙ

– На этом, уважаемые дамы и господа, разрешите закончить. Благодарю за внимание!

Пухлые босоногие женщины в развевающихся одеждах – то ли музы, то ли нимфы – внезапно отделились от небесно-голубого плафона и закружились надо мной в стремительной пляске. Шквал аплодисментов разнес в клочья напряженную тишину зала. Защелкали вспышки блицев. Репортеры ринулись на сцену. «Мистер Кукушкйн! Мистер Кукушкйн!» – надрывались они, почему-то с ударением на последнем слоге, и выбрасывали змеиные головки микрофонов.

Зал – сплошь профессура – бушевал. Ликующие негры в белых шапочках. Бородатые индусы в факирских чалмах. Пугающие загадочной учтивостью японцы. Председатель – позвольте, да ведь это же институтский вахтер Евстигнеев! – бесполезно тряс колокольчиком...

И вдруг все смешалось: зал, репортеры, председатель-вахтер. Промелькнуло распаренное, точно после бани, лицо Бурова-Сакеева. Он за что-то меня отчитывал. С какой это стати? Да я!..

Но я так и не узнал, в чем дело, потому что проснулся.

Звонок аварийной сигнализации трезвонил вовсю. Пахло горелым: очевидно, где-то замкнуло обмотки. Надев соскочившие во сне очки, я пробежался взглядом по панели с приборами и сразу все понял – проклятое реле! Программное устройство отказало, и центрифуга в камере «Бурсака» вращалась с сумасшедшей скоростью – стрелку зашкалило. Я бросился к главному рубильнику и выключил установку.

Теперь пора объяснить.

Вы, разумеется, слышали о профессоре Бурове-Сакееве, авторе УКОМФИГа? Понимаю: водопад, он же лавина информации – проскочило.

Универсальная Комбинация Физических Генераций – вот что такое УКОМФИГ. Своих кузнечиков Буров-Сакеев облучал рентгеном, токами высокой частоты, вращал в центрифуге, держал в магнитном поле, бомбил ультразвуком. Скажете, все уже было? Не торопитесь! В УКОМФИГе соль в том, что сочетается несочетаемое.

Впрочем, продолжим.

Через установку «Бурсак-1» было пропущено свыше тысячи зеленых кузнечиков. Трое приобрели невиданную прыгучесть – остальные бесславно погибли. Рекордистом оказался кузнечик, выловленный на заливных лугах под Костромой. Буров-Сакеев, ничего не скажешь, шутник, назвал его Бимоном в честь знаменитого негритянского прыгуна. Исторический прыжок зеленого Бимона на пятьдесят три метра семьдесят семь сантиметров на специально оборудованном полигоне близ деревни Елыкаево привел в изумление наблюдавших за экспериментом специалистов, включая знаменитого Джорджа Аткинса, гостя из далекой Австралии. «Фэн-тэстик!» – так отреагировал доктор Аткинс.

Под результаты была подведена теория, которую кое-кто воспринял с ухмылкой: ничего не знаем, что за УКОМФИГ? И тут доктор Аткинс, путешествуя с супругой по Европе, остановился для заправки автомобиля в княжестве Лихтенштейн

и между делом дал интервью местным репортерам. Прыжок кузнечика Бимона был им причислен к наиболее выдающимся событиям в современной биологии. Помощь подоспела кстати – скептики стали затихать.

А Буров-Сакеев подбрасывал угольку в топку. Дайте только срок – будет вам и молниеносное обучение школьников любому иностранному языку, включая японский и суахили, и новая порода коров; две-три буренки заставят бесперебойно работать молочный завод средней мощности. И даже чудо-рыбы: сегодня малек, завтра – килограмма в два, не меньше. И все – УКОМФИГ, УКОМФИГ!

Еще студентом биофака я заболел методом Бурова-Сакеева. А когда добился распределения в его лабораторию, то пел и плясал от счастья.

К опытам на стандартных «Бурсаках» меня не допустили, а заслали в Елыкаево измерять прыгучесть обработанных кузнечиков, которых доставляли в опломбированном контейнере.

Честно сказать, мне скоро прискучило мотаться изо дня в день по полю с вешками и рулеткой. Немедленный переход на крупные объекты – вот что занимало мое воображение. Выбор пал на кроликов.

Ах, как трудно оказалось открыться Бурову-Сакееву в своих дерзких планах! Пропаганда грядущих достижений УКОМФИГа отнимала у него уйму времени. К тому же заседания разнообразных комиссий, подкомиссий и комитетов, научные командировки в сильно- и слабо развитые страны: заполучить аудиенцию у профессора было практически невозможно. А его зам Фугасов встал насмерть. «На наш век, дорогой, хватит и кузнечиков», – отвечал он каждый раз, когда я пробовал заикнуться о кроликах.

Но я не сдаюсь. Мне удалось подкараулить Бурова-Сакеева после заседания Ученого совета в институтском буфете. В продолжение моего рассказа он с невероятной скоростью поглощал сосиски, не забывая, однако, обмакивать их в горчицу. Выложиться я не успел – в буфет с криками ворвались два бородача в джинсовых костюмах, схватили Бурова-Сакеева и поволокли к выходу. Его увозили на телестудию: несмотря на жуткую занятость, Буров-Сакеев безотказно появлялся на голубом экране.

Профессора затолкнули в микроавтобус, ожидавший у подъезда. Казалось, все было кончено. Но когда машина, обдав меня черным выхлопом, резко взяла с места, Буров-Сакеев неожиданно распахнул дверцу и прокричал:

– Передайте Фугасову: я – за!

Семафор был открыт, и я, не жалея сил, принялся за монтаж «Бурсака» невиданных до сих пор размеров.

Я толком не знал, чего хочу добиться от кроликов, применяя к ним УКОМФИГ. Может, чтоб они, подобно кузнечикам, стали на редкость прыгучими. Или вырастить у них новую шерсть, длиной и шелковистостью – чистый мохер...

Три месяца непрерывных опытов не дали результатов: кролики дохли, не выдержав полной программы УКОМФИГа. Фугасов мурлыкал танго «Кумпарсита» и таял от счастья, словно масло в июльский полдень, а я начинал терять надежду.

Однако кролик, за которого я принялся на прошлой неделе, – я окрестил его Кузей – повел себя молодцом. Оставалось последнее – опыт на центрифуге. И надо же, такая досада: заснул! Проклятое реле!

Вой вращавшейся по инерции центрифуги, наконец, смолк. Я поднялся и дрожащими руками открыл дверь камеры. Смотрю – Кузя живой! Сидит себе в центрифуге, передними лапами прикрывает капустный кочан, от листочка отщипывает. Вот молодец! Вот спасибо! Протянул руку, хотел погладить. Но кролик издал странный звук, словно запела детская дудочка. Верхняя губа у него задралась, из-под нее выползли два желтоватых резца. Задними лапами он принялся выбивать о борт центрифуги дробь. Все чаще, чаще. И вдруг хватить за палец! Зубами! Отпрянув назад, я

врезался затылком в угол магнитного генератора. Все поплыло, в глазах завертелись радужных обручи и в каждом – оскаленная кроличья морда.

Наощупь я выбрался из камеры. Зажмурился, снова открыл глаза – нет, непонятное видение не исчезло. Где-то под порывом ветра с треском захлопнулось окно. И тут мое сознание неожиданно пронзила простая мысль – зачем? Зачем я все это делаю? Кроличьи морды в обручах разом исчезли, но то, что подспудно зрело во мне, сметая шаткие препоны, хлынуло наружу. Я выбежал в коридор и громко закричал:

– Идите все сюда! Слушайте!

Потом мне рассказывали, что, в сущности, произошло.

Из комнат повыскакивали сотрудники, меня окружили, а я во всеуслышание стал называть эксперименты над кроликами сплошной авантюрой: расчет был на авось – а вдруг? Терзаю, каялся я, ни в чем не повинных животных, все думаю на эффект наткнуться, чтобы моим именем назвали: «Эффект Кукушкина». А дальше пойдет-покатится: конгрессы с симпозиумами, ковровые дорожки, портреты, непременно портреты, и чтобы в профиль – в профиль я лучше получаюсь!

Я исповедовался до тех пор, пока в мое плечо не впилась чья-то железная рука. Блеснули стекла очков в квадратной оправе – Фугасов! Свободной рукой он с профессиональной ловкостью отвернул нижние веки моих глаз и, заглянув в них, прошептал:

– Ну что ж, все понятно!

– Может, позвонить ноль три? – произнес чей-то догадливый голос.

Но Фугасов уже подал знак – меня подхватили под руки и повели. Как оказалось, в мою комнату. Усадили в кресло оператора «Бурсака». Фугасов велел всем выйти, подошел к телефону и набрал номер. Он звонил Бурову-Сакееву, просил его немедленно прийти – произошло «че-пе», надо разбираться, принять меры. Остатками сознания я понял, что у профессора не было никакой охоты мчаться разбирать «че-пе». Но Фугасов был настойчив. Наконец он положил трубку и с нескрываемым торжеством объявил:

– Идет!..

– Что у вас тут происходит? – крикнул Буров-Сакеев еще с порога.

Я вскочил на ноги и протянул руку в направлении «Бурсака»:

– Там! Там!

Фугасов попытался загородить дорогу, но профессор легко его отодвинул и скрылся в камере.

Через несколько секунд оттуда послышался крик, с лязгом распахнулась дверь, из камеры, шатаясь, выбрался Буров-Сакеев. Правая рука его с двумя выпрямленными пальцами – указательным и безымянным – была воздета, как у боярыни Морозовой на бессмертной картине Сурикова. Между пальцами – тоненькая струйка крови. Блуждающий взгляд профессора сошелся с фугасовским, и тут Буров-Сакеев с глухим рычанием бросился на своего зама, явно намереваясь схватить его за горло. Фугасов увернулся и выскочил из комнаты.

Тогда, обратившись ко мне, – я вжался всем телом в спинку кресла – Буров-Сакеев приказал:

– Стенографистку! Живо! Пусть документально по всей форме!

...Пройдут годы. Я состарюсь, выйду на пенсию. Буду придерживаться рационального режима питания. Регулярно следить за прогнозами погоды. Но никогда, – вы слышите, – никогда не выветрится из моей памяти то, что диктовал мой учитель.

– Записывайте, – вещал Буров-Сакеев несуществующей стенографистке. – Бимон был прыгуч от природы. Остальное – не я. Ей-богу, не я! Фугасов – его штуки! Прыгучих специально отбирает, процент завышен! В Сан-Ремо привязались с вопросами – еле выкрутился.

Дальше пошло непонятное.

– Жена Лариса. С прежней было проще. Халатом от «Диора» по морде – это как прикажете понимать? А обувь? Покупаешь – руки дрожат. С размерами путаница...

Он умолк на полуслове. С удивлением уставился на меня, пожевал губами. Дыхание стало ровным. Буров-Сакеев взглянул на часы, хлопнул себя ладонью по лбу и пробормотал:

– Черт возьми, у меня же прием делегации!

И выбежал из комнаты.

Некоторое время я находился в оцепенении. Потом бросил взгляд на камеру «Бурсака» – дверь была распахнута. Я заглянул внутрь, там было пусто. Кузя исчез.

Я обегал весь институт, спрашивал встречных, не попадался ли кому на глаза кролик. Меня вынесло к проходной.

– Дядя Вася! – закричал я в ухо вахтеру, тому самому Евстигнееву, которого видел во сне председателем ученого собрания. – Тут случайно кролик не пробегал?

– Как же! Сию минуту! – с тихой радостью ответил вахтер. – Я ему: «Ты куда, серый?» А он – прыг через барьер!

Я выбежал на улицу. И сразу увидел Кузю. Кролик сидел на краю тротуара у пешеходного перехода. В светофоре горел красный свет. Я начал красться. Неожиданно Кузя обернулся и увидел меня. В тот же миг, сильно оттолкнувшись лапами, он распластался в воздухе и приземлился на проезжей части улицы. Прямо на него мчался автофургон с косой надписью «Мебель» на борту. Кузя снова взлетел вверх и опустился на крышу. Автофургон надал и проскочил на желтый, увозя моего кролика.

Ночь я провел без сна. Сомнений не было – Кузя после обработки на «Бурсаке» стал феноменом. Один укус – и человек выплескивает то, что глубоко погребено в тайниках его сознания. Правда, действие эффекта скоротечно, но тем не менее факт, научный факт... Стоп! А как трактовать профессорскую исповедь?.. Если УКОМФИГ – фугасовские штуки, то почему же Кузя? Или УКОМФИГ тут ни при чем?..

К утру стало ясно одно: главное – отыскать Кузю. Отправлюсь к профессору, выложу все. Он поймет. Сделает все возможное и невозможное. Город будет поднят на ноги. Будьте уверены – Кузю найдут!

– Да вы что? – удивилась секретарша, когда я наутро ворвался в приемную. – Он же сегодня улетает на конгресс в Мар-дель-Плата!

Аэропорт! Последний шанс! Перехватить! Во что бы то ни стало!

Я поймал такси и объяснил шоферу, что будущее науки зависит от него.

Мы успели. Буквально перед нами к подъезду аэропорта подъехала черная «Волга». Из нее вышел Буров-Сакеев в сопровождении незнакомой девицы в голубом парике и изогнутых темных очках. Позади с профессорским чемоданом в руках плыл весело улыбающийся Фугасов.

– Пожалуй, назовем так: «УКОМФИГ – программа на завтра», – провозгласил профессор, обращаясь к своей спутнице. – Ну как? Подходит?

– Гениально! – отозвалась девица, делая пометки в блокноте.

– А? А? Нравится? – наседали на нее Буров-Сакеев. – То-то! Во мне вообще погиб первоклассный журналист, а может быть, даже писатель!

– Нет, в самом деле гениально! Но как быть с текстом? Рука мастера!

– После Мар-дель-Плата все, что угодно, – пообещал профессор. – Го-то-о-ов на все, – пропел он неожиданно бархатным басом фразу из «Фауста».

Я забежал вперед и встал на ступенях подъезда с раскинутыми в стороны руками.

– Имею сообщение исключительной важности! Только вам одному!

– Самолет, голубчик, лечу! – парировал мой выпад Буров-Сакеев. – Валяйте телексом – отель «Континенталь». Пламенный привет!

Он отсалютовал складным зонтом в черном чехле и вместе со спутниками скрылся за зеркальными дверями подъезда.

Оставалось одно – дожидаться возвращения Бурова-Сакеева. И тут произошло неожиданное.

Спустя неделю, вернувшись с работы, я включил телевизор. Советник юстиции рассказывал с экрана о борьбе с нарушениями Уголовного кодекса в торговой сети нашего города. Через десять минут я понял, что такие преступления скоро будут изжиты. Примета – участившиеся в последнее время явки с повинной.

Среди прочих историй советник рассказал о продавце из мебельного магазина № 15 по фамилии Трикин. Переполненный сознанием собственной вины, он прямо в магазине публично покаялся, что берет «в лапу» за дефицитную мебель.

В виске застучал молоточек догадки: Кузя – мебельный фургон – раскаявшийся продавец!

Не теряя времени, я поспешил в мебельный магазин № 15 на окраине города.

На выставленной мебели были разложены картонки с надписью «Продано». Продавцы в синих халатах с фирменными значками на лацканах философически рассматривали редких покупателей. Набравшись духу, я подошел к одному из продавцов – его лицо показалось мне добродушным.

– Если насчет «Клариссы», то не мечтайте, – сказал продавец, уставившись на плакат «Спасибо за покупку».

Я объяснил, что меня заинтересовал удивительный случай с Трикиным.

– Ничего удивительного, – обернулся он ко мне. – Обыкновенный псих.

И рассказал, как все было.

В тот день Трикин помогал разгружать фургон с «Клариссами» Неожиданно он выскочил наружу, заметался по магазину и принялся кричать, что он жулик и регулярно обирает честных граждан.

– Потом, видим, начал затихать, – продолжал рассказ продавец. – Думали, обойдется. Только выходят тут из публики двое и так ласково говорят Трикину – поехали, гражданин, с нами, мы вам поможем во всем разобраться. Посадили в машину и увезли. И какая муха его укусила?

– Может, его и правда кто укусил? – осторожно поинтересовался я.

– Уж вы скажете. Палец он себе поранил, это верно. Когда в фургон лазил.

– Постойте! – воскликнул я. – А в тот день здесь не появлялся кролик? Такой серенький?

– Был кролик, – послышался позади меня чей-то голос. К нам подошел еще один продавец, видимо, заинтересовавшись беседой. – Его в том же фургоне привезли. На складах какой только живности нет. Бориска его утащил.

– Какой Бориска?

– Бориска? Сын нашей кассирши. Он как раз мальчишек привел за досками, в школе что-то мастерить – живой угол, кажется...

Спустя полчаса я уже нервно вышагивал взад-вперед по пустынному коридору школы перед классами, в котором учился Боря Шмелев, сын кассирши. Главное я уже знал – это рассказала его мать: Боря отнес кролика в школьный живой уголок.

Прозвенел звонок. В коридор высыпали школьники. Я подошел к первому попавшемуся мальчику и попросил его показать мне Борю Шмелева.

– Это я, – ответил с удивлением мальчик.

Рука судьбы! Я потащил мальчика к окну и срывающимся от волнения голосом спросил, что с кроликом из мебельного магазина? Жив ли он?

– А вам зачем, дяденька?

Ответить я не успел. Перед нами выросла сухопарая учительница в очках.

– Вы, наверное, из газеты? Будете писать о нашем живом уголке? – затараторила она, радостно улыбаясь. – Боря, сбегай за ключом.

Я не стал возражать – удача сама плыла мне в руки.

– Он у нас активный член биологического кружка, – продолжала учительница. – Но не забудьте отметить и нашего директора. Это он, он разрешил занять подсобку!

Вдвоем с Борей – учительница спешила на урок – мы спустились на первый этаж и подошли к комнате рядом с гардеробом. Боря отпер висячий замок, и мы вошли.

За металлической сеткой, среди сена, разбросанного по дощатому настилу, я разглядел в полумраке пару ежиков, свернувшегося спиралью ужа, черепаху и скачущую взад-вперед обезьянку. На полке сбоку тяжелой зеленью отсвечивали аквариумы. Боря дотянулся до выключателя, щелкнул, и тут я увидел в дальнем правом углу серый комок. Медленно поднялись и встали торчком длинные уши, раскрылся и блеснул розовый глаз. Сомнений не было – Кузя!

В сетку ткнулась обезьянка, зверек с дымчатой шерстью и белыми полукружьями около ушей. Обезьянка-игрунка, их еще называют уистити. Боря достал из кармана кусочек яблока и просунул сквозь сетку.

– Ее Сережка Соколов принес, – объяснил Боря. – Отец у него знаете кто? Капитан дальнего плавания. Он купил ее в Южной Америке, в городе Мар-дель-Плата...

Мар-дель-Плата! Передо мной возник аэропорт в голубом парике, улыбающийся Фугасов, мой незабвенный учитель: «Валяйте телексом – отель «Континенталь», пламенный привет!»

Глаза Кузи разгорались все ярче. И тут – а может, мне это показалось, потому что Боря не шелохнулся, – тишину прорезал пронзительный звук детской дудочки.

– А кролик этот прямо в руки мне бросился там, в магазине, продолжал мальчик. – Все как закричат: «Жаркое! Жаркое приехало!». Я его под куртку и бежать. Откуда он только взялся?..

– Что ж, у вас просто замечательный живой уголок, – сказал я. И неожиданно для самого себя добавил: – Ну, пошли?

Я не стал сочинять никаких басен, чтобы вновь завладеть Кузей. Просто попрощался и все. И на следующий день подал заявление об уходе.

Фугасов выразился так: «Крах авантюриста!» А мне было все равно.

А пока я устроился учителем биологии в школе. Нет, не в той, где в живом уголке нашел себе приют Кузя, моя – на другом конце города.

Все свободное время я просиживаю в библиотеке. Роюсь в литературе, анализирую дневниковые записи – ищу ответа на вопрос: что произошло с Кузей? Блуждаю в потемках. Пока не нащупаю хотя бы ниточку, к научной работе не вернусь – я так решил! Но когда читальный зал пустеет, лампы на столах гаснут, и, взяв у сонной гардеробщицы плащ, я выхожу на улицу, под дождь, порой подступает такая тоска, что во рту становится сухо. Неужели я был в миллиметре от величайшего открытия – от эффекта, который принес бы мне имя и славу, и просто-напросто сваял дурака?.. И мама, открыв мне дверь, спрашивает: «У тебя неприятности?»

Никаких неприятностей. Все, как надо. Только очень трудно понять самое главное. Утром еду в ту самую школу. Вхожу в живой уголок. Кузя теперь совсем меня не боится. Я глажу его, щекочу за ушами, а Кузя тычется мне в ладони мокрым носом...

Экзотический вариант

Борис РУДЕНКО

Случилось так, что мечта Георгия сбылась. Георгий обменял квартиру в гремящем выхлопами сотен машин пыльном центре на такую же в районе окраинных новостроек.

Здрав босые ноги на спинку кровати, Георгий наслаждался покоем. Внизу желтела земля, сухая и глинистая, расчлененная узкими полосками асфальта, вся в давленных следах самосвалов, вывозивших последний строительный мусор. Скоро в нее закопают деревья и цветы, и под окнами Георгия запоют цветы.

Лифт еще не работал, не работали магазины, автобусы ходили как придется, но зато здесь была тишина, и он слушал тишину, пошевеливая пальцами ног. Он слушал ее каждый день после работы уже вторую неделю, и это занятие ему все еще не наскучило.

Объявление, отпечатанное на пишущей машинке со старинным шрифтом, Георгий увидел на столбе возле остановки трамвая. Он вмиг решил, позвонил по указанному телефону и скоро встретился с владелицей однокомнатной квартиры в новом доме на окраине.

«Всю жизнь прожила в центре, – сказала она, – в моем возрасте трудно менять устоявшиеся привычки».

Она явно напрашивалась на комплимент, но Георгий не сообразил, брякнул что-то насчет бремени прожитых лет и чуть было не испортил все дело. Он еще не умел делать комплименты интеллигентным дамам среднего возраста.

«Не понимаю, – сухо, но дипломатично продолжала дама, – я посылала объявление в бюллетень законным порядком, но ни разу никто не звонил. А вот расклеила – и пожалуйста. Ну да ладно. Итак, вас устраивает мой вариант?..»

Вот так, осуществляя свои антиурбанистические стремления, он и переехал на новую квартиру. Уже неделю назад.

Он лежал, блаженно расслабившись, как вдруг в дверь постучали. (Георгий не подключал звонок не от лени, но скорее из принципиальных соображений.)

Он сунул ноги в шлепанцы и не спеша зашаркал в переднюю.

За дверью стоял странный тип – маленький, с огромной лысой головой, в одежде из блестящего серого материала, с металлическим ящиком в руках.

– Вы давали объявление об обмене, – произнес незнакомец и кивнул сам себе в знак согласия. Говорил он, не разжимая губ, и самое удивительное, голос его звучал из металлического ящика. В этом не было никаких сомнений. Сбитый с толку, Георгий без возражений впустил гостя.

Гость проследовал в квартиру уверенной, но какой-то странной походкой. Георгий пригляделся и решил, что сходит с ума. Сзади у пришельца была третья нога, и этой ногой он отталкивался, помогая себе при ходьбе. Георгий не страдал галлюцинациями и, что бы там ни говорили, не так уж часто употреблял спиртное. Мысль об этом придала ему сил, он открыл рот, чтобы задать вопрос, но гость опередил его.

– Иммоваруш, – представился металлический ящик. – Ваша хибара меня устраивает.

– Вы ее даже не посмотрели, – пробормотал Георгий единственное, что пришло ему на ум.

– Не суть важно, – отрезал ящик. Хозяин ящика строго взглянул на Георгия выпуклыми глазами без ресниц и век. – Предлагаю! – сказал ящик. – Жилплощадь в секторе 516, третья планета системы Белого карлика. Живописные виды на море активной протоплазмы, эффектно взрывающиеся споры грибов-охотников. Рядом кафе.

Активная протоплазма никогда не была предметом мечтаний Георгия, но сообщить об этом трехногому гостю он не решался.

Спасительная мысль осенила его.

– Но я вовсе не собираюсь меняться!

– Этого не может быть, – со свойственной ему прямоотой возразил лупоглазый Иммоваруш, вернее ящик. – Галактический бюллетень по обмену, страница восемьсот восемьдесят. Координаты указаны точно. Дом двадцать, корпус пять, квартира семнадцатая?

– Да. Но...

– Вот видите. Ошибка исключена.

– Я не собираюсь меняться. Я... понимаете ли, сам только неделю как совершил обмен.

– Ах вот оно что, – проговорил ящик с интонацией опечаленного пылесоса. – Меня опередили!

Третья нога Иммоваруша выбила по полу короткую чечеточную дробь.

– Да, всего как неделю переехал, – повторил Георгий.

– Весьма сожалею, что причинил беспокойство. – Гость с говорящим ящиком уныло поплелся к выходу.

– А может быть, все-таки?

– Нет, нет, – сказал Георгий, поспешно захлопывая дверь.

На площадке раздался выстрел. Георгий посмотрел в «глазок» и увидел, что на месте, где только что стоял трехногий, в воздухе тает лиловатое облачко.

Из квартиры напротив высунулась пока еще незнакомая соседка в халате с павлинами.

– Что вы тут хулиганите! – взвизгнула она магазинным голосом. – Дома у себя стреляйте. Мальчик какой нашелся!

Георгий запер дверь на цепочку. Вытер со лба пот, вошел в комнату...

В любимом и единственном кресле Георгия сидел крупный осьминог и смотрел на него умными склеротическими глазами.

– Вы совершенно правильно поступили, не согласившись на вариант этого ловкача из пятсот шестнадцатого сектора, – сказал, слегка картавя, новый посетитель, – на-

шел чем удивить! Споры грибов-охотников, море активного белка! Все это вышло из моды уже два сезона назад. К тому же способ общения этой расы, согласитесь, несколько раздражает. Они абсолютные телепаты. Без акустической приставки к переводчику он бы не смог произнести ни слова. А приставки, хе-хе, – осьминог развел щупальцами, – острейший дефицит. Вообразите: соседи, с которыми невозможно поговорить даже о погоде!

– Как вы сюда попали? – упавшим голосом спросил Георгий.

– По тому же самому объявлению. Ведь вы давали объявление об обмене? Мне-то вы уже можете сказать правду.

– М-м... Видите ли...

– Преимущества моего варианта неоспоримы, – говорил осьминог, плавно жестикулируя щупальцами. На одном из них, как часы на руке, был надет такой же металлический ящичек, как и у трехногого. – Редкие по красоте пейзажи дождевых лесов архипелага, ежесуточные океанские приливы, мягко омывающие волнами виллу, и учтите, – гость понизил голос, – все расходы я беру на себя. Вашу квартиру придется переделать... Тут слишком сухо. И атмосфера, фу-фу! – сморщился он. – Сплошной кислород.

– Вы хотите напустить сюда воды? – заинтересовался Георгий. Этажом ниже проживал, как ему удалось установить, подполковник в отставке, отличавшийся крайней впечатлительностью. Подполковник стучал костылем в потолок, когда Георгий ходил не разувшись по квартире после двадцати трех часов.

– Вы говорите о воде? Разумеется! – Моллюск радостно потирал щупальца. – Иначе просто невозможно. Но повторяю, я полностью беру это на себя. Как и атмосферу. Вас это совершенно не коснется.

Осьминог покорял изысканностью своих манер. Чувствовались порода, прочное положение в обществе, воспитание и привычка повелевать, не унижая достоинства подчиненных. Георгию не хотелось разочаровывать гостя.

– Простите, вы из какого океана? – светским тоном спросил он.

– На Зигоне всего один океан, – осьминог позволил себе усмехнуться, как усмеваются, услышав наивный вопрос провинциала, – но сейчас я проживаю на Альменде, после, гм, последнего удачного обмена. Смее заверить, условия там не хуже, чем на моей родине. Чуть больше суши, но, в сущности, это такие пустышки...

– Мне очень жаль, – со скорбной миной сказал Георгий, – я сам поселился здесь всего лишь неделю назад и пока не намерен менять место жительства. С объявлением произошла какая-то ошибка, я пока не понимаю, какая именно. Тем не менее весьма сожалею, что она отняла у вас столько времени.

– Ах, что вы, что вы, – разочарованно произнес респектабельный моллюск, – каковы бы ни были причины вашего отказа, рад был познакомиться. Честь имею...

Он тяжело сполз с кресла, добрался до середины комнаты, оставляя мокрый след, и исчез за дверью.

– Постойте! – спохватился Георгий. – Что же все-таки происходит?

Ответа не было; он опустился на колени и провел пальцем по мокрой полосе на паркете. Потом понюхал палец и понял, что незнакомый острый запах, стоявший в комнате, принадлежал представителю населения неведомой Зиготы. Георгий пошире распахнул окно и присел на кровать, пытаясь осмыслить происшедшее.

Долго мыслить не пришлось. На кухне загремело, загрохотало. Готовый к худшему, Георгий бросился туда и увидел, как сквозь стену напряженно протискивается мушкетистское красное существо, ломая полки и сбивая с плиты пустые кастрюли.

– Приветствую тебя, землянин! – оглушительно заорало это существо.

Георгий зажмурился и присел, зажимая уши руками, после чего новоприбывший посетитель догадался уменьшить громкость, повернув какие-то рычажки и металлическом ящичке, торчавшем у него из-за пояса.

– Адский холод, – доверительно сообщил он, включил все четыре конфорки, зажег газ и с наслаждением погурил в пламя верхние конечности.

– Только неистребимая любовь к экзотике может заставить жителя огненных просторов Бомискула забраться в этот безрадостный и холодный уголок Вселенной.

Линолеум под ним плавился и чуть дымился. Огнедышащий пришелец переступал на месте копытами, дабы не стать причиной преждевременного возгорания жилого массива.

Георгий обиделся и за Землю, и за свое благоустроенное жильё.

– Кому что нравится, – буркнул он, – мы не навязываемся.

– Не в этом дело, – зашумел гость, – я не собираюсь обсуждать чьи-либо вкусы, как бы извращены они ни были! Но согласитесь, милейший, что неравноценность предстоящего обмена очевидна. Базальтовая ячейка с индивидуальным обеспечением в действующем кратере экваториального пояса – и это, – он презрительно махнул хвостом в сторону комнаты. – Но я не мелочен. Отнюдь! Широта души и бескорыстие – вот качества истинных бомискульцев. Ну-с, а что касается небольших доделок, переделок, – он обвел глазами стены, – меня это ничуть не стеснит. Я приведу в порядок это убогое жильё в соответствии с представлениями об истинном совершенстве. Дурной вкус прежних владельцев меня не смущал никогда. Я, знаете ли, не брезглив!

– Дурной вкус, вот как, – сказал Георгий, все больше раздражаясь, – а у вас, значит, правильный вкус?

– Аксиоматично! – громыхнул пришелец. – Оспорить это не смог еще никто за полным, я подчеркиваю, полным отсутствием убедительных доказательств.

Он притопывал копытами и хлестал по сторонам хвостом, оставляя вокруг следы сажи. Снизу застучал подполковник, хотя двадцати трех часов еще не было.

– Какого же черта, – мрачно сказал Георгий, впервые не обращая внимания на стук снизу, – вы сюда приперлись, если все совершенство заключено единственно в ваших вулканах?

– Экзотика, землянин, экзотика! Вот что толкает нас на странные, казалось бы, поступки. Мы, бомискульцы, широкие натуры. Мы можем позволить себе все что угодно и даже больше того. Гораздо больше. Нас ничто не останавливает – никакое убожество и никакое уродство.

– Не желаю с тобой меняться, – мстительно процедил Георгий. – Сначала хотел, а вот теперь не буду. Из принципа. И нечего мне тут обстановку палить. Вы, господин хороший, не на вулкан. Тут частная квартира. Попрошу очистить помещение!

Краснокожий визитер понял, что дискутировать нет смысла. Выкрикнув несколько непонятных, но, по-видимому, полных смысла фраз на своем языке, он скрылся в стене, прочертив в последний раз хвостом черную полосу по белому кафелю.

В кухне было невыносимо жарко. Георгий выключил газ, растворил пошире окно и поплелся в комнату... В комнате, на пушистом ковре, лежал ящичек-переводчик, забытый кем-то из посетителей. Пнув его ногой как следует, Георгий улегся на кровать, губы его шевелились – он все еще поносил вулканического нахала. Ящик, дребезжа, покатился под стол.

Покатился с ковра. Стоп! Георгий вскочил с постели. Записаться на ковер, пожалуй, не легче, чем отсидеть час в действующем вулкане.

«Откуда взялся ковер?» – размышлял Георгий.

Он вытаращил глаза. По ковру гуляла мелкая рябь, ковер потихоньку сползал к письменному столу, туда, где валялся металлический ящик.

Георгий следил за ходом событий. Дотянувшись до ящика, ковер обволокло его, и ящик исчез. Затем он всплыл на поверхности ковра, словно пузырь из кипящей каши, и чудо-ковер медленно распластался на прежнем месте.

– Салют, – на всякий случай сказал Георгий.

– С вашей стороны не очень-то вежливо так обходиться с моим переводчиком, – сильно шепелявя, сказал обиженный ковер, – все-таки я гость.

Ковер вел себя прилично. Он не кричал, не воял, не портил мебель. Георгий почувствовал к нему расположение.

– Извините, – сказал Георгий, – обознался. Я-то думал, это мой японский магнитофон. А вы что... тоже насчет обмена?

– Да, – ответил ковер и вздохнул. – Вообще-то я сам не очень хочу меняться. Для меня потолки высоковаты и еще кое-что не вполне подходит, особенно этот ужасный стук внизу. Меня жена уговорила.

– У вас есть жена?

– А что тут такого? – снова оскорбился ковер. – Конечно, есть. У вас разве нет?

– Да нет еще.

Ковер испустил глубокий вздох.

– Счастливец. А я вот таскаю этот хомут уже столько лет. У меня уже дети.

– Поздравляю, – невпопад заметил Георгий, и ковер засмеялся. Да, конечно, ковер смеялся. По ковру пошла рябь – мелкая-мелкая, он стал выглядеть еще пушистее и симпатичней. Георгий тоже засмеялся.

– Я случайно слышал ваш разговор с бомискульцем, – сообщил ковер. – Они в общем неплохие ребята, только уж очень задаются. Национальная черта, ничего не подлаешь. Но к этому можно привыкнуть. А вы в самом деле хотели с ним меняться?

– Да нет, это я нарочно, – ответил Георгий и рассказал ковру всю историю. – И чего они вдруг на мою голову посыпались? – закончил он.

– Не в моих правилах сыпаться кому бы то ни было на голову, – сухо заметил ковер. – У нас это не считается признаком хорошего воспитания.

«Опять обиделся», – подумал Георгий.

Помолчали.

– Вообще-то я, кажется, понимаю, в чем тут дело, – сказал ковер. – Объявление бывшей хозяйки этой квартиры каким-то образом попало не в городской бюллетень по обмену, а в галактический. Почта, знаете ли, барахлит. Особенно при этих пространственных перемещениях... Ну, а там не разобрались, напечатали, хотя Земля пока не является постоянным клиентом бюро обмена. Именно поэтому Земля для всех экзотика. Вот к тебе и посыпались посетители.

– Но ведь черным по белому было написано: «На равноценную в центре».

– Правильно. Мы и есть из центра. Из центра галактики.

– Что ж теперь делать?

– Надо отменить объявление.

– Так-то оно так. Только я не вполне представляю, как это сделать. Может, ты передашь письмецо куда надо?

(Как-то незаметно они перешли на «ты»).

– Не могу, – вздохнул ковер, – с жителями планет, которые не приняты в галактическое содружество, вступать в контакты запрещено.

– Ну, знаешь! – Теперь обиделся Георгий. – Квартиру менять можно и в гости ездить можно, а письмо – так уж и запрещено?

– Так ведь никто не знал, что объявление напечатано по ошибке. А теперь я знаю.

Снова помолчали.

– Кое-что я могу сделать, – проговорил гость. – Могу сообщить в ближайшее отделение бюро. Время, правда, для этого потребуется.

– А долго?

– Да не особенно: ну, полгодика, год. Пока дойдет по инстанциям, пока рассмотрят...

– Веселенькое дело каждый день гостей встречать. Особенно таких, как этот пламенный.

– Я понимаю, что от нас одно-беспокойство...

– Да я не о тебе. Ты хоть каждый день приходи.

– Благодарю. Но ничего сделать не могу.

– Но почему?

– Сказано тебе: за-пре-щается. Вот вступите в содружество – тогда другое дело.

Ну-с, – вздохнул ковер, – мне пора. Жена, наверное, уже волнуется.

– Приходите вместе. Буду очень рад.

– Спасибо, – легкое волнение пробежало по коврику, – ты мне тоже понравился. Как тебя зовут-то?

– Георгий. Можно просто Юра. А тебя?

В ответ ковер, набрав побольше воздуха в свои шерстяные легкие, произнес длинное многосложное и изысканное слово. «Надо бы записать», – подумал Георгий. Но тут кто-то снова постучал в дверь.

– Кого там еще несет? – простонал Георгий.

– Прощай, Юра, – шепнул ковер и пропал.

Георгий пошел открывать.

На площадке стоял старичок в пенсне.

– Это вы квартиру меняете? – строго спросил он.

– А что? – сказал Георгий.

– Как что? Объявление ваше было?

– В галактическом бюллетене?

Старичок засопел, поправил пенсне.

– Сто раз менялся, а такого не слыхивал. Объявление, говорю, писали? На трамвайной остановке.

– Допустим, – сказал Георгий. У старичка было две руки, две ноги. Золотые зубы. Обыкновенный был старичок. – А вы, простите, почему меняетесь?

– А это не твое дело, – отрезал старец, сверкнув стеклами пенсне. – Желаете – пожалуйста. Нет, – будь здоров, охотников найдется много.

– Вот теперь понятно! – обрадовался Георгий. Сомнений не оставалось: старичок самый что ни на есть нашенский.

– Только не думай, – скрипел он, – что тебе хоромы за твою камору отвалят. Знаю я эти многоэтажки. На первом этаже воду, значит, спускают, а на восьмом вздрагивают.

– А у вас что? – прервал его Георгий.

– У меня? У меня, милай, центр. Комната – потолки твоим не чета. Соседи... Ну, люди как люди.

– Комнату на квартиру? – сказал Георгий. – Ну, дед, ты даешь!

– А ты что хотел? Центр на эту деревню! Тут волки, небось, по ночам воют, а там – цивилизация. Ну как? По рукам?

Теперь Георгий проживает в коммунальной квартире на старом Арбате. В квартире живет чета пенсионеров, которые не нарадуются новому соседу. Живет симпатичная девушка по имени Катя. Впрочем ее роль в жизни Георгия – тема другого рассказа.

О старичке ничего не слышно.

Катя полагает, что он полностью увлечен склоками с соседями по лестничной площадке. Пенсионеры надеются, что старичок утихомирится: сколько можно злиться на весь белый свет?

Что касается самого Георгия, то он уверен, что старичок нашел себе еще один вариант обмена. Где-нибудь в созвездии Волопаса.

1979, № 2

Настоящим направляю заявку...

Николай БЛОХИН

В Главное управление патентной экспертизы

Настоящим направляю заявку «Двигатель, не потребляющий энергии» с целью получения авторского свидетельства на изобретение.

ФОРМУЛА ИЗОБРЕТЕНИЯ: Двигатель, содержащий ротор и две обмотки, отличающийся тем, что с целью ликвидации энергетических затрат обмотки подключены встречно, а ротор выполнен из ферромагнитного сердечника в виде кольца Мёбиуса.

Автор ПАРАМОНОВ В.В.,

Ростов-на-Дону, Левобережная ул., 9, кв. 4

Ростов-на-Дону, Левобережная ул., 9, кв. 4, Парамонову В.В.

Уважаемый (-ая, -ые) товарищ (-и) Парамонов! Ваша заявка «Двигатель, не потребляющий энергии» отнесена к категории «перпетуум мобиле» и согласно письму Постоянной Комиссии по изобретениям и открытиям от 12.05.58 рассмотрению не подлежит.

*Зав. отделом
предварительной экспертизы
П.П. КРАСУХИН*

В Главное управление патентной экспертизы

Настоящим направляю заявку «Двигатель с максимально высоким к.п.д.» с целью получения авторского свидетельства на изобретение.

ФОРМУЛА ИЗОБРЕТЕНИЯ: Двигатель, содержащий ротор и две обмотки, отличающийся тем, что с целью повышения коэффициента полезного действия обмотки подключены встречно, а ротор

выполнен из ферромагнитного сердечника в виде кольца Мёбиуса.

Автор: ПАРАМОНОВ В.В.,

Ростов-на-Дону, Левобережная ул., 9, кв. 4

Ростов-на-Дону, Левобережная ул., 9, кв. 4, Парамонову В.В.

Уважаемый (-ая, -ые) товарищ (-и) Парамонов! В Вашей заявке «Двигатель с максимально высоким к.п.д.» отсутствует расчет предпологаемой экономической эффективности от предполагаемого внедрения предполагаемого изобретения. Согласно письму Постоянной Комиссии по изобретениям и открытиям от 26.04.72 Ваша заявка рассмотрению не подлежит.

*Зав. отделом предварительной экспертизы
П.П. КРАСУХИН*

В Главное Управление патентной экспертизы

Настоящим направляю расчет экономической эффективности к моей заявке «Двигатель с максимально высоким к.п.д.»

РАСЧЕТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ: Электродвигатель постоянного тока мощностью 1 кВт потребляет за 1 час работы 1 кВт·ч электроэнергии, что при средней цене 0,02 руб. за 1 кВт·ч составит 2 коп. За один год при средней работе 8 часов в день и 235 рабочих днях в году электродвигатель мощностью 1 кВт потребит 1880 кВт·ч электроэнергии, что составит 37 руб. 60 коп.

Согласно моей заявке, двигатель с максимально высоким к.п.д. за 1 час работы при мощности 1 кВт потребит 0 кВт·ч электроэнергии, что при средней цене 0,02 руб. за 1 кВт·ч составит 0 руб. 00 коп. За один год при средней работе 8 часов в день и 235 рабочих днях в году двигатель с максимально высоким к.п.д. потребит 0 кВт·ч электроэнергии, что при средней цене 0,02 руб. за 1 кВт·ч составит 0 руб. 00 коп. Соответственно годовая экономия составит 37 руб. 60 коп.

*Автор: Парамонов В.В.,
Ростов-на-Дону, Левобережная ул., 9, кв. 4*

Ростов-на-Дону, Левобережная ул., 9, кв. 4, Парамонову В.В.

Уважаемый (-ая, -ые) товарищ (-и) Парамонов! Предполагаемый экономический эффект от предполагаемого внедрения предполагаемого изобретения «Двигатель с максимально высоким к.п.д.» представляется незначительным. Согласно письму Постоянной Комиссии по изобретениям и открытиям от 14.12.76 полезность Вашей заявки не доказана.

Зав. отделом предварительной экспертизы
П.П. КРАСУХИН

В Главное Управление патентной экспертизы

Настоящим направляю откорректированный расчет экономической эффективности к моей заявке «Двигатель с максимально высоким к.п.д.»

РАСЧЕТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ: Электродвигатели нашей страны потребляют за 1 год в среднем 421 миллион гигаваатт-часов электроэнергии. При полном переходе двигательного парка страны на двигатели моей конструкции экономия за сто лет составит 842 триллиона рублей.

Автор: ПАРАМОНОВ В.В.,
Ростов-на-Дону, Левобережная ул., 9, кв. 4

Главному врачу Ростовской психиатрической лечебницы им. Гиппократа

Обращаем Ваше внимание на необходимость врачебного контроля над гр. Парамоновым В.В., Ростов-на-Дону, Левобережная ул., 9, кв. 4.

Зав. отделом предварительной экспертизы
П.П. КРАСУХИН

Распоряжение

§ 1. Завхозу лечебницы тов. Седых К.К. установить дополнительные решетки на окна палаты № 4.

§ 2. Ст. медсестре тов. Кошкиной Ф.Ф. увеличить дозу бромистого калия больному Парамонову, палата № 4

Главный врач
КРЮШОН Н.Н.

Главному врачу Ростовской психиатрической лечебницы им. Гиппократа тов. Крюшону Н.Н.

Рапорт

16.06. сего года мною во время вечернего обхода обнаружено исчезновение больно-

го Парамонова (палата № 4). Решетки и замок не тронуты. Одновременно из аптечного склада похищено 1,4 л бромистого калия.

Ст. медсестра
КОШКИНА

В Главное Управление патентной экспертизы

Настоящим направляю заявку «Способ достижения биологическим объектом полной прозрачности (невидимости)» с целью получения диплома на открытие.

ФОРМУЛА ОТКРЫТИЯ: Полная прозрачность (невидимость) биологического объекта достигается при втирании бромистого калия в кожу из расчета 1,2 г на 1 см² поверхности кожи.

Автор: ПАРАМОНОВ В.В.
Ростов-на-Дону,
постоянного местожительства
в настоящее время не имею.

Директору магазина продовольственных товаров № 12

тов. Крамскому И.И.

грузчика Саврасова С.С.

Объяснительная записка

Сегодня, 25.06, я наблюдал необъяснимое явление передвижения по воздуху килограммового пакета с сахарной пудрой. Пакет медленно пролетел на уровне моей груди в открытую дверь магазина и скрылся из виду. По дороге пакет задел стоящую на витрине бутылку портвейна «Кавказ». Осколки я выбросил, портвейн тщательно вытер тряпкой, тряпку постирал.

САВРАСОВ

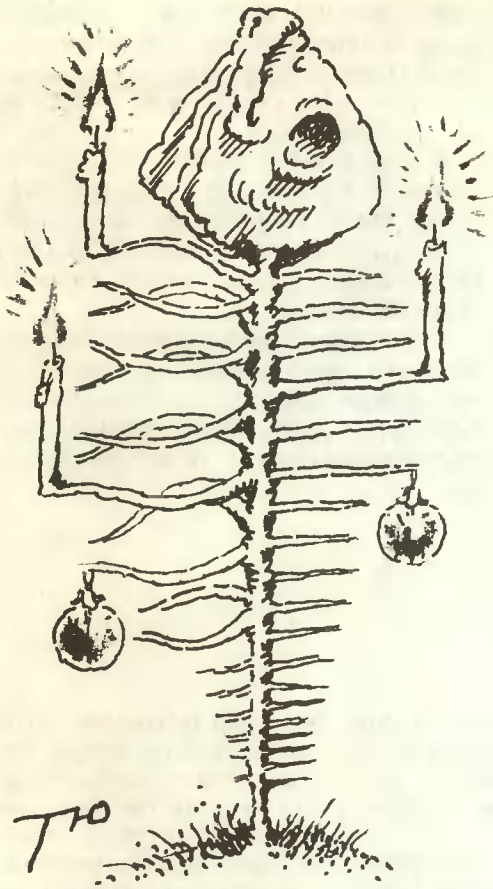
В Главное Управление патентной экспертизы

Настоящим направляю заявку «Способ путешествия во времени» с целью получения диплома на открытие.

ФОРМУЛА ОТКРЫТИЯ: Способ путешествия во времени, заключающийся во втирании сахарной пудры в кожу из расчета 0,12 г пудры на 1 см² поверхности кожи.

Автор: ПАРАМОНОВ В.В.,
Ростовский купцов первой гильдии
братьев Васильевых
приют для умалишенных

1985, № 1

Рыба-часы

Анатолий ГЛАНЦ

Наследие профессора ихтиологии И. Бергстрема составляют 14 рыбьих чучел, 1 прекрасно сохранившийся аквариум и 999 печатных трудов. Специалисты справедливо полагают, что последнее число желательно округлить.

И вот между 17-й и 18-й страницами телефонного справочника, которым пользовался профессор, обнаружена еще одна его рукопись: два густо исписанных листка с подробным описанием редкого вида – рыбы-часов. На русском языке публикуется впервые.

Рыба-часы относится к семейству тюлевых (продольнотюлевых). Это ярко окрашенная рыба с темно-зеленой спинкой и

желтыми боками, на которых выделяют семь поперечных полос, по числу дней недели. Населяет чистые, с благоприятным газовым режимом озера и реки. От остальных представителей семейства тюлевых отличается наличием устройства отсчета времени.

В плавательный пузырь рыбы-часов впрессована цапфа подшипника оси баланса. Благодаря упругости эластичных волокон пузырь всегда находится в напряженном состоянии и прикрепленной к нему парой сухожилий удерживает внутренний конец заводной пружины. От нее вращение передается на центральное колесо, затем на секундное колесо, к которому прикреплена секундная стрелка, и на анкерное колесо, которое через анкерную вилку передает импульсы на баланс. Далее колебания расходятся по всему телу рыбы, сообщая ей едва слышное тиканье.

Рыба-часы, вероятно, является реликтом эпохи, когда исторические события еще не были должным образом упорядочены и нуждались в природных корректурах времени. Полагают, что в процессе жизнедеятельности рыба-часы выделяет избыточное время и оно усваивается тем из событий, которое в нем более всего нуждается. Таким образом, из водоемов и глубоководных пойм многие сотни лет корректировались темпы исторических событий. Это исключительное свойство рыбы-часов оказалось возможным благодаря наличию в ее организме календарного устройства.

Принцип работы календарного устройства заключается в том, что суточное колесо, ведомое календарным диском, по истечении суток соприкасается с рычагом-переключателем и поворачивает его до попадания в переводящую впадину. При этом та из семи полос на боках рыбы, которая соответствует тому или иному дню недели, резко меняет направление, превращаясь из поперечной в продольную. Штифт при повороте поднимает рычаг, под давлением пружины рычаг резко перемещается вниз, и его молоточки с силой ударяют по зубьям диска календаря. Носик фиксатора попадает в следующую впадину календарного диска, досылает его до полного шага и фиксиру-

ет в тот момент, когда цифра даты появляется в центре смотрового окна.

Рыба-часы — превосходный объект любительского лова. Она хорошо идет на храповичок, балансир, любую блестящую шестеренку малого диаметра. Детали электронных часов для ужения непригодны. Если пойманную особь поместить в домашний аквариум и расположить поблизости песочные часы, то отпадает необходимость их переворачивать, песок самопроизвольно оказывается в верхнем сосуде; часы при этом слегка нагреваются.

В сентябре-октябре рыба-часы идет в верховья на нерест, преодолевая речные пороги. Икра ее стекловидная, полупрозрачная. Каждая икринка представляет собой клейкий комочек, в глубине кото-

рого отчетливо проступает порядковый номер в виде арабской цифры зеленого цвета. Нерест происходит в следующей последовательности: первой мечется икринка с номером 24, затем следует номер 23 и так далее в убывающем порядке, вплоть до икринки под номером 1. Нарушение порядка следования икры свидетельствует о болезни рыбы, неблагоприятном газовом режиме нерестилища, загрязненности водоема.

В отличие от своего дальнего родственника рыбы-будильника, питающегося без разбора донными беспозвоночными, рыба-часы крайне привередлива и питается исключительно личинками времяеда.

1985, № 2

Берегите рыбу-часы!

С интересом прочел в № 2 публикацию заметки из научного наследия проф. И. Бергстрема «Рыба-часы». Удивляет, однако, что вы поместили материал, представляющий вчерашний день науки, без комментария, хотя бы вкратце освещающего современное состояние проблемы (публикатор заметки А. Гланц, насколько нам известно, не является специалистом по продольнотюлевым).

Прежде всего отметим тот факт, что показания рыбы-часов понимаются ее сородичами. Если перевести стрелки на одной рыбе в неправильное положение, то среди других начинается сильное беспокойство. При подсаживании отстающей или спешащей рыбы-часов к рыбам

других видов те меняют соответственно ритм жизни. Заметим кстати, что рыба-часы всегда показывает местное время.

«Полагают, что в процессе жизнедеятельности рыба-часы выделяет избыточное время», — пишет проф. Бергстрем. Эта гипотеза недавно подтверждена. Подобно тому как растения выделяют кислород, необходимый для жизни животных, так рыба-часы выделяет время, необходимое для разумной жизни. Глубинная природа этого процесса остается загадкой, но уже совершенно ясно, что катастрофическая нехватка времени в наши дни связана с массовым выловом рыбы-часов. Любители используют ее как естественные часы в комнатном аквариуме, часовые мастерские скупают без разбора узлы и детали. Распространилось нелепейшее убеждение, будто употребление рыбы-часов в пищу спо-

собствует долголетию; точно так же дикари верили, что, съев печенку медведя, непременно станешь сильным. Смешно и грустно смотреть, как кое-кто в эфемерной надежде на долголетие перемалывает зубами шестеренки и анкерные вилки.

Сберегая рыбу-часы, мы сберегаем время — вот лозунг сегодняшнего дня. Анахронизмом звучат строки Бергстрема, рекомендующего эту рыбу как «превосходный объект любительского лова». Думается, что публикатор вместе с редакцией проявили напрасный пиетет к тексту, сохранив в нем этот сомнительный пассаж. Рыба-часы должна быть занесена в «Красную книгу», причем немедленно, потому что времени для этого остается все меньше...

В. МАТИЗЕН, Москва

1985, № 11

Вариации на темы Шарля Перро

Юрий ПРИГОРНИЦКИЙ

1. ДВА ПИСЬМА

Милостивые государи,
тревога и удивление, терзающие меня
продолжительное время, заставляют об-
ратиться к вам с этим письмом.

Сперва о претензиях не могло быть и
речи. Тыква замечательно превратилась в
позолоченную карету, узники мышелов-

ки – в шестерку лихих лошадей, крыса – в
усатого кучера, а ящерицы – в ливрейных
лакеев, столь браво вскочивших на задок
кареты, словно всю жизнь только тем и
занимались.

Наивысшей похвалы заслуживает ме-
таморфоза, происшедшая с моим затра-
пезным платьицем. Оно расцвело и распу-
стилось, как почка майского каштана, ук-
расившись золотой и серебряной отдел-
кой.

На бал я прибыла во благовремении,
меня тотчас заметили, принц весь вечер
не отходил от меня, приглашал танцевать
и настойчиво расспрашивал, кто я и отку-
да. Естественно, я избегала прямых отве-
тов, и в результате принц безнадежно в
меня влюбился, а гости наперебой твер-
дили: «Загадочная принцесса...»

В полночь, не успели часы пробить двенадцать раз, я бросилась прочь из дворца. Один из хрустальных башмачков был ловко потерян на лестничном марше. А уже после того, как вся подаренная вами роскошь снова превратилась в мышей, ящериц, тыкву и залатанное платье, до меня дошли слухи, что принц нашел мой башмачок. Казалось бы, жаловаться не на что. Однако дальнейшие обстоятельства – или, точнее, их отсутствие – вынудили меня взяться за перо. Миновал год, а от принца между тем нет никаких известий. В чем дело?

Крайне удивлена – (подпись неразборчива)

Милостивая государыня, уполномочен выразить сочувствие по поводу причиненных Вам хлопот. Лично от себя хотел бы добавить, что полностью разделяю Ваши чувства и полагаю, что Вы вправе требовать награды за услуги, предусмотренные договором № 718 от 7.03 прошлого года, согласно которому Вы приняли участие в испытаниях опытных образцов икстигрекаппаратуры. Кстати, сообщая, что предварительная обкатка метатрансувеличенных грызунов и пресмыкающихся, а также бахчевой культуры «тыквы» оценена специалистами положительно.

Теперь о вознаграждении. По окончании упомянутых испытаний мы готовы были приступить к экспериментальной операции под кодовым названием «Осчастливливание», в результате которой принц, отдав приказ примерять хрустальный башмачок всем девушкам королевства, должен был разыскать Вас и заключить с Вами законный брак, что и составляло вознаграждение за участие в эксперименте. Однако выполнить данный пункт договора не представилось возможным.

Вас предупреждали, что метатрансувеличение одновременно шести мышей и такого же числа ящериц чревато непредсказуемыми последствиями. Однако Вам было угодно поставить нас перед выбором: либо шестерка лошадей и столько же лакеев, либо Вы отказываетесь участвовать в нашей работе. Между тем Вы вполне могли бы ограничиться парой метатрансувеличенных лошадей, как Вам

и было предложено. А шестеро лакеев – зачем столько? Рессоры едва выдержали.

К сожалению, Ваша алчность перевесила разумные аргументы, и мы вынуждены были согласиться на Ваши кабальные условия.

Итого печален: не выдержав перегрузки, сгорела обмотка трансформатора, что привело к замыканию в центральном энергореле. И, как мы предупреждали, в тот же миг произошло обратное превращение: лакеи стали ящерицами, карета – тыквой, кучер – крысой и проч., о чем Вы уведомляете нас в письме.

Но это не все. Нам не удалось довести до конца даже первый этап «Осчастливливания», поскольку необратимые последствия упомянутого замыкания стали причиной того, что заклинило двигатели семимильных сапог. Поэтому солдаты, которым выдали спецобувь, не смогли облететь королевство для принудительной примерки хрустального башмачка всем девушкам.

Вследствие вышеизложенного принцу не удалось отыскать Вас. С горя он женился на какой-то кухарке-сироте (ее зовут Золушкой) и, по нашим сведениям, уже оправился от душевного потрясения.

С искренним соболезнованием и надеждой на более близкое знакомство –
С. БОРОДА, ст. научный сотрудник

2. СЕГОДНЯ УТРОМ, СТО ЛЕТ НАЗАД

В одной руке ангел держал реторту, в другой – лягушку. Он парил над столом, заваленным книгами и склянками. «Неужели философский камень жидкий?» – зачарованно спросил я. «В этом весь смысл! – отвечивал ангел-алхимик, сливая содержимое реторты в чашу. – Теперь три капли лягушачьей крови... Бери же!» Я потянулся за желанной чашей, но что-то сотрясло вселенную, чаша исчезла и в глаза ударил свет: я проснулся.

– А? Что? – хватаясь за шпагу, выпрыгнул я из постели. Господи, да зачем же в такую рань? И снилось-то как раз...

Вновь грянул залп. Я в бешенстве распахнул окно. – Прекратить, каналы!

По вытоптанной траве парка я в беспокойстве ковылял к конюшням и слушал сбивчивый доклад идущих рядом мерзавцев. Оказывается, одна из лошадей очнулась! Одна из тех лошадей.

Вот и началось. Ежеминутно ко мне подбегали с докладами, из коих явствовало... из коих... Голова моя закружилась, меня вели под руки, и слезы тревожного счастья застилали передо мною мир.

– Ваше высочество! Фрейлины проснулись! Ваше высочество, пажи продрали глаза! Ваше высочество, камеристки!... лакеи!.. повара!..

– А как же она? – перебиваю. – Есть признаки?

Признаков нет. Мы огибаем южное крыло дворца. Под мертвыми яблоками – клетка с оборванцами. Они возбужденно перехватывают грязными руками прутья – почуяли, догадались...

– Радуйтесь, принцы! – кричу я. – Пробил час пробуждения! Сегодня поднимется та, к которой шел каждый из вас! Ее разбудю я! По предсказанию – поцелуем! Приглашаю на нашу свадьбу! Вас пронесут в клетке вокруг стола!

Не отшатнулся, даже не пошевелился только этот, белокурый. Его перехватили вчера, когда он выходил из волшебного леса. Этот человек был первым, перед кем лес расступился.

...Прежде чем войти в ее спальню, я приказываю освободить из-под стражи звездочетов, программистов, электронщиков и алхимиков.

Им повезло. Не начнись пробуждение, я бы подверг господ шарлатанов пыткам. Подумать, ели, пили, обирали мою убогую казну: золото им, видите ли, для каких-то кон-ден-са-то-ров требовалось! Рубины отовсюду выковыривали: ла-зер, дескать, ла-зер... Приходилось терпеть. Принцесса проспала только сорок лет, когда мы продрались сюда сквозь этот кошмарный лес. Еще тридцать ушло на бесплодные попытки разбудить ее. Пушки постоянно перегреты.

Но сколько ни палили мы в Морфея – это не действовало ни на принцессу, на на похрапывавших – до сего дня – придворных. Фея, устроившая сие, не предусмотрела лишь одного: моей любви к заколдован-

ной красавице. И сколь сомнительными ни казались посулы программистов и прочих чернокнижников ускорить ход времени во дворце, я разрешил этот научный грабеж казны, сопровождавшийся яростными склоками, то есть диспутами, после которых, истребовав вина старых запасов, хохочущие алхимики шли к кухаркам, а угрюмые радиоинженеры – к феям.

Непостижимо, как эта опутанная интригами компания сумела построить свой Генератор и в течение суток прогнала во дворец тридцать лет. Как бы то ни было, но $40 + 30 + 30 = 100$.

Передо мной открывают скрипящую дверь – принцесса лежит на ложе, увитом гирляндами искусственных цветов.

Я наклоняюсь к ее лицу и целую в щеку, целую с трепетом, несмотря на то, что делал это миллион раз. О, как я торопил пробуждение! Пушки грохотали, свирепые петухи орал на балконе, а внизу навзрыд орал серенады лучшие испанские кабальеро. Напрасно!

Но сейчас, когда в этих стенах миновали положенные сто лет, когда поднялись все заколдованные вместе с ней, – вот сейчас... Я втягиваю живот и заставляю себя глядеть соколом. Сейчас она сладко потянется и откроет глаза. Ну же!

Ни малейшего движения.

– Вы действительно принц? – спросил я, как только его привели.

– Действительно.

Делаю знак цирюльнику и, пока он возится с рукавом белокурого юноши, перед которым расступился лес, отворачиваюсь и молю бога, чтоб оправдалась моя последняя надежда.

– Ваше высочество, голубая! – млеет цирюльник. – Прикажите остановить?

– И немедленно!

Я смотрю в глаза юного принца взглядом преданного друга.

– Кровь вам еще понадобится, не так ли, сударь? Отныне вы свободны. То, что не удалось мне, удастся вам. Свадебный стол будет ждать вас у входа во дворец. Спешите же!

Пообещав некоей Куамелле, женщине с завидным слухом, десять серебряных, я

поставил ее под дверь спальни. Стол уже был накрыт, оркестр рассажен, а самые расторопные стражники караулили парадный вход, чтобы молодой принц не слишком долго утомлял принцессу своим обществом.

Стражники вздрагивают: мимо них проносится Куамелла.

– Проснулась, проснулась, – кудахчет она на бегу. – От первого же поцелуя! Уже выходят из спальни! Ваше высочество, а как насчет десяти...

Немедленно убрать.

Бешено бьется сердце. Она спускается с ним по лестнице. Прекрасная. Прекрасная. Ослепительная.

Но отчего мои подданные разбегаются? Им вослед, словно улюлюканье, – зв... зв... Кто-то включил Генератор! Принцесса и принц исчезают в глубине дворца.

Пока ученых допрашивают, хожу, лямая руки. Моя бедная возлюбленная, она там превращается в старуху. Впрочем, он тоже. Дьявольская машина работает на пределе: восемьдесят лет за полчаса.

Страшная догадка заставляет меня окаменеть. Бежать-то следовало не от дворца, а во дворец! Время, ускоренное для нас, там тянулось обычно. Значит, они успели прожить целую жизнь, и она любила его, а за окном – застывший мир, остановившееся солнце, под которым, как муха в янтаре, – я, старый безумец...

Разогреть, разогреть густую смолу! Я бегу, спотыкаюсь, бегу, из ноздрей течет не по-стариковски горячая кровь: спотыкаюсь, скатываюсь по ступенькам и вновь бегу, не чувствуя боли, не обращая внимания на камердинерский вой. Зв... зв... зв... – все громче звучит надо мной монотонный приговор.

Во дворце все обвито тяжелой от пыли, фантастической паутиной. Источенная шашелем мебель рассыпалась по ветхим коврам. Цепеня от страха, я шепчу имя Девы Марии, крадусь по зловонным коридорам, пока не оказываюсь в бывших своих апартаментах. Странно: если не считать пыли, здесь все почти так же, как было утром. Сегодня утром, сто лет назад.

Если не считать и этого полуйствешего листка в мраморной шкатулке.

«Ваше Высочество, все мои попытки проникнуть за пределы дворца или остановить Генератор были тщетны. Этот белокурый паук намертво опутал меня своей невидимой паутиной, и вся моя жизнь после пробуждения стала пыткой. Я узнала о Вас все: подумать только, Вы истратили всего себя, чтобы разрушить колдовство и добиться моей любви! И тут является самодовольный юнец, которому «предопределено» получить мою руку. Знайте же, ни секунды я не любила его. Все эти ужасные годы Вы один были моим Принцем.

Недавно я закрыла глаза разбудившего меня. Но и теперь не выйду из дворца, как бы ни мечтала хоть тайком коснуться Вас. Любите юную принцессу: старушке же довольно и того, что видит Вас, устремившегося к главному входу. Как хорошо, что Вы не успеете!

Прощайте. Быть может, мы встретимся где-нибудь там, где нет времени».

Я долго брожу по дворцу, и ничто уже не тревожит меня. В небольшой гостиной, наполовину занятой Генератором, со скукой слежу за полетом ядра, выпущенного одной из моих пушек.

Едва вращаясь, ядро ползет прямо сюда. Страшно – ведь только сейчас, войдя в эту комнату, я подумал, что убью проклятую машину. Волокна воздуха окутывают темный шар, тянутся мантией; ядро страшно медленно и очень точно приближается к окну.

Прекрасный выстрел. Всех наградить.

1985, № 4

И СОВСЕМ НЕ ФАНТАСТИКА

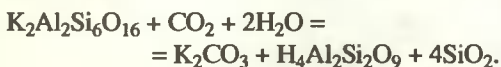

Похвала глине

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЧЕЛОВЕКА

Общезвестен процесс дегидратации слоистых алюмосиликатов, входящих в состав глин. Этот процесс используется при обжиге глиняных изделий в керамическом производстве. В литературе описан положительный опыт использования данного процесса при создании биологической системы (1), однако достоверность этого эксперимента неоднократно ставилась под сомнение, особенно в последнее столетие.

Первым и непревзойденным материалом, использованным при изготовлении указанной системы, была глина – широко распространенная в природе горная порода, которая образуется при разрушении алюмосиликатных минералов согласно уравнению:

Не будет преувеличением утверждать, что первым достоверным завоеванием цивилизации была разработка технологии изготовления из глины вместилища различных жидкостей достаточно примитивной конструкции, ныне известного под названием "горшок" (2).

Исключительное значение горшка в развитии цивилизации подчеркивается популярным теоретическим положением, использующим это устройство в качестве начала координат или нуля-отсчета. Речь идет об известном постулате: "От горшка – два вершка", который, очевидно, послужил основой для последующего развития вычислительной техники.

Утверждают также, что лишь с изобретением горшка был изобретен суп, в результате чего был сделан шаг в изменении пищевого рациона древнего человека от полусырого первобытного шашлыка к европейской кухне (3). Это не могло не сказаться на социальных и экономических отношениях древних челове-

ческих сообществ: сырье для шашлыка, особенно для хорошего шашлыка, и тогда было дефицитным (4), суп же можно варить в практически любом потребном количестве, имея мизерные запасы мяса и неограниченные – воды (5).

Другим следствием появления горшка, по-видимому, стало образование семьи, что нашло свое отражение в известной поговорке: "Семейный горшок веселей кипит".

Для преодоления хрупкости горшка был придуман котелок, изготовление которого потребовало умения выплавлять и обрабатывать черные и цветные металлы и тем самым дало мощный импульс для развития металлургического производства и возникновения монетной системы. Общеизвестен также мужской головной убор под названием котелок (6 и др.).

Обнаружив, что "пустой горшок звонче звенит", человечество приобрело возможность осуществлять строительство концертных залов и театров, где вмазанные в стены горшки в качестве резонаторов звука создавали необходимые акустические характеристики помещения.

Усовершенствованной модификацией горшка стал кувшин или, по-старинному, кукшин, с появлением которого стало возможным возникновение письменности: "Приготовить сосуд кукшин... впусти сусло чернильное и сосуд заткнув поставить в сокровенное место на двенадцать дней. То есть скорее оно и книжное чернило" (7).

Дальнейшее развитие изобретательской мысли привело к созданию графина (caraffina), штофа (stoff), бутылки (bouteille), стакана (stackan) и развитию соответствующей отрасли товарного производства, продукция которой стала играть в жизни человечества не менее значительную роль, чем гончарные изделия, используя в качестве биологического стимулятора: "Уж подкрепив себя стаканом, Пикар кряхтит над чемоданом" (А.С. Пушкин).

Для удовлетворения возросших потребностей человечества в горшках и горшечных изделиях был изобретен гончарный круг. Очевидно, забота древних

людей о совершенствовании технологии изготовления горшков была более насущной, нежели охота к перемене мест. Поэтому модификация гончарного круга, известные под общим названием "колесо", появились позднее. Идея использования крутящего момента, впервые примененная в конструкции гончарного круга, во всех других моделях колес осталась без изменений. В некоторых конструкциях даже был сохранен принцип использования мускульной силы для получения угловой скорости (велосипед, телега, дилижанс, карета). Дальнейшая модернизация привела к созданию колесного транспорта на физико-химической тяге (паровоз, пароход, автомобиль) (8).

Особо надо сказать про кирпич.

Изобретение кирпича дало толчок развитию архитектурных форм жилищ, сооружению отопительных устройств (печей) и дымовых труб.

На фоне развития крупноблочного строительства непревзойденные тепло- и звукоизоляционные качества кирпича обеспечили ему свойства дефицитного товара, о чем свидетельствует всеобщее стремление к проживанию в кирпичных домах (9). Значение глины в жизни человека не осталось незамеченным благодарной памятью человечества и нашло свое отражение в поговорке "бородка Минина, а совесть глиняна", в фамилиях Гончар, Гончаров, Гончаренко, Горшков, Кувшинов, Котельников, Черепанов, Кирпичев, Глинка и целого княжеского рода Глинских, ведущих свою родословную от потомков золотоордынского хана Мамай, а также в таких словах, как дувал, такыр, карас, мазар.

Напомним, что долгое время в русской химической литературе алюминий называли глинием, а его окись и сейчас называют глиноземом (10). И что статья "Глина" в словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона принадлежит перу Д.И. Менделеева.

Таким образом, по своему значению в развитии человеческого общества глина не имеет аналогов среди других природных материалов. Соответственно заключаем, что глина – необходимый элемент цивилизации и что выбор глины для

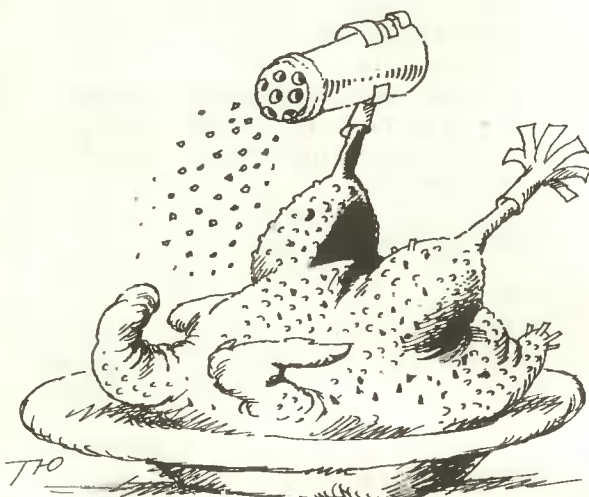
эксперимента, упомянутого в начале нашего обзора, был, по-видимому, оправдан.

Кир ПИЧЁВ

ЛИТЕРАТУРА

1. Ветхий завет. Бытие, I, 27.
2. Г.-Х. Андерсен. Свинопас. М., 1955.
3. Книга о вкусной и здоровой пище. М. – Л., 1955.
4. Д'Эрвильи. Приключения доисторического мальчика. М., 1949.
5. Судебные речи русских адвокатов. СПб., 1895.
6. Оскар Уайльд. Сочинения в 2 томах. М., 1962.
7. Ипатьевская летопись. СПб., 1871.
8. Encyclopaedia Britannica.
9. Бюллетень по обмену жилплощади. М., 1965–1978.
10. Н.Л. Глинка. Общая химия. М., 1965, изд. 12-е.

1978, № 10

О незыблемом

Помните ничью бабушку на антресолях, которая не верила в электричество? Поскольку лампочки горят и трамваи ходят, в электричество как таковое приходится верить. Но иногда...

В седьмом классе идет лабораторка на закон Ома. Тянут руки: не получается.

– Наверное, – говорю им, – сел аккумулятор. Вы данные по току чуть завьсьте, а по напряжению чуть понизьте.

Они, конечно, рады: все как надо, «и» равно «у» на «эр». А я думаю: «При чем здесь аккумулятор? Сел он или нет, закон-то остается...»

Опять тянут руки: все равно не получается. Чтобы выиграть время, стучу по шкале вольтметра. Потом говорю сурово:

– Вы же не в той системе вычисляете. Чему равно ускорение свободного падения?

– Девять и восемь.

– Вот умножьте – и получится.

Конечно, ускорение тут ни при чем, но теперь они на всю жизнь запомнят, что «и» равно «у» на «эр». А вдруг не равно? Или равно, но чему-то другому? Что если Земля вошла в какое-нибудь космическое поле...

Оборачиваюсь – они снова руки тянут!

Вы возразите: школа – не тот уровень. Согласен. Но я еще учусь в институте на вечернем.

С органики спрос невелик. Кипятишь что-то в колбе на водяной бане, собираешь три капли в пробирку. Преподаватель посмотрит на жижу, размазанную по доньшкку, продегустирует пары и стыдливо скажет: «Будем считать, что это ацетофенон. Запишите: выход 50%».

Но аналитика – точная наука. Берешь пять капель того, четыре с половиной этого, доводишь пэ-аш до нормы – и под микроскоп. А там ничего.

– Что же вы хотите? – спрашивает преподаватель. – Так ничего и не будет.

И пока он объясняет что к чему, у одного студента осадок возьми и выпадет. Преподаватель ставит его нам в пример. А потом отзывает в сторону и тихо спрашивает: «По-честному, чего вы туда намешали? Ведь никогда не выпадает...».

Впрочем, все это химия. Ее некоторые вообще не считают за науку, потому что понять не могут. А физика?

Делал мой сокурсник работу на магнитное поле Земли. Замерил. Вычислил.

– У меня, – показывает он, – получилось вот что, а по книге должно быть вот что.

Преподаватель переводит взгляд с одной цифры на другую, подходит к установке, стучит пальцем по шкале и говорит – ну точно как я своим семиклассникам:

– Сегодня влажность большая, обмотки, наверное, коротят. Вы ток понизьте, а магнитный поток завьсьте.

А на перекуре слышу такой разговор:

– Какая у тебя, – спрашивает наш преподаватель у коллеги, – минимальная погрешность в лабораторной по магнитному полю Земли?

– Пять тысяч процентов, – отвечает тот после хорошей затяжки.

– А у меня один студент получил десять тысяч процентов.

– Так не бывает, он списывал. Если бы сорок тысяч процентов, то я бы еще поверил.

Бросил окурочек в урну и пошел в лабораторию. Спокойно так, будто ничего и не происходит. Привыкли, что ли?

Я понимаю, это частности, фундаментальные законы на месте. И ничего волноваться. Хотелось бы верить...

Иду на очередное занятие: «Проверка закона сохранения массы». Дело привычное, подогрели – взвесили. Иду и нервничаю: вдруг без пропущения внешнего воздуха вес колбы не останется в прежней мере?

А все же бабушка на антресолях кое в чем была права.

Я. БАБУШКИН

1978, № 12

О сверхтонком взаимодействии теоретической физики и правил дорожного движения

Настоящая работа имеет целью продемонстрировать неразрывную связь между законами движения, установленными Академией наук и Госавтоинспекцией.

Прежде чем представить оригинальные результаты, напомним формулировку первых правил движения:

1) карета движется прямолинейно и равномерно и или находится в покое, пока на лошадь не подействуют кнутом;

2) ускорение, с которым движется карета, обратно пропорционально массе пассажиров;

3) лошадь действует на карету с той же силой, с какой карета действует на лошадь.

Стройная механистическая картина мира была, однако, поколеблена экспериментальными данными. Оказалось, что упомянутые правила применимы лишь при движении с малыми скоростями. Изобретение автомобиля вызвало к жизни новые законы, основанные на релятивистской квантовой механике.

Будем рассматривать пешехода как элементарную частицу с малой массой покоя. В этом приближении его действия при переходе улицы можно интерпретировать как переходы с одного уровня на другой. Тяжелые частицы, встречающиеся на проезжей части, поддаются простой классификации. Они подразделяются на автоны, троллоны и трамвоны. Автоны в свою очередь делятся на волгоны, зилоны, мазоны, К-мазоны (или камазоны), жигулионы (в зарубежной литературе – ладоны) и др.

Орбиты автонов не квантуются, в то время как троллоны и трамвоны имеют строго определенные, квантовые орбиты. Их поведение регулируется принципом запрета, который первоначально гласил: «Любая частица вмещает лишь столько других частиц, сколько может вместить».

Рост жилищного строительства на удаленных орбитах привел к значительному росту плотности состояний, особенно в пиковых точках, поэтому в настоящее время принцип формулируется так: «Любая частица вмещает столько других частиц, сколько в нее поместилось».

Открытие новых частиц и рост их скоростей побудили ввести новые квантовые числа – цвет и странность.

Цветные частицы называются также резонансами, поскольку приходят в движение в ответ на телефонный вызов. Они подразделяются на три категории: красные (Δ^{01}), желто-синие (Δ^{02}) и бело-красные (Δ^{03}). Резонансы отличаются высокой скоростью, квантовые запреты на их движение не распространяются.

Странность может приобрести, вообще говоря, любая достаточно элементарная частица, поглотившая предварительное определенное количество алкоголя. Для этого частицы обычно группируются в триплеты, реже в секстеты, октеты и т.п. мультиплеты. Волновая функция странной частицы теряет гладкость, ее движение подчиняется принципу неопределенности. Иными словами, невозможно предсказать, в какой момент времени странная частица окажется в данной точке пространства.

На движение странных частиц наложено строгое ограничение: они захватываются желто-синими резонансами и помещаются в потенциальную яму, где пребывают до полной потери странности.

Рассмотрим далее квантовые переходы. Они подразделяются на разрешенные и запрещенные. Если светофор начинает осциллировать в то время, когда частица совершает разрешенный переход, то переход незамедлительно сменяется квантовыми скачками, имеющими целью предотвратить столкновение с другими, значительно более тяжелыми частицами. Такая встреча означает для легкой частицы потерю энергии, для тяжелой – длительную локализацию в точке, достаточно удаленной.

К запрещенным относятся переходы, происходящие в желтой и красной областях спектра излучения светофора. Частный случай такого перехода – нарушение

туннельного эффекта, при котором частица, пренебрегая туннелем, проникает сквозь барьер, отделяющий тротуар от проезжей части.

Запрещенные переходы ограничиваются правилами отбора. Одно из них корректно описывается формулой

$$M = nh,$$

где M – (от латинского *moneta*) – изымаемая сумма, n – целое положительное число, а h – постоянная планка, то есть наименьшее число, которое может быть указано на квитанции об уплате штрафа. В системе СИ $h = 3$ руб.

Из вышеизложенного следует, что квантовомеханический подход позволяет корректно сформулировать правила движения. В настоящее время ведутся работы по единой теории поля, которая призвана обобщить правила движения на случай бездорожья.

Автор признателен сотрудникам ГАИ за помощь в накоплении экспериментальных данных.

В. ЗЕЛЕНКОВ

ЛИТЕРАТУРА

1. З а й м а н Дж. Современная квантовая теория. М.: Мир, 1971.

2. З е л е н к о в В. Квитанция АП № 245647 об уплате штрафа. Минск, 1984.

1984, № 7

Гидродинамика толпы

$$\rho gz + p + \rho \frac{v^2}{2} = \text{const.}$$

Уравнение Бернулли

Применять математику к любым явлениям, в том числе и не имеющим к ней никакого отношения, стало признаком хорошего научного тона. Подобное желание появилось и у меня; однако, не в пример некоторым, я остановился на проблеме, не терпящей отлагательств.

Каждодневное участие в посадках, высадках и пересадках с транспорта на транспорт навело меня на мысль о сходстве потоков людей и жидкости. Ознакомление с литературой показало, что эта мысль не нова: "...Подобно широкому и могучему потоку неслась толпа..." (А. Толстой), "...От этих рек (людей. – И.Г.) отделялись ручейки и вливались..." (М. Булгаков). Однако цитируемые авторы не привели математического описания и тем более не пытались использовать свои наблюдения в практике.

Казалось бы, движение можно описать тривиальной формулой $s = vt$. Но при этом молчаливо предполагается, будто $v_{\text{толпы}} = v_{\text{человека}}$, а из опыта ясно, что это не так. Когда людей много, образуется новое качество, и у этого качества должны быть свои законы.

Приняв аналогию толпа – жидкость, воспользуемся законами гидродинамики. Рассмотрим уравнение Бернулли, которое применительно к новым обстоятельствам будет называться уравнением Гончарова – Бернулли. Свою фамилию я поставил на первое место потому, что уравнение в старой форме теряет актуальность: его использовали большей частью, описывая движение воды в трубах, что в настоящее время наблюдается далеко не всегда, особенно на верхних этажах.

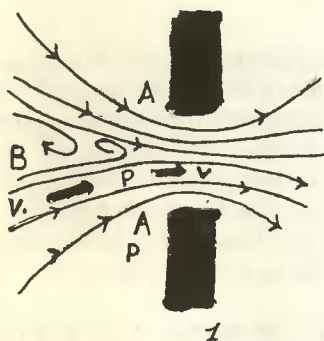
Немало полезного можно почерпнуть уже из одномерного варианта уравнения, когда первый его член, учитывающий перепад высот (на лестницах, эскалаторах, подножках автобусов и т.п.), выбра-

сывается:

$$p + \rho \frac{v^2}{2} = \text{const.}$$

Очевидно, что при росте скорости давление падает (на этом, кстати, основано действие водоструйного насоса). В нашем случае вывод будет таким: при втекании толпы в отверстие образуются зоны всасывания. Это подтверждено многократными экспериментами. Например, в метро: достаточно выбрать правильное место на платформе, и вы без всяких усилий оказываетесь в вагоне. Порою сила всасывания такова, что ноги отрываются от земли. Люди же неопытные стоят до второго, иногда и до третьего пришествия поезда.

Схема явления приведена на рис. 1. Из уравнения сплошности $F_1 v_1 = F_2 v_2$ (где F – сечение) следует, что $v_2 > v_1$, значит $p_2 < p_1$. Разность давлений приводит к тому, что образуются две зоны: всасывания (А) и застоя (В).

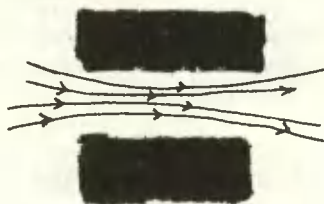

Если скорость существенно возрастает, то давление может упасть настолько, что начинается разрежение потока и образование в нем пустот; в гидродинамике это явление называется кавитацией и обычно бывает вредным. Кавитацию в толпе следует считать полезным явлением. В частности, на границе двух противопотоков (например, в переходах метро), где относительная скорость велика, а давление мало, образуется свободное пространство, позволяющее отдельным индивидам развивать значительную скорость.

Далее обратимся к модификации уравнения Гончарова – Бернулли, с дополнительным слагаемым $\Delta p_{\text{м.с.}}$ означающим потери давления:

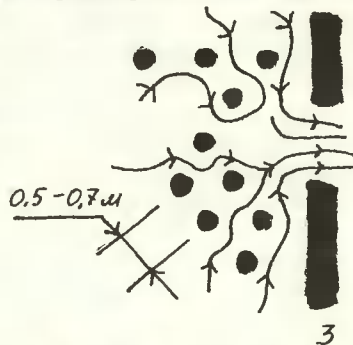
$$p + \rho \frac{v^2}{2} + \Delta p_{\text{м.с.}} = \text{const.}$$

Совершенно ясно, что при росте $\Delta p_{\text{м.с.}}$ скорость, а следовательно, и пропускная способность человекопровода уменьшается. Ради этого у стадионов и станций метро в часы “пик” устраивают длинный узкий проход, огороженный с обеих сторон барьерами (рис. 2). Тогда возникают потери давления по длине: $\Delta p_{\text{м.с.}} = kL$, где k – коэффициент пропорциональности.

Могу предложить не менее эффективный способ: вбить перед входом лес столбов на расстоянии 0,5–0,7 м (рис. 3). Или посадить деревья с тем же интервалом. Последнее с эстетической точки зрения предпочтительнее.

На первый раз достаточно. Наблюда-

тельный читатель сам найдет и новые приложения теории, и другие примеры, подтверждающие ее справедливость. Хочу лишь отметить, что здесь вскрыта только часть явления; для более глубокого понимания следует решить обобщенное дифференциальное уравнение ... – Навье–Стокса (вместо точек свою фамилию поставит будущий автор). Что же до значения эквивалентной плотности толпы γ , то я его не раскрою; в противном случае все станут ездить научно и конкурентов не оберешься.

И. ГОНЧАРОВ
1980, № 8

Пятипальцевая теория темпераментов

Сперва я просился в рубрику "Размышление". Потом сократил статью втрое и попросился в "Гипотезы". Теперь скрепя сердце соглашаюсь на "Ученые досуги" – а уж читатель, надеюсь, разберется, что мое сочинение не имеет никакого отношения к этой рубрике.

1. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Ученый труд украшают ссылки. Они показывают эрудицию автора и укрепляют доверие к результатам.

И.П. Павлов [1] показал, что теорию темпераментов надо строить на нервной почве. У нервной системы [2] есть двенадцать свойств. Распорядимся ими разумно: пусть у каждого свойства будут лишь два проявления – слабое и сильное. Тогда, согласно [3], максимально возможное число темпераментов составит $2 \times 2 \times \dots \times 3 \times$ (12 раз), т.е. 4096, и это гораздо больше, чем можно запомнить. В последующих публикациях, если будет позволено, мы рассмотрим каждую из 4096 комбинаций; а сейчас попытаемся уточнить минимальный набор темпераментов, с которым не стыдно показаться в учебном обществе.

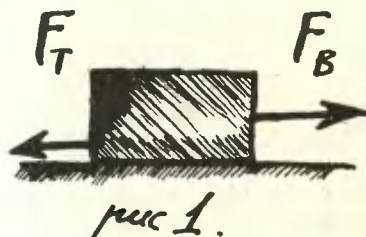
2. ОТ ОДНОГО ДО ПЯТИ

Существует лишь один, общечеловеческий темперамент, или $N = 1$. Такой недифференцированный подход современная наука отвергает. Темпераментов два (большой и малый) или три (большой, малый и средний) – не намного лучше. Дальше ни очереди $N = 4$. Эта гипократова идея принадлежит уже истории, однако и ныне учение о темпераментах трудно построить без сангвиников, холериков, меланхоликов и флегматиков.

Следующий шаг в теории ($N = 5$) сделан в предлагаемой ниже пятипальцевой теории.

3. КРИТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

Покажем, что в живом организме сила торможения не может превзойти силу возбуждения, или $F_B > F_T$. Для доказательства формулы воспользуемся методом абсолютизации внешнего сходства. Обозначим через F_B и F_T силы волочения и трения (рис. 1), для которых эта фор-

мула справедлива. Так как волочение аналогично возбуждению, а трение – торможению, формулу можно считать доказанной. Особенную убедительность придает доказательству единство обозначений.

Но если возбуждение и торможение взаимозависимы, то для классификации надо искать другую основу.

4. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ЧАСТЬ

В общественном транспорте, желательно в час пик, будем наступать на ноги пассажирам, упакованным вместе с нами в вагон. Это позволит снять широкий спектр реакций на стандартный раздражитель и выявить уровни реактивности человека.

С учетом типичных реакций эксперимент лучше проводить как мысленный. Результаты – в табл. 1. Заодно посмотрите табл. 2 – в ней показаны уровни активности жизненной позиции. Проявления активности и реактивности независимы: автор лично знает тяжелых на подъем (табл. 1) говорунов (табл. 2) и умственно ленивых (табл. 2) кисейных барышень (табл. 1).

Табл. 1. Реактивность и ее проявления

Реакции	Проявления	
	сильное	слабое
двигательные	легок на подъем	тяжел на подъем
мыслительные процессы	живой ум	тугодум
чувствительность	кисейная барышня	чурбан
эмоциональность	давайте разберемся!	а не все ли равно?
Поведение	реактивное	инертное

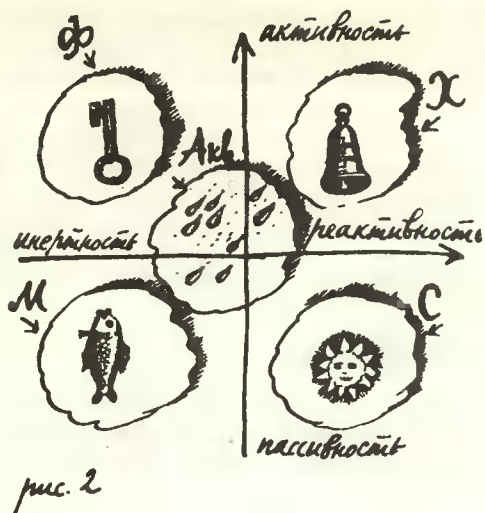
Табл. 2. Активность и ее проявления

Активность	Проявления	
	сильное	слабое
двигательная	непоседа	с места не сдвинуть
речевая	говорун	молчун
мышление	умственный труженик	умственный лентяй
фантазия	фантазер	любитель фантастики
Поведение	активное	пассивное

5. ПОСТРОЕНИЕ МИНИМАЛЬНОГО НАБОРА

Изобразим оси координат "активность – реактивность" и продлим их в сторону слабых проявлений ("пассивность – инертность"). Гиппократовы температуры можно тогда изобразить на плоскости так: холерик – активно-реактивный, флегматик – активно-инертный, сангвник – пассивно-реактивный, меланхолик – пассивно-инертный (рис. 2). График получается очень красивым, но раздражает дырка посередине. Заполним ее еще одним темпераментом, что и составляет элемент новизны.

Отдавая себе отчет в условности термина, назовем новый темперамент аквиническим, поскольку вода – главная жидкость в организме и она легко заполняет всевозможные дырки. Формула аквиника: активно-пассивно-реактивно-инертный. Человек имеет аквинический

темперамент в том и только в том случае, если его нельзя назвать ни холериком, ни флегматиком, ни сангвиником, ни меланхоликом.

6. АНАЛОГИИ

Преимущество нашего набора перед гиппократовым состоит в возможности установить взаимно однозначное соответствие с пальцами руки (рис. 3). Не исключено, что пальцы придется называть заново: вместо большого – флегматический (флегматики обычно крупные

люди); вместо указательного – сангвинический (указующий перст нередко принадлежит сангвникам); вместо безымянного – холерический (холерик, разойдясь, забывает и собственное имя); вместо мизинца – меланхолический (и то, и другое на букву "м"). Аквиническому темпераменту будет тогда соответствовать средний палец; объяснение этому феномену еще предстоит найти.

7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сформулированная выше пятипальцевая теория темпераментов не оставляет простора для последователей, ибо введение

хотя бы одного нового темперамента подорвет основу теоретической схемы – пятипальцевость. В этом залог долговечности теории.

В. ТРЕТЬЯКОВ

Литература

1. П а в л о в И.П. Полн. собр. соч. Т.3, кн. 2. М.: АН СССР. 1951. с. 267.
2. Н е б ы л и ц ы н В.Д. Основные свойства нервной системы человека. М.: Просвещение, 1966.
3. В и л е н к и н Н.Я. и др. Математика. Уч. для 4 класса. М.: Просвещение, 1984.

1985, № 12

Ненаучные истории

ВАЖНЕЙШИЙ ПРИНЦИП

Алхимик сделал философский камень, запер, довольный, свою лабораторию и пошел спать. А утром приходит – камня нет! Ночью вор в окошко залез и украл.

Побежал алхимик к своему покровителю, герцогу, и рассказал про горе. "Ничего, – говорит герцог, – вора мы быстро поймаем".

И правда, к вечеру того же дня поймали вора, нашли у него и камень. Только тот камень стал нефилософским. Вор его испортил: хотел разбить и продать по частям.

Но герцог ничуть не расстроился. "Ты, – говорит он, – умеешь делать философский камень. Вот и сделай еще один".

Пошел алхимик в свою лабораторию, начал работу заново. Все, вроде бы, как раньше делает, а ничего не получается! Прослышал про это герцог и осерчал: "Всыпать обманщику двести горячих!"

И всыпали. Даже тогда ученым дорого обходились невоспроизводимые результаты.

РЕАКЦИЯ БРЮККЕ

Начинающий химик Брюкке захотел посмотреть, что получится, если бромистый маразмил смешать с окисью кардамона. Мы с вами знаем, что ничего хорошего не получится, но Брюкке жил давно и наших теорий еще не знал.

Налив в колбочку бромистого маразмилла, стал Брюкке бегать по лаборатории, искать второй компонент. А окиси кардамона возьми, да ни у кого не окажись! Маразмил из колбы испаряется, разлагается и нехорошо пахнет. Тогда наставник молодого химика, коллега Шванцер, и говорит: "Дружище, чем зря бегать и вонять, плесните-ка себе в колбочку вон из той скляночки. Стоит она давно, надпись стерлась, может быть, в ней та самая окись и есть".

Налил Брюкке себе в колбочку чего-то из той скляночки, погрел – никакого

толку. Взял термометр, стал им перемешивать в колбочке, да неловко – термометр разбил. А ртуть оказалась катализатором – и вдруг началась бурная реакция. Правда, второй компонент оказался не окисью кардамона, а перепойгидратом... Впрочем, это неважно. Главное, что эта реакция по сей день так и называется: реакция Брюкке.

А безвестный химик Шванцер до самой смерти завидовал своему удачливому ученику.

НАУЧНАЯ ЭТИКА

Монах ордена святого Бенедикта отец Генрих две недели постился, не грешил даже помыслом и не мыл ни рук, ни ног. После этого он испросил у своего святого покровителя благословения на синтез философского камня, смешал красную землю с черной, добавил бычьего корня и грел все это неделю на медленном огне, непрерывно творя молитву. Философского камня отец Генрих не получил, но зато выделил нечто твердое, зеленое, отлично убивающее вредных насекомых.

Прослышав об этом свойстве продукта, пивовар Смальцер смешал все то же самое и получил тождественное начало, но без поста и молитвы, греша семью разными способами.

Успех его, несомненно объяснялся помощью сатаны, за что пивовара наказали плетью, а его богомерзкое зелье выбросили на помойку.

И поделом! Нужно уважать традиции чужой научной школы.

ВЕЧНАЯ СЛАВА

Хаммер мечтал о вечной славе. Он ее (то есть славу), конечно, заслуживал, потому что был заведующим лабораторией. Но, увы, никто, кроме ближайших сотрудников, не считал Хаммера знаменитостью.

"Самое надежное, – рассуждал про себя Хаммер, – открыть какой-нибудь новый элемент и назвать его своим именем. Но поди, открой! Куда проще увековечиться в каком-нибудь соединении".

И при первом же удобном случае Хаммер намекнул своим сотрудникам –

дескать, полезно было бы... Сразу же закипела работа и было получено новое вещество, которому присвоили тривиальное название "хаммин". Хаммер так был рад, что формулу этого вещества даже на своих карманных часах выгравировал.

Да вдруг – бух! – в одном иностранном журнале появляется маленькое письмецо. Какой-то зануда раскопал, что соединение, открытое в лаборатории Хаммера, известно уже чуть ли не сто лет и тривиальное название у него уже имеется – дуррол*. Пришлось Хаммеру на новые часы потратиться...

Вот что получается, когда научные работники не читают научную литературу!

ПЛОДЫ КОНСЕРВАТИЗМА

Злодей-дракон похитил красавицу Прайю и заточил ее в гранитную скалу.

Освободить красавицу взялся влюбленный в нее богатырь Силан. Каждое утро он приходил к скале с киркой и до заката долбил камень. Прайя нежно смотрела на любимого через узкую щель, оставленную драконом для вентиляции, и это подбадривало богатыря.

Шли годы. Подвиг Силана воспевали поэты, а некоторые смекалистые люди стали потихоньку водить к скале группы туристов, взимая с них соответствующую мзду.

Но если говорить честно, работа у Силана продвигалась туго. Это с самого начала предвидел друг Силана – Фома, который, как говорили, водился со всякой нечистью. "Послушай, – говорил он Силану, – брось долбить, все равно не продолбишь. Лучше дам я тебе такую штуку – подожжешь, и враз скалы не станет!"

– А что же будет с моей красавицей? – резонно спрашивал Силан. – Ее тоже не станет?

– Ее тоже, – смутился Фома.

– Ну, тогда пойдя прочь! – гневался богатырь, с удвоенной энергией продолжая работу.

Спустя некоторое время Фома снова стал приставать к Силану:

– Ты тогда был прав. Но теперь я совсем безопасную штуку придумал...

Силан не отвечал...

И вот прошло много лет, Силан устал, состарился и примелькался даже туристам. После одного особенно тяжелого дня бывший богатырь сдался:

– Приди, Фома, помоги мне своим адским средством!

Торжествующий Фома тотчас же притащил огромную бочку с дурно пахнущей жидкостью и стал этой жидкостью поливать камень. Несокрушимая скала начала на глазах таять, и вскоре ликующий Силан извлек на свет свою красавицу.

Но что это? Перед ним стояла трясущаяся, бледная и слепая старуха...

Вот что бывает, когда медлят с внедрением.

В. КОТЬ

1972, № 9

* Честное слово, такое вещество есть! – Авт.

А телефон еще не изобрели...

Такие таинственные явления человеческой психики, как телепатия и ясновидение, постоянно привлекают ученых. Одни ищут механизмы, лежащие в основе этих явлений, другие пытаются понять, как можно интересоваться этой ерундой.

Мы построили свою гипотезу ψ -поля. Она основана на двух постулатах: 1) ψ -поле нельзя свести к комбинации известных физических полей; 2) скорость распространения сигналов в ψ -поле превышает скорость света, поскольку нет ничего быстрее мысли.

Представим себе, что индуктор посылает мыслеграмму в момент t_m , а перцепиент принимает ее посредством ψ -поля в момент t_ψ . Воспользуемся преобразованием Лоренца:

$$t_\psi = \frac{t_m}{\sqrt{1 - V_\psi^2 / C^2}}.$$

Первый постулат предполагает, что параметры ψ -поля нельзя записать в виде действительных чисел, поэтому вместо t_ψ запишем $i \cdot t_\psi$. Из второго постулата следует, что величина под корнем отрицательна, то есть корень можно представить в виде $i \cdot \lambda$. Выражение примет вид:

$$i \cdot t_\psi = \frac{t_m}{i \cdot \lambda},$$

а так как $i^2 = -1$, то

$$-t_\psi = -\frac{1}{\lambda} t_m.$$

Обратите внимание: перед t_ψ стоит знак минус. Он показывает, что время в ψ -поле течет в обратном направлении. Это незначительное на первый взгляд обстоятельство имеет важнейшее следствие: мыслеграмма принимается раньше, чем ее передаст индуктор!

Теперь понятны ошибки в построении телепатических опытов. Представим себе

типичный эксперимент: собаку усаживают на площадке, сзади располагается экспериментатор и, сосредоточив взгляд на гипоталамусе собаки, посылает телепатический сигнал "Встать!" Как правило, эксперимент удается плохо, собака нервничает и вскакивает раньше времени. И все лишь потому, что методика эксперимента принципиально неверна. Экспериментатор должен сосредоточиться и ждать до тех пор, пока собака не встанет. Только после этого он должен послать телепатический приказ "Встать!", и тогда сигнал дойдет до собаки как раз вовремя.

Признание нашей гипотезы позволит восстановить права миллионов неизвестных изобретателей. Каждому знакомо чувство разочарования, когда он узнает, что его блестящая выдумка давно известна человечеству. Не поддавайтесь этому чувству! Именно вы и есть подлинный автор, который послал в прошлое сигнал; предки просто приняли его.

Считается, что фарфор изобрели в Китае, автоматический регулятор – в Англии, телефон – в Америке. Нонсенс! Теперь мы знаем, что все эти и многие другие изобретения сделаны на самом деле совсем не там и значительно позже, чем принято думать. А телефон, судя по странностям его работы, по всей вероятности, еще не изобрели. Его может изобрести в будущем любой из нас.

Несколько слов о ясновидении. Преуспевающий бизнесмен Б. пришел к ясновидцу Дж. и рассказал, что собирается поплыть за океан на "Титанике". "Ни в коем случае не делайте этого", – посоветовал ясновидец.

Некоторые исследователи считают подобный дар предвидения каким-то особым свойством психики. Между тем это просто частный случай телепатии, а именно автотелепатия. В самом деле. Гибель "Титаника" вызвала у многих людей сильные переживания и, следовательно, в прошлое были направлены мощные телепатические сигналы. Мистер Дж. тоже послал в прошлое мыслеграмму, которую благополучно сам и принял еще до прихода бизнесмена Б.

Пора подвести итог.

Может оказаться, что подобные мысли уже были высказаны нашими предшественниками. Очень хорошо! Это подтвердило бы справедливость гипотезы и сделало бы наше авторство несомненным.

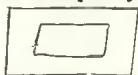
О мнимой единице и дырке от бублика

Как известно, существование позитрона, а затем и других античастиц было сначала предсказано теоретически, выведено из анализа абстрактных уравнений, а затем уж доказано экспериментально. Видимо, и многим другим математическим абстракциям можно при известном напряжении мысли найти реальные эквиваленты.

Меня, в частности, давно занимал вопрос: а что конкретно представляет собой мнимая единица, $i = \sqrt{-1}$? После долгих размышлений мне удалось сделать открытие, истинное значение которого я даже затрудняюсь оценить.

Возьмем обыкновенный бублик. Существует ли его дырка? Несомненно. Однако вещественна ли она настолько же, насколько вещественно тело бублика, которое можно разжевать и проглотить? Сомнительно, хотя бублика без дырки не существует. То есть бублик представляет собой комплексное тело, подобное комплексному числу в математике: оно состоит из действительной, вещественной части (тела бублика) и некоторой менее вещественной, мнимой части (дырки).

Далее для удобства и большой наглядности перенесем рассуждения на плоскость. Возьмите безопасную бритву и аккуратно вырежьте изображенную ниже квадратную дыру:

У вас получится плоская модель дырки от бублика. Определим площадь этого листа бумаги. С одной стороны, она равна площади такого же листа бумаги без дырки, ибо лист с дыркой занимает столько же места, сколько и

Правда, в том случае, если наши заметки будут напечатаны и мы сами прочтем их, то можно ли будет говорить об авторстве? Что ж, в таком случае нас следует считать просто ясновидцами.

Э. КУССУЛЬ, ОЛЬШАННИКОВ

1985, № 9

лист без дырки. С другой стороны, действительная площадь дырявого листа $S_{д.л.}$ меньше площади целого листа $S_{ц.л.}$ на площадь дырки $S_{д.}$:

$$S_{д.л.} = S_{ц.л.} - S_{д.}$$

или

$$S_{д.л.} = S_{ц.л.} + (-S_{д.}).$$

То есть площадь дырявого листа состоит из суммы площади целого листа и отрицательной площади дырки. Поэтому длину стороны L квадратной дырки можно определить так:

$$L = \sqrt{-S_{д.}} = i\sqrt{S_{д.}}$$

Но если принять площадь дырки равной единице, то тогда

$$L = i.$$

Теперь вы можете не только написать на бумаге мнимую единицу i , но и пощупать ее руками. Это сторона квадратной дырки, площадь которой равна единице... Заметим, что вырезанный квадратик имеет стороны, равные по величине действительной единице. Последнее дает возможность строго сформулировать ранее интуитивно ощущавшееся различие между квадратом и квадратной дыркой.

Итак, мне принадлежит честь экспериментального открытия мнимой единицы. Кстати, было бы любопытно разобрать такой вопрос: а что происходит с дыркой после того, как бублик съеден? Предлагаю желающим заняться исследованием этого интереснейшего вопроса.

К.П. ГУРЬЕВ

1975, № 9

Когда добавлять молоко?

Чай и кофе пьют как дома, так и на работе. Но если приготовление кофе в лабораторных условиях уже исследовано [1], то домашние проблемы остались почему-то вне поля зрения специалистов. Это серьезный пробел, поскольку доказано [2], что именно утренний кофе приносит наибольшую пользу.

Многие предпочитают чай и кофе с молоком. Такая позиция применительно к завтраку вполне правомерна: холодное молоко быстро снижает температуру напитка, сокращая таким образом время, отделяющее приготовление от потребления. При этом уменьшается риск обжечь язык.

Но возникает важная проблема: когда следует добавить молоко — сразу или через некоторое время, когда напиток в чашке уже немного остынет? Строгое научное решение позволит сэкономить обширному кругу завтракающих миллионы секунд полезного времени*.

Ранее было показано [3], что расход времени на питание удобнее всего рассчитать кинетическим методом. Предположим, что в нашем распоряжении $\frac{4}{5}$ стакана только что вскипевшего чая или кофе и $\frac{1}{5}$ стакана холодного молока. При комнатной температуре (20°C) скорость остывания горячей жидкости в стакане описывается простым дифференциальным уравнением первого порядка:

$$dt/d\tau = -kS(t - 20),$$

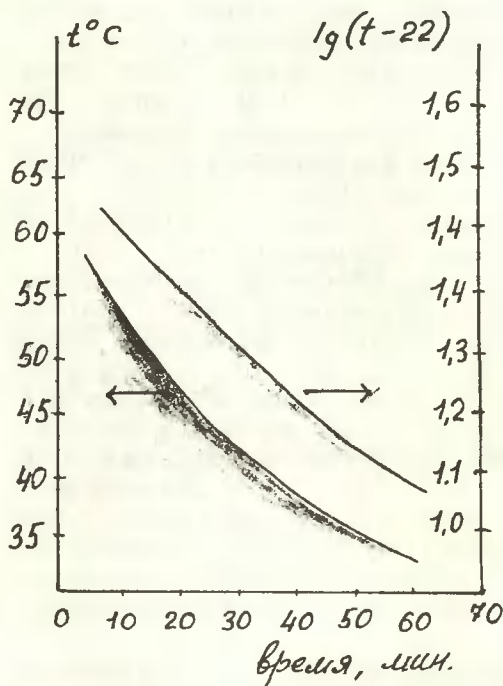
где t — температура, τ — время, S — поверхность стакана, k — константа, определяемая условиями теплообмена. Изменением температуры и объема напитка вследствие испарения небольшой части жидкости мы пренебрегаем. Если вы предпочитаете строгий расчет, никто не мешает прикрыть стакан блюдцем.

Решение уравнения имеет вид: $t = (t_{\text{нач}} - 20) \exp(-kS\tau) + 20$, или $\ln(t - 20) = \ln(t_{\text{нач}} - 20) - kS\tau$. Константу k определим экспериментально. Опустим в горячий напиток хорошо вымытый термометр и будем следить за изменением температуры со временем. Результаты наблюдений для тонкого стакана площадью 165 см^2 приведены на первом графике. Согласно наклону прямой, $k = 1,2 \cdot 10^{-4}$ град/мин $\cdot\text{см}^2$.

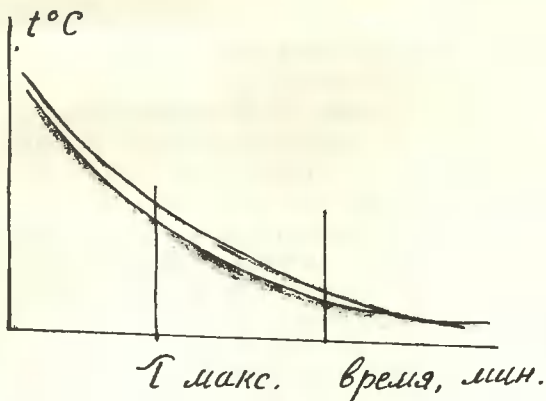
Случай I. Наливаем в стакан 160 мл чая или кофе ($t \approx 100^\circ\text{C}$) и добавляем 40 мл молока из холодильника ($t \approx 0^\circ\text{C}$). Теплоемкости обеих жидкостей примерно равны, значит, начальная температура смеси $t_{\text{нач}} = 80^\circ\text{C}$. Подставим известные величины в ранее выведенное уравнение:

$$t_1 = (80 - 20) \exp(-1,2 \cdot 10^{-4} \cdot 165\tau) + 20 \approx 60 \cdot \exp(-0,02\tau) + 20. \quad (1)$$

Случай II. Молоко до поры до времени не наливаем, то есть $t_{\text{нач}} = 100^\circ\text{C}$, $S = 140\text{ см}^2$ (так как жидкости в стакане теперь меньше). Через время τ темпера-

* Отметим, что 10^6 секунд ≈ 40 рабочих дней. — И.Л.

тура станет равной $t' = (100-20) \exp(-1,2 \cdot 10^{-4} \cdot 140 \tau) + 20 \approx 80 \cdot \exp(-0,017\tau) + 20$. А вот теперь в слегка остывшую жидкость добавим те же 40 мл холодного молока. Конечную температуру t_2 определим из уравнения теплового баланса: $40t_2 = 160(t' - t_2)$, откуда

$$t_2 = 64 \cdot \exp(-0,017\tau) + 16. \quad (2)$$

Сравним выражения (1) и (2). Обе зависимости – экспоненты (второй график), которые идут из одной точки. Поначалу первая кривая спадает быстрее. Однако при $\tau \rightarrow \infty$ $t_2 < t_1$. Следовательно, в некоторой точке кривые пересекутся. Расчет показывает, что это произойдет примерно через 100 мин. Итак, первые полтора часа предпочтителен способ 1.

А велика ли разница? Из уравнения экстремума $d(t_2 - t_1)/d\tau = 0$ следует, что для $\tau < 100$ мин максимальная разница в температурах достигается спустя 50 мин и составляет около 2°C . При $\tau \rightarrow \infty$ разность $t_2 - t_1$ достигает целых 4°C , однако ждать придется слишком долго.

Случай III и IV. Все аналогично предыдущим вариантам, только молоко забыли поставить в холодильник. Ситуация резко меняется. Если сразу добавить молоко (случай III), температура скачком упадет до 84° и далее будет снижаться в соответствии с уравнением $t_3 = 64 \cdot \exp(-0,02\tau) + 20$. Если же молоко добавляется через время τ (случай IV), то $t_4 = 64 \cdot \exp(-0,017\tau) + 20$. Очевидно, что $t_3 < t_4$, то есть напиток, в который сразу добавили молоко, всегда будет холоднее.

Случай V и VI. Молоко берем из холодильника, но добавляем его так мало, что

увеличением поверхности можно пренебречь. В выражениях для t_5 и t_6 множители $\exp(-kSt)$ одинаковы, поэтому при любом $\tau > 0$ $t_5 > t_6$. Значит, в этом случае молоко следует добавлять позже.

Если предыдущие выкладки вас окончательно запутали и вы не можете решить, какому способу отдать предпочтение, рекомендуем седьмой, и последний вариант. Молоко для опыта (то есть для завтрака) берется, как и в предыдущем случае, в малом количестве, но комнатной температуры. Столь незначительное изменение условий опыта сразу решает все проблемы. Действительно, если взять 180 мл кофе или чая и 20 мл молока, то в этом случае $t_1 = t_2 = 92 \cdot \exp(-0,02\tau) + 20$. Это поистине замечательный результат, избавляющий экспериментатора от мучительных размышлений по утрам: температура напитка в любом случае одинакова и не зависит от момента, когда добавляется молоко.

Нельзя исключить, впрочем, что истинная температура будет отличаться от расчетной на десяток-другой градусов. Опытный экспериментатор рано или поздно докопается до причины ошибки, однако проще будет воспользоваться универсальным приемом: ввести в уравнение эмпирическую постоянную. Даже не очень искусственному химику вполне по силам определить ее численное значение. Для этого достаточно неделю-другую контролировать остывание с помощью термометра и секундомера. Поскольку обе руки будут заняты, рекомендуем привлечь к записи отсчетов кого-либо из домашних, посулив ассистенту долю в приготовленном кофе.

И. ЛЕЕНСОН

ЛИТЕРАТУРА

1. А. Конон. Приготовление кофе в научно-исследовательских учреждениях. В сб. "Физики продолжают шутить", "Мир", 1968, с. 87.
2. Рекламное объявление, 1959.
3. И. Леенсон, А.П. Осипов. Очереды: кинетические и практические аспекты. "Химия и жизнь", 1974, № 7, с. 80.

1978, № 9

Как писать статью по биохимии

КРАТКОЕ ПОСОБИЕ ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ

Введение. Служит для того, чтобы показать себя. Начинайте со ссылок на собственные работы (предварительные результаты, тезисы студенческих конференций), кое-что процитируйте. Не забудьте ответить поклон научному руководителю и возможному рецензенту. Ссылки на себя надо делать несколько небрежно, ссылки на руководство должны включать эпитеты, как-то: «блестящий», «глубокий», «изящный», «всесторонний». В самом конце раздела можно упомянуть две-три работы посторонних авторов, если это позарез необходимо. Впрочем, их данные противоречивы и разрозненны, отсюда актуальность вашей работы.

Материалы и методы. Наиболее подходящее место, чтобы создать себе репутацию экспериментального волка. Пишите подробнее: заголовки, подзаголовки, подподзаголовки. Посвятите абзац качеству реактивов: соли у вас только фирмы «Мерк», ферменты – «Сигма», сахароза – «Байо-Рэд». Все остальное вы перекристаллизовывали, перегоняли и сублимировали много раз, даже если в действительности вся очистка свелась к тому, что из банки с хлористым магнием вы выбросили дохлого таракана. Центрифуга – лучше всего «Спинко» последней модели, а pH-метр – «Пай-Юникэм». Крысы у вас породистые, 150 г ± 500 мг (тех, которые 150 г 600 мг, вы отправили обратно). Если ваш объект – пшеница, то она называется «Кентукки-301» (в скобках укажите, что это любезный подарок профессора Маттиаса). Свой метод, если на него есть хоть намек, распишите с подробностями, если и намека нет – придумайте модификацию общеизвестного. Это совсем просто: вместо 0,25 М сахарозы берите 0,26 М, вместо 40000 об/мин – 39000.

Важное замечание: говорите правду, много правды, гораздо больше правды, чем от вас ждут, но только не всю правду. Иначе злопыхатели догадаются, что очень удобное упрощение всем известной методики, благодаря которому вы получили свои чудесные результаты (всего за две недели), имело побочный результат – изучаемый фермент куда-то подевался уже на второй стадии выделения. Да и зачем читателю подробности?

Результаты. Если ваши данные таковы, что обсуждать нечего, то раздел лучше назвать «результаты и обсуждение». В этой части статьи желательно изложить полученную информацию, причем выдержанным научным языком, периодически вставляя слова вроде «сиречь», «ибо», «паче чаяния». Полностью переходить на старославянский не стоит – читатель может подумать, что это исследование по филологии. Смысл в том, чтобы ни один специалист не смог прочитать раздел до конца – а вдруг ему придет в голову шальная мысль повторить ваши опыты?

Обязательно приведите данные статистической обработки, даже если вы ее не делали. В последнем случае к полученным цифрам дописывают ±0,6. Объяснять, что это такое, не надо – вы унизите этим достоинство читателей.

Обсуждение. Тут вы можете в полной мере проявить воображение и фантазию, с тем лишь условием, что ваши выводы подтверждают теорию шефа и противоречат данным его оппонентов. С последними церемониться не следует: все равно они далеко и статью читать не будут. При анализе данных придумайте побольше объяснений, ни одному из них не отдавая предпочтения. Как бы ни повернулось дело впоследствии, вы окажетесь правы.

Иллюстрации. Хорошие картинки могут спасти и никчемную статью. Кто станет вникать в смысл графиков? Но всякий залюбуется чистотой линий и изяществом композиции. Рисунков пусть будет больше (рецензент напишет: «Статья прекрасно иллюстрирована»), можно приводить рисунки и не к месту – тогда у читателя

возникнет уважение к автору и ощущение собственной неполноценности. Если на ваших электрофореграммах решительно ничего не видно, укажите сбоку стрелочкой то положение, которое должен занимать предполагаемый белок. Подписи под рисунками должны быть обстоятельными. В них можно загнать весь раздел «методы» – это придаст статье вес и солидность.

Выводы. Здесь перескажите «результаты и обсуждение», только покороче. Один вывод должен быть глобальным (что-то вроде роли изучаемого явления в эволюции биосферы). Смело выдвигайте гипотезы. Если попадете пальцем в небо – это припишут вашей молодости, но уж если гипотеза подтвердится, то каждую следующую статью вы будете начинать словами: «Еще в 1988 году...»

Название. Вот самая важная часть работы, можно сказать, блесна, на которую ловится читатель. Заголовок должен быть звучным и легко читаемым. Желательны слова с буквой «р» – инконгруэнтный, транскрипция; впрочем, хороши и слова с другими буквами – интуссусцепция, адекватный. Вообще в названии должна быть интрига, что-то потустороннее, почти мистическое...

Стиль. Надо дать почувствовать читателю, что вы не простой человек. Используйте при любой возможности сложноподчиненные предложения с несколькими придаточными, строчек на восемь, чтобы читатель задолго до того, как дойдет до конца фразы, напрочь забыл ее начало. Ненавязчиво вставляйте латинские и древнегреческие выражения (*inter alii*, *ad hoc* и т.д.). Время от времени стройте фразы на иностранный манер («эксперимент дополнительный проведен был...»).

Благодарности. На ваше усмотрение – и, полагаю, вы не ошибетесь. Не благодарите только студентов, которые, собственно, и провели эксперимент: могут зазнаться.

Библиография. Список литературы не должен быть ни слишком большим (это нервирует редакторов), ни слишком маленьким (это свидетельствует об узости мышления). Прочитайте: все свои работы, главные работы шефа, кое-что из трудов друзей и знакомых по лаборатории. Если останется место, дайте две-три ссылки на статьи по проблеме и добавьте одну работу, напечатанную на заре биохимии, желательно в немецком журнале.

Соавторы. Если ваша фамилия Аабаев, то волноваться нет причин. Во всех сомнительных случаях ставьте себя на последнее место, которое занимают обычно руководители – из тех, что поскромнее. Несколько раз увидев вашу фамилию в конце списка авторов, ученый читатель напишет в своем обзоре: «...на основании результатов, полученных в лаборатории такого-то...»

Настоящее пособие с незначительными поправками может быть использовано и в других областях науки. Да, главное забыл: бумагу для статьи берите самого лучшего качества, желательно с водяными знаками.

В. ПУШКАРЕВ

1989, № 1

Зачем нужен авторский указатель

Для чего существует авторский указатель к реферативному журналу? Формульным указателем мы пользуемся, когда не знаем чего-то о конкретном веществе, предметным — когда ничего не знаем, авторским — если хотим проследить за успехами однокашника. И только? Нет, сфера применения авторского указателя гораздо шире; к сожалению, не всем это известно.

Предположим, вы приступили к важной научной работе по прикапыванию брома. Тема для вас новая, и вам пока неизвестно, кто есть кто в данной области. Как быть?

Вы заходите в библиотеку и берете со стенда новых поступлений самый свежий номер французского журнала, который называют обычно «Комптес рендус» (ударение на любом слоге; правильное произношение в нашем случае роли не играет). И вдруг среди «Писем в редакцию» вы обнаруживаете: М. Кретьен, Г. Шмертс, Б.У. Зорро и Шагадам Магадам. *Успешное прикапывание брома к тетралину в условиях повышенной напряженности магнитного поля Земли.*

Прочитав «Письмо» с той скоростью, которую позволяет знание языка,

вы чувствуете жгучее желание немедленно связаться с авторами для выяснения одного вопроса, не совсем ясно истолкованного в тексте. Но кому писать? Кто из авторов что делал? И вообще — почему их так много?

Вот здесь и нужен авторский указатель. При известном навыке с его помощью можно оценить довольно точно вклад каждого из авторов. Полистаем же указатель и заглянем в рефераты, которые там упомянуты. Например:

Кретьен М. — каждый год не меньше сотни публикаций в самых разных областях;

Шмертс Г. — по три статьи ежегодно, только о зависимости скорости бромирования от напряженности магнитного поля.

Зорро Б.У. — в среднем по десятку публикаций в год, исключительно о прикапывании, но все с разными соавторами.

Шагадам М. (и Магадам Ш.) в указателе отсутствуют.

Теперь совершенно ясно, что М. Кретьен — это зам. директора по науке. Он давно уже не только не пишет, но даже не читает статей, в которых значится соавтором, а если что и читает, то публичные лекции, в том числе о напряженности магнитного поля. Г. Шмертс — руководитель средних лет, способностей и ранга (тематика по бромированию); он-то и писал статью. Б.У. Зорро — счастливый обладатель единственной в городе капельной воронки, которую он сдает в аренду в обмен

на соавторство. Шагадам Магадам — целевой аспирант. Это его первая серьезная работа; сначала он отмерял реагенты, а потом прикапывал.

Ваши дальнейшие действия теперь очевидны. Если вас интересуют особенности прикапывания брома в условиях Франции, следует послать официальный запрос на имя М. Кретьена, отчетливо понимая, что отвечать все равно будет Г. Шмертс. Если же интересен не объект, а метод, то можно, разумеется, написать Б.У. Зорро, хотя очень сомнительно, чтобы он прислал вам свою капельную воронку...

С.М. ШЕВЧЕНКО

1989, № 8

Как придумать термин

Обычно новые научные термины входят в употребление с известным трудом: ученые не рискуют обращаться с языком так же вольно, как это позволяют себе некоторые писатели и поэты. Однако в англоязычной научной литературе новые термины прививаются сравнительно просто: здесь словесная смелость, если не сказать развязность, часто исходит от специалистов, для которых английский – не родной.

Целую серию оригинальных жаргонных терминов ввел в оборот один из выдающихся специалистов по магнитному резонансу А. Абрагам. (Заметим, что его родной язык – русский, сам он смолodu живет и работает во Франции, а научные статьи часто пишет и публикует на английском).

Некоторые из новых терминов Абрагама формируются по совершенно фантастическому принципу. А именно: для нового явления выдумывается несуществующий первооткрыватель с английской фамилией, напоминающей фамилию подлинного открывателя прямо противоположного эффекта, но противоположной ей по смыслу.

Скажем, американский ученый А. Оверхаузер известен как автор интересного эффекта усиления сигналов ядерного магнитного резонанса (Overhauser effect). Когда Абрагам наблюдал такой же эффект, но с изменением полярности сигнала (сигнал наоборот!), то назвал его Underhauser effect: ведь по-английски over – это «над», а under – «под». Интересно, что один из редакторов русских переводов до того поверил в этого Андерхаузера, что поставил его фамилию впереди имени Абрагама во всех ссылках на соответствующую публикацию, видимо решив, что в оригинале она по ошибке опущена...

Не менее лихо поступил Абрагам, приписав эффект сдвига частоты сигнала электронного парамагнитного резонанса под влиянием ядер некоему Дэю (day – день), имея, очевидно, в виду из-

вестный сдвиг Найта для частоты ядер под влиянием электронов. Абрагам, конечно, хорошо знал, что фамилия настоящего Найта (W.D. Knight) на самом деле происходит от слова «рыцарь», а не от слова «ночь» (night). Тем не менее «сдвиги Дэя» на полном серьезе упоминаются во многих научных работах.

А один из эффектов магнитного резонанса, который также открыл Абрагам (вместе с У. Проктором), трудно было представить в качестве антагониста какому-нибудь другому эффекту, и ученый шутник назвал его просто «solid effect» – что вроде «эффекта твердости». Видимо, правильнее переводить «железный эффект», потому что в американском жаргоне слово solid употреблется также в смысле «хороший», «отличный».

...Ученые, для которых английский язык – родной, как будто не обижаются на Абрагама и нередко употребляют его термины, причем без кавычек. Но редакторы переводов могут не знать происхождения того или иного термина. В результате приходится порой сталкиваться с анекдотическими случаями, когда, скажем, «greenhouse effect» (то есть тепличный эффект) переводится как «эффект Гринхауза».

Хорошо бы открыть еще какой-нибудь новый эффект и назвать его по-русски так, чтобы и английские редакторы поломали себе головы...

А. КЕССЕНИХ

1975, № 7

